

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Джеймс
Клавелл

БЛАГОРОДНЫЙ
ДОМ

КНИГА 2

Рискованная
игра

РОМАН О ГОНКОНГЕ

The Big Book

Джеймс Клавелл

**Благородный Дом.
Роман о Гонконге. Книга
2. Рискованная игра**

«Азбука-Аттикус»

1981

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Клавелл Д.

Благородный Дом. Роман о Гонконге. Книга 2. Рискованная игра /
Д. Клавелл — «Азбука-Аттикус», 1981 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-13850-6

Почувствова слабость Благородного Дома, непримиримые враги, заклятые соперники и даже друзья строят планы по захвату компании, желая урвать кусок пожирнее. Американец ведет двойную игру, вступая в переговоры с давним противником Благородного Дома. Друзья и члены самой семьи Иэна, желая поживиться, готовы продать секреты, причем как можно дороже. Бурные события сменяют друг друга с невероятной скоростью. Здесь и похищения, убийства, финансовые махинации, противостояние семейств, предательство, любовь, интриги, стихийные бедствия и неумолимое течение судьбы. Благородный Дом стоит на краю пропасти. Лишь чудо может спасти его...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13850-6

© Клавелл Д., 1981
© Азбука-Аттикус, 1981

Содержание

Четверг	6
Глава 39	6
Глава 40	12
Глава 41	29
Глава 42	43
Глава 43	55
Глава 44	59
Глава 45	76
Глава 46	97
Глава 47	102
Глава 48	109
Глава 49	115
Глава 50	119
Глава 51	126
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Джеймс Клавелл
Благородный Дом: Роман о
Гонконге. Кн. 2: Рискованная игра

James Clavell

NOBLE HOUSE

Copyright © 1981 by James Clavell

All rights reserved

Перевод с английского Игоря Егорова

Серийное оформление и оформление обложки Ильи Кучмы

© И. А. Егоров, перевод, примечания, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

Четверг

Глава 39

4:50

До рассвета оставалось около часа, шел проливной дождь. Взглянув на полуобнаженное тело Джона Чэня, Пун Хорошая Погода выругался. Он тщательно обыскал всю одежду убитого, обшарил все комки грязи там, где был закопан труп. Откапывали его двое юнцов – Цзинь Пак и Чэнь Собачье Ухо, и казалось, этим комкам не будет конца. Но найти ничего не удалось – ни целых монет, ни их частей, ни драгоценностей, ничего. А Четырехпалый У сказал намеренно: «Найди ту половинку монеты, Пун Хорошая Погода!» Позже старик дал дополнительные указания, и Пун Хорошая Погода остался очень доволен, потому что это снимало с него ответственность и ошибки быть не могло.

Он приказал Чэню Собачье Ухо и Цзинь Паку спустить труп Папаши Цзиня вниз по лестнице и пригрозил Рябому Цзиню, который держался за свою изуродованную руку, что отрежет ему язык, если тот еще раз застонет. Труп оставили в одном из переулков. Потом Пун Хорошая Погода разыскал Короля Нищих Коулун-сити, который приходился Четырехпалому У дальним родственником. Все нищие входили в гильдию, и у них имелись свои короли: один – в Гонконге, другой – в Коулуне и третий – в Коулун-сити. В старые времена нищенство было доходным занятием, но теперь, когда за него давали большой тюремный срок, из-за штрафов и появления множества других хорошо оплачиваемых занятий все переменилось.

– Понимаете, Почтенный Король Нищих, этот наш знакомый только что умер, – терпеливо объяснял Пун Хорошая Погода важному старику. – Родственников у него нет, поэтому его оставили на улице в переулке Цветочников. Мой Великий Дракон, несомненно, будет признателен за небольшую услугу. Не могли бы вы похоронить умершего по-тихому?

Он из вежливости поторговался, заплатил согласованную цену и пошел к такси и машине, дожидавшимся его за городской чертой, довольный, что теперь труп исчезнет бесследно навсегда. Цзинь Пак уже сидел в такси на переднем сиденье. Пун сел рядом.

– Веди нас к Джону Чэню, – приказал он. – И побыстрее!

– Выезжай на Шатинь-роуд, – важно велел Цзинь Пак водителю.

Чэнь Собачье Ухо съехал на заднем сиденье рядом с уличными бойцами Пуна Хорошая Погода. Рябой Цзинь и остальные следовали за ними в машине.

Обе легковушки повернули на северо-запад в сторону Новых Территорий по дороге из Шатиня в Тайбо. Она петляла между деревушками, зонами новой застройки и лачугами поселенцев, переваливала через холм, огибая идущую на север, к границе, железную дорогу и минуя плодородные сады с висевшим над ними густым запахом навоза. Здесь выращивали фрукты на продажу. Не доезжая до рыбацкой деревушки Шатинь, где справа открывалось море, они свернули с главной дороги налево, на проселок, усеянный выбоинами и лужами. В небольшой рощице остановились и вышли.

Шел теплый дождь, и от земли поднимался свежий аромат. Взяв лопату, Цзинь Пак повел всех в кусты. Пун Хорошая Погода светил фонариком, а Цзинь Пак, Чэнь Собачье Ухо и Рябой Цзинь искали. Найти точное место в темноте оказалось непросто. Они дважды начинали копать, и только потом Цзинь Пак вспомнил, что отец пометил место захоронения камнем в форме полумесяца. Промокнув до нитки и переругавшись, они в конце концов нашли

камень и снова взялись копать. Под верхним слоем земля была сухая. Спустя какое-то время они извлекли труп, завернутый в одеяло. От него шла страшная вонь. Пун Хорошая Погода заставил их снять с трупа одежду и прилежно обыскал его, но ничего не нашел.

– Все остальное вы послали Благородному Дому Чэнь? – снова спросил он. Лицо его было мокрым от дождя, насквозь промокла и вся одежда.

– Да, – вызывающе ответил молодой Цзинь Пак. – Сколько раз, ети его, можно это повторять? – Он ужасно устал, с одежды текло, и он был уверен, что его ждет смерть.

– Всем снять с себя ваши дерьмовые тряпки. Туфли, носки – все. Хочу посмотреть, что у вас в карманах.

Они повиновались. У Цзинь Пака на шее висела на тесемке дешевая круглая нефритовая пластинка. В Китае почти все носят кусочек нефрита на счастье, потому что знают: если злой бог заставит тебя споткнуться, дух нефрита встанет между тобой и злым богом и, приняв на себя основную тяжесть падения, рассыплется, не дав разбиться тебе. Ну а если не встанет, то, значит, к сожалению, дух нефрита спит, и такая у тебя судьба, ничего не поделаешь.

В карманах Цзинь Пака Пун Хорошая Погода не нашел ничего и швырнул ему одежду назад в крайнем раздражении.

– Можешь одеваться, и одень снова труп. Пошевеливайся!

У Чэня Собачье Ухо нашлось почти четыреста гонконгских долларов и качественный нефритовый браслет. Один из бойцов забрал браслет себе, деньги Пун положил в карман и повернулся к Рябому Цзиню. У всех глаза на лоб полезли при виде толстого рулона свернутых банкнот, найденного в кармане брюк этого юнца.

– Во имя Шлюхи Небесной, откуда у тебя все это? – удивился Пун Хорошая Погода, тщательно оберегая деньги от дождя.

Тот рассказал, как тряс счастливичиков, выходивших из «Хо-Пак». Все посмеялись, похвалив его за сообразительность.

– Молодец, неплохо придумано, – одобрил Пун. – Бизнесмен ты хороший. Одевайся. Как звали ту старуху?

– Она назвалась А Там. – Рябой Цзинь смахнул капли дождя с глаз. Пальцы ног скользили в грязи, изуродованная рука вся горела, и боль была невыносимой. – Я отведу вас к ней, если хотите.

– Эй, посветите мне, ети его! – Это был Цзинь Пак. Он стоял на четвереньках и старался натянуть одежду на труп Джона Чэня. – Может кто-нибудь помочь?

– Помогите ему!

Чэнь Собачье Ухо и Рябой Цзинь поспешили на помощь, а Пун Хорошая Погода снова направил луч света на труп. Тело раздулось и отекло, дождь смывал с него грязь. Сзади голова Джона Чэня была разбита, на спутавшихся волосах запеклась кровь, однако лицо еще можно было узнать.

– Айшйя, – произнес один из людей Пуна, – давайте кончать с этим. Чувствую, где-то здесь шныряют злые духи.

– Только брюки и рубашка – этого достаточно, – буркнул Пун Хорошая Погода. Он подождал, пока тело частично одели. Потом обратил взгляд на Вервольфов. – Ну, так и кто из вас, суки вы безродные, помог старику убить этого, ети его, бедолагу?

– Я уже го... – начал Цзинь Пак и осекся, потому что двое других указали на него и, произнеся одновременно: «Это он», отвернулись.

– Мне все время так и казалось! – Пун Хорошая Погода был доволен, что наконец-то удалось распутать клубок. Его толстый указательный палец уперся в Цзинь Пака. – Залезай в раскоп и ложись.

– У нас есть верный план, как похитить главу Благородного Дома Чэнь. Мы все поймеем от этого в два, в три раза больше, чем принес этот блудодей. Я расскажу вам как, *хейя?* – предложил Цзинь Пак.

Пун Хорошая Погода на миг задумался, но тут же вспомнил указания Четырехпалого.

– Давай в раскоп и в грязь лицом!

Глядя в неумолимые глаза, Цзинь Пак понял, что для него все кончено. Он пожал плечами. Значит, судьба.

– Помочиться я хотел на всех твоих предков, – сказал он и, забравшись в яму, лег в нее.

Он положил голову на разложенные в грязи руки и стал прощаться с жизнью. Из небытия в небытие, навсегда оставаясь частью семьи Цзинь во всех ее поколениях, вечно живой в этом нескончаемом потоке из поколения в поколение через всю историю в бессмертное будущее.

Пун Хорошая Погода взял лопату и, отдавая должное храбрости юнца, отправил его на тот свет мгновенно, всадив острый край лопаты между позвонками и надавив на рукоять. Цзинь Пак умер, даже не поняв этого.

– Забросайте могилу!

Чэнь Собачье Ухо окаменел от страха, но тут же бросился выполнять приказание. Усмехнувшись, Пун Хорошая Погода подставил ему ножку и дал хорошего пинка за трусость. Тот рухнул в яму. Лопата в руках Пуна Хорошая Погода мгновенно взмыла и, описав полукруг, с хрустом врезалась Чэню Собачье Ухо в спину. Охнув, тот рухнул на тело Цзинь Пака. Остальные засмеялись, а один сказал:

– И-и-и, классный удар! Как заморские дьяволы лупят битой в крикете. Здорово. Он готов?

Пун Хорошая Погода не ответил, глядя на последнего Вервольфа, Рябого Цзиня. Все тоже уставились на него. Он стоял под дождем и не двигался. Именно тогда Пун Хорошая Погода обратил внимание на тугую тесемку вокруг его шеи. Подойдя с фонариком, Пун увидел, что другой конец свисает парню на спину. Его оттягивала разломанная пополам монета с аккуратно просверленной в ней дыркой. Монета была медная и, похоже, старинная.

– Да пустят ветры все боги в лицо Цао Цао!¹ Где ты это взял? – спросил он, расплываясь в улыбке.

– Отец дал.

– А у него это откуда, мразь ты мелкая?

– Он не сказал.

– Он мог взять это у Первого Сына Чэнь?

Тот снова пожал плечами:

– Не знаю. Меня здесь не было, когда его убивали. Я не виноват, клянусь головой матери! Резким движением Пун Хорошая Погода сорвал у него тесемку с шеи.

– В машину его, – приказал он двум бойцам. – Присмотрите за ним. Возьмем его с собой. Да, мы возьмем его с собой. Остальных засыпать, и могилу замаскировать хорошенько.

Оставшимся двоим бойцам он велел взять одеяло с телом Джона Чэня и следовать за ним. Они неуклюже двигались за вожак в темноте.

Устало шагая и обходя лужи, Пун вышел к Шатинь-роуд. Неподалеку стоял полусломанный навес автобусной остановки. Выбрав момент, когда на дороге не было машин, он подал знак, и его люди, быстро развернув одеяло, пристроили тело стоймя в углу. Пун вынул подготовленную Вервольфами надпись и тщательно укрепил на груди трупа.

– Зачем ты это делаешь, Пун Хорошая Погода, *хейя?* Зачем ты дел...

---

¹ Цао Цао (155–220) – китайский поэт, полководец и государственный деятель последних лет династии Восточная Хань. Популярный персонаж классического романа «Троецарствие». В литературной и фольклорной традиции – коварный и жестокий правитель.

– Потому что Четырехпалый приказал! Откуда я знаю? Заткни свой, ети его, рот...

Их неожиданно залило светом фар вывернувшей из-за поворота машины. Они застыли и отвернулись, сделав вид, что ждут автобус. Когда машина благополучно проехала мимо, они бросились бежать. Небо уже окрасилось первыми проблесками зари, и дождь стал утихать.

Зазвонил телефон. Не открывая глаз, Армстронг нащупал в полутьме трубку. Беспокойно заматававшись, проснулась и его жена.

– Это главный сержант Тан-по, сэр. Извините, что разбудил, сэр, но мы нашли Джона Чэня. Вер...

Армстронг мгновенно проснулся.

– Живого?

– *Цзю ни ло мо*, нет, сэр. Его труп обнаружен на автобусной остановке, под навесом на остановке, сэр. Эти, ети их, Вервольфы приколоты к его груди записку, сэр: «Первый Сын Чэнь был настолько глуп, что попытался скрыться от нас. Никому не скрыться от Вервольфов! Пусть об этом знает весь Гонконг. Наши глаза везде!» Он...

Потрясенный Армстронг слушал, а сержант продолжал взволнованно рассказывать, как какой-то ранний пассажир автобуса вызвал полицию в Шатинь. Копы тут же оцепили окрестности и позвонили в уголовный розыск Коулуна.

– Что нам делать, сэр?

– Немедленно вышлите за мной машину.

Армстронг повесил трубку и стал тереть глаза, чтобы прогнать усталость. На нем был саронг², который красиво смотрелся на мускулистом теле.

– Что-нибудь случилось? – Подавив зевок, Мэри потянулась. Ладная сорокалетняя женщина с каштановыми волосами и миловидным, хотя и тронутым морщинками лицом, она была всего на два года младше мужа.

Он рассказал, наблюдая за ней. Мэри охнула и побледнела.

– Какой ужас. Ох, какой это ужас. Бедный Джон!

– Я приготовлю чай.

– Нет, я сама. – Изогнувшись крепким телом, она встала с постели. – У тебя будет время?

– Только на одну чашку. Слушай, какой дождь... Самое время, черт возьми!

Армстронг задумчиво прошел в ванную, быстро побрился и оделся, как это умеют делать только полицейские и врачи. Два глотка горячего сладкого чая, и не успел он взяться за тост, как раздался звонок в дверь.

– Я позвоню потом. Как насчет карри сегодня вечером? Можно пойти к Сингху.

– Да, – сказала она. – Пойдем, если хочешь.

Дверь за ним закрылась.

Мэри Армстронг продолжала смотреть на нее. «Завтра наша пятнадцатая годовщина. Интересно, помнит ли он? Скорее всего, нет. За прошедшие четырнадцать его в этот день восемь раз не было дома, один раз я лежала в больнице, а остальные... остальные, думаю, прошли нормально».

Она подошла к окну и отдернула занавеси. В полутьме по окнам струились потоки дождя, но они несли приятную прохладу. Мебель в этой квартире с двумя спальнями принадлежала им, но сама квартира была казенная, не станет работы – не станет и ее.

«Господи, что за работа!

Как паршиво быть женой полицейского. Всю жизнь только и делаешь, что ждешь, когда он вернется домой, и переживаешь, как бы его не пырнул ножом какой-нибудь гнусный пре-

---

² *Саронг* – большой кусок ткани, который обычно оборачивают вокруг талии и носят как юбку и мужчины, и женщины в странах Юго-Восточной Азии и на островах Тихого океана.

ступник, как бы его не застрелили, не ранили. Ночью чаще всего спишь одна. И в любое время дня и ночи может разбудить паршивый звонок с сообщением о каких-нибудь еще более паршивых неприятностях, и вот он опять уходит. Работает за двоих, а получает гроши. А ты идешь в Полицейский клуб и сидишь там с женами других копов, пока мужики надираются, и обмениваешься сплетнями, и пьешь слишком много розового джина. У них, по крайней мере, есть дети.

Дети! О боже... были бы у нас дети.

Но ведь большинство жен жалуются, что ужас как устают, что дети их выматывают. И потом эти *ама*, и школа, и расходы... и все остальное. Для чего, черт возьми, нужна эта жизнь? Какая мерзкая, пустая трата времени! Какая невыразимо мерзкая...»

Зазвонил телефон.

– Заткнись! – прикрикнула она на него, а потом нервно рассмеялась. «Что-то разошлась ты, Мэри, Мэри Все Наоборот³», – пожурила она себя и подняла трубку. – Алло?

– Мэри, это Брайан Квок, прошу прощения, что разбудил, а Робе...

– О, привет, дорогой. Нет, извини, он только что уехал. Что-то насчет Вервольфов.

– Да, я только что узнал, поэтому и звоню. Он поехал в Шатинь?

– Да. Ты тоже едешь?

– Нет. Я со Стариком.

– Бедняга. – Она услышала, как он засмеялся. Они немного поболтали, и Брайан отключился.

Вздохнув, она налила себе еще одну чашку чая, добавила молока и сахара и стала думать о Джоне Чэне. Когда-то она безумно любила его. Их связь длилась больше двух лет, он был у нее первым. А происходило это в японском лагере для интернированных, в тюрьме Стэнли, на юге острова.

В 1940 году она с отличием сдала в Англии экзамены по гражданской службе, и через несколько месяцев ее послали в Гонконг. Морское путешествие вокруг мыса Доброй Надежды выдалось долгим, и она прибыла сюда лишь в конце сорок первого. Ей тогда исполнилось всего девятнадцать, и ее почти сразу же интернировали вместе со всеми гражданскими европейцами. В Стэнли она оставалась до 1945 года.

«Когда я выбралась оттуда, мне было двадцать два, и последние два года мы с Джоном любили друг друга. Бедняга Джон, его постоянно пилил мерзкий отец и больная мать. Ему некуда было деться от них». В лагере не представлялось почти никакой возможности уединиться, всех держали вместе в одном тесном и душном помещении: семьи, дети, грудные младенцы, мужья, жены. И все годы – ненависть, голод, зависть и совсем немного смеха. Она любила его, и это помогло вынести все лагерные невзгоды...

«Не хочется вспоминать об этом гнусном времени.

Или о гнусном времени после лагеря, когда он женился на той, кого ему выбрал отец, – паршивая маленькая мегера, но с деньгами, влиянием и семейными связями в Гонконге. У меня такого не было. Надо было вернуться домой, но домой не хотелось – да и что там, дома, к чему возвращаться? Так что я осталась, устроилась на работу в Колониальное управление, и все было неплохо, довольно неплохо. А потом встретила Роберта.

Ах, Роберт... Ты был хорошим мужем и хорошо относился ко мне, и нам было весело, и я была тебе хорошей женой, и по-прежнему стараюсь. Но я не могу иметь детей, а ты... мы оба хотим детей, и однажды, несколько лет назад, ты узнал о Джоне Чэне. Ты никогда не спрашивал меня о нем, но я знаю, что ты знаешь, и с того времени ненавидишь его. Все это случилось задолго до того, как я встретила тебя, и ты знал, что я была в лагере, но не знал, что у меня

---

³ *Мэри Все Наоборот* – героиня английского детского стишка: «Что в саду у нашей Мэри, // Мэри Все Наоборот? // Колокольчики, ракушки // И девчонок хоровод».

был любовник. Помнишь, как перед свадьбой я спросила: „Ты хочешь знать о том, что было, дорогой?“ И ты сказал: „Нет, старушка“.

Ты, бывало, частенько называл меня „старушка“. Теперь ты никак меня не называешь. Только Мэри иногда.

Бедный Роберт! Как я, должно быть, разочаровала тебя!

Бедный Джон! Как ты разочаровал меня, когда-то такой замечательный, а теперь такой совсем мертвый.

Лучше бы я тоже умерла».

И она зарыдала.

Глава 40

7:15

– Похоже, дождь и не думает заканчиваться, Алексей, – сказал Данросс, глядя на мокрые скаковые дорожки и хмурое, затянутое тучами небо.

– Согласен, тайбань. Если и завтра будет дождь, даже не весь день, то ход в субботу будет скверный.

– Жак? Ты что думаешь?

– Согласен, – откликнулся де Вилье. – То, что дождь пошел, слава богу, но *merde*, будет очень жаль, если скачки отменят.

Данросс кивнул.

Они стояли на травяном газоне около круга почета на ипподроме Хэппи-Вэлли, все трое в плащах и шляпах. У Данросса через все лицо тянулась широкая ссадина с синяками, но взгляд был тверд и ясен. Спокойный и уверенный, он наблюдал за нависшими облаками и дождем, который по-прежнему лил, хотя не так сильно, как ночью. Вокруг paddock и на трибунах в такой же задумчивости стояли другие тренеры, владельцы и просто любопытствующие. Среди нескольких лошадей, выведенных на разминку, были Ноубл Стар, Буканир, Баттерскотч Лэсс, с которой работал жокей конюшни, и Пайлот Фиш Горнта. Всех вели осторожно на очень коротких поводьях: и на дорожке, и на подходе к ней было очень скользко. Лишь Пайлот Фиш пританцовывал: дождь ему нравился.

– Сегодня утром в прогнозе погоды сказали, что штормовой фронт идет огромный. – Вокруг карих глаз Травкина лежали темные круги, он пристально смотрел на Данросса. – Даже если завтра дождь перестанет, ход в субботу все равно будет мягкий.

– А от этого шансы Ноубл Стар выше или ниже, Алексей? – спросил Жак.

– На все воля Божья, Жак. Она никогда не бежала на мокром грунте.

Травкину было трудно сосредоточиться. Вчера вечером раздался телефонный звонок – тот же тип из КГБ. Он грубо прервал расспросы о причинах своего внезапного исчезновения. «Вам не положено спрашивать, князь Курганский. Лишь расскажите все, что знаете о Данроссе. Сейчас же. Все. Его привычки, слухи о нем, все».

Травкину пришлось подчиниться. Он понимал, что повязан по рукам и ногам, что кагэбэшник, должно быть, записывает разговор на пленку, чтобы проверить, насколько его рассказ соответствует истине. Мельчайшее отклонение от правды может стать гибельным для его жены, или сына, невестки, внуков – если они вообще существуют.

«Существуют ли они?» – задавался он мучительным вопросом.

– Что с тобой, Алексей?

– Ничего, тайбань, – ответил Травкин, чувствуя себя так, словно вымарался в грязи. – Размышляю над тем, что вам пришлось испытать вчера вечером. – Новости о пожаре заполнили все диапазоны вещания. И все сообщения затмил душераздирающий рассказ Венеры Пань, свидетельницы произошедшего. – Другим ужасно не повезло, верно?

– Да. – Пока в погибших числилось пятнадцать человек, сгоревших и утонувших, в том числе двое детей. – Не один день пройдет, пока выяснится, сколько погибло на самом деле.

– Ужас, – вздохнул Жак. – Когда я услышал об этом... Если бы Сюзанна была здесь, мы тоже бы попались. Она... Странно, как иногда складывается жизнь.

– Какая-то огненная западня, черт побери! Со мной первый раз такое, – признался Данросс. – Все ужинали там не один десяток раз... Я встречаюсь сегодня утром с губернатором по поводу всех этих плавучих ресторанов.

– Но у вас-то все в порядке, у вас лично? – спросил Травкин.

– О да. Никаких проблем. – Данросс мрачно улыбнулся. – Если мы все не подхватим круп⁴ после купания в этой выгребной яме.

Когда «Плывущий дракон» неожиданно перевернулся, Данросс, Горнт и Питер Марлоу были в воде прямо под ним. Из мегафона на полицейском катере прозвучало отчаянное предупреждение, и все трое рванулись прочь. Данросс плавал хорошо, и они с Горнтом успели покинуть опасную зону, но поднявшейся волной их отбросило назад. Уходя под воду, Данросс увидел, что в воронку затянуло наполовину заполненную людьми шлюпку, что она перевернулась и Марлоу в беде.

Он позволил бурлящему потоку отнести себя, пока шлюпка не легла на борт, и нырнул за Марлоу. Данросс нащупал пальцами его рубашку и уцепился за нее. Какое-то мгновение их обоих кружило, затянуло еще на несколько фатомов⁵ вниз и ударило о палубу. От этого удара Данросс чуть не потерял сознание, но продолжал держать Марлоу и, когда тянуть вниз стало меньше, заработал ногами и всплыл. Их головы показались на поверхности вместе.

Марлоу выдохнул слова благодарности и рванулся к Флер, которая вместе с другими цеплялась за борт опрокинувшейся шлюпки. Вокруг царил хаос, люди хватали воздух ртом, тонули, их спасали матросы и те, кто посильнее. Данросс заметил, как за кем-то нырнула Кейси. Горнта нигде не было. Всплыл Бартлетт, держа Кристиана Токса, и метнулся за спасательным кругом. Убедившись, что Токс надежно держится за круг, он прокричал Данроссу: «Думаю, Горнта затянуло вниз, еще там была какая-то женщина...» – и тут же нырнул снова.

Данросс огляделся. «Плывущий дракон» уже почти лег на борт. Он ощутил подводный взрыв, вода вокруг на какое-то время забурилась. Показалась Кейси, чтобы набрать в легкие воздуха, и снова ушла под воду. Данросс тоже нырнул. Почти ничего было не разобрать, но он прошел на ощупь всю верхнюю палубу опрокинувшейся шлюпки, которая теперь стояла в воде почти вертикально. Поискал вокруг, оставаясь под водой, сколько мог, потом осторожно всплыл, потому что вокруг по-прежнему барахтались множество людей. Токса тошнило морской водой, он давился, но не выпускал спасательный круг. Данросс подплыл к нему и стал буксировать к какому-то матросу, зная, что Токс не умеет плавать.

– Держись, Кристиан... Уже все нормально.

Токс отчаянно пытался что-то сказать между позывами рвоты.

– Моя... моя жена... она внизу... внизу там... внизу...

К ним подплыл матрос.

– Я держу его, сэр. Вы в порядке?

– Да... да... Он говорит, его жену засосало.

– Господи! Я никого не видел... Сейчас позову на помощь! – Матрос повернулся в сторону полицейского катера и стал кричать.

Несколько его товарищей тут же бросились в воду и начали поиск. Данросс искал Горнта, но не увидел. Подплыла задыхающаяся Кейси и уцепилась за борт шлюпки, чтобы перевести дух.

– Как вы, ничего?

– Да... да... Слава богу, с вами все хорошо... – говорила она, задыхаясь. Грудь ее тяжело вздымалась. – Там внизу какая-то женщина, думаю, китаянка. Я видела, как ее засосало.

– Горнта не видели?

– Нет... Может, он... – Она показала в сторону катера.

---

⁴ Круп – болезнь гортани, вызванная крупозным воспалением слизистой оболочки. Сопровождается сужением просвета дыхательных путей, затруднением дыхания и часто заканчивается полным задушением больного.

⁵ Фатом (морская сажень) равен 1,83 м.

Там люди забирались по трапу, другие сбились в кучу на палубе. На мгновение из воды показался Бартлетт и погрузился снова. Кейси сделала еще один глубокий вдох и скользнула в воду. Данросс нырнул вслед за ней, держась чуть правее.

Втроем они продолжали поиски до тех пор, пока все остальные не оказались в безопасности на катере или сампанах. Женщину так и не нашли.

Когда Данросс добрался домой, Пенелопа крепко спала, но тут же проснулась.

– Иэн?

– Да. Спи, спи, дорогая.

– Все прошло хорошо? – сонно спросила она.

– Да. Спи, спи.

А час назад сегодня ему удалось уйти из Большого Дома, не разбудив ее.

– Ты слышал, что Горнт выплыл, Алексей? – спросил он.

– Да-да, слышал, тайбань. На все воля Божья.

– То есть?

– После вчерашнего, на фондовой бирже, было бы очень кстати, если бы он не выплыл.

Ухмыльнувшись, Данросс потянулся, чтобы ослабить боль в спине.

– Ага, но тогда бы я очень расстроился, на самом деле расстроился, потому что это лишило бы меня удовольствия уничтожить «Ротвелл-Горнт» самому, а?

– Поразительно, что не погибло больше народу, – заметил де Вилль, помолчав.

Они понаблюдали за прошедшим мимо рысью Пайлот Фишем: жеребец смотрелся весьма неплохо. Де Вилль окинул взглядом ипподром.

– Правда, что Бартлетт спас жизнь жене Питера Марлоу? – спросил Травкин.

– Да. Он прыгнул вместе с ней. И Линк, и Кейси поработали здорово. Просто великолепно.

– Прошу прощения, тайбань. Там Джейсон Пламм, – Жак кивнул в сторону трибун. – Мы с ним играем в бридж сегодня вечером.

– До встречи на «молитве», Жак, – улыбнулся ему Данросс, и де Вилль отошел. Он вздохнул, переживая за друга. – Я поехал в офис, Алексей. Позвони мне в шесть.

– Тайбань...

– Что?

Травкин колебался. А потом взял и рубанул:

– Хочу лишь, чтобы вы знали: я... я преклоняюсь перед вами.

Данросса смутило это неожиданное изъятие чувств и исходившая от Травкина неприкрытая, необъяснимая грусть.

– Спасибо, – тепло произнес он, похлопав тренера по спине. Так по-дружески он еще никогда к нему не прикасался. – Ты и сам человек неплохой.

Травкин провожал его глазами, грудь распирало от боли, и к капелькам дождя добавились слезы стыда. Он вытер лицо тыльной стороной руки и снова стал наблюдать за Ноубл Стар, пытаясь сосредоточиться.

Заметив кого-то боковым зрением, он повернулся в ту сторону и вздрогнул. В углу трибун он увидел того самого человека из КГБ, к которому как раз подходил другой. Этот другой, уже в летах, был хорошо известный в Гонконге игрок на скачках. Травкин стал вспоминать, как его зовут. «Клинкер. Точно. Клинкер!»

Какое-то мгновение тренер безучастно смотрел на них. На трибуне сразу за кагэбэшником сидел Джейсон Пламм. Травкин видел, как Пламм встал, чтобы помахать в ответ Жаку де Виллю, и спустился по ступенькам навстречу ему. Как раз в этот момент кагэбэшник взглянул в сторону Травкина, и тот из осторожности отвернулся, решив впредь действовать осмотрительнее. Кагэбэшник поднес к глазам бинокль, и Травкин не знал, заметили его или нет. При мысли, что мощный бинокль наведен на него, по коже поползли мурашки. «А что, если этот

мерзавец умеет читать по губам? – в ужасе думал Травкин. – Господи Иисусе и Матерь Божья, слава Богу, я не выложил тайбаню всей правды».

На сердце было тошно, он чувствовал себя разбитым. На востоке сверкнула молния. От дождя на бетоне и открытых нижних трибунах уже образовались лужи. Травкин старался успокоить себя и беспомощно озирался, не зная, что делать: так хотелось выяснить, кто же все-таки этот человек из КГБ. Рассеянно глядя на Пайлот Фиша, он обратил внимание, что жеребец заканчивает поездку в отличной форме. За ним Ричард Кван о чем-то оживленно говорил с группой китайцев, незнакомых Травкину. У перил, опираясь на них, стояли Линбар Струан с Эндрю Гэвалланом, американец Роузмонт и еще кто-то из консульства, кого тренер знал только в лицо. Не обращая внимания на дождь, все наблюдали за лошадьми. Около раздевалок под навесом Дональд Мак-Брайд о чем-то беседовал с другими распорядителями, среди которых были сэр Шитэ Чжун, Пагмайр и Роджер Кросс. Травкин увидел, как Мак-Брайд бросил взгляд на Данросса и, помахав ему рукой, пригласил присоединиться к ним. Неподалеку от распорядителей Роджера Кросса поджидал Брайан Квок. Травкин знал обоих, но не подозревал, что они из Эс-ай.

Ноги сами понесли тренера к ним. Во рту появился противный привкус желчи. Но Травкин подавил желание броситься к ним и рассказать все как есть. Вместо этого он подозвал своего главного *мафу*.

– Давай всю нашу конюшню домой. Всех. Проследи, чтобы обсохли до кормежки.

– Есть, сэр.

Расстроенный Травкин поплелся в раздевалку. Уголком глаза он заметил направленный на него бинокль кагэбэшника. Струйки дождя затекали под воротник и смешивались с выступившим от страха потом.

– Ах, Иэн, мы тут вот думаем, если завтра будет дождь, лучше отменить соревнования. Скажем, завтра в шесть вечера, – сказал Мак-Брайд. – Ты не возражаешь?

– Вообще-то нет. Предлагаю вынести окончательное решение в субботу в десять утра.

– А это не слишком поздно, старина? – спросил Пагмайр.

– Нет, если распорядители предупредят радио и телевидение. Это еще больше подогреет интерес. Особенно если вы сообщите об этом сегодня.

– Неплохо придумано, – оценил Кросс.

– Тогда с этим решено, – подытожил Данросс. – Есть еще вопросы?

– Как ты считаешь... ведь речь идет о чести ипподрома, – проговорил Мак-Брайд. – Мы не хотим терять репутацию.

– Абсолютно согласен, Дональд. Окончательное решение вынесем в субботу в десять. Все «за»? – Никто не возражал. – Прекрасно! Больше ничего? Прошу прощения, но у меня через полчаса встреча.

– О, тайбань, я так сожалею о вчерашнем... Это ужасно, – обратился к нему Шитэ: ему было явно не по себе.

– Да, Шити, на совете у губернатора в полдень нам нужно предложить ввести новые, очень строгие правила пожарной безопасности для Абердина.

– Согласен, – поддержал Кросс. – Просто чудо, что не погибло больше людей.

– Ты хочешь сказать, старина, что рестораны будут закрыты? – разволновался Пагмайр. Его компания вложила средства в два таких заведения. – Это нанесет огромный урон туризму. Дополнительные выходы там не устроить... Нужно все делать заново!

Данросс снова глянул на Шитэ:

– Почему бы губернатору не распорядиться, чтобы все кухни немедленно перевели на баржи, которые можно пришвартовать к ресторану? Может, предложишь ему? Пусть даст ука-

зание поставить рядом пожарные машины, пока будут производить изменения. Расходы незначительные, управлять нетрудно, а с угрозой пожара будет покончено раз и навсегда.

Все уставились на него. Шитэ расплылся в улыбке:

– Иэн, ты гений!

– Нет. Я лишь жалею, что мы не подумали об этом раньше. Мне это никогда и в голову не приходило. Так ужасно получилось с Зепом... и с женой Кристиана, верно? Ее тело еще не нашли?

– Думаю, что нет.

– Одному Богу известно, сколько еще там погибло. Членам парламента удалось выбраться, Паг?

– Да, старина. Всем, кроме сэра Чарльза Пенниворта. Бедняга, падая, расшиб голову о сампан.

Данросс расстроился.

– Мне он так понравился! Вот не повезло, черт возьми!

– Одно время рядом со мной было еще двое. Этот радикал, ублюдок чертов, как бишь его? Грей, ах да, Грей, точно. И другой, еще один болван-социалист, Бродхерст. Оба вели себя довольно прилично, как мне кажется.

– Я слышал, Паг, твой Суперфудз тоже выбрался. Он на берегу не первым оказался, этот «Называйте меня Чак»?

– Честно говоря, не знаю, – смущенно пожал плечами Пагмайр. – Потом просиял: – Я... э-э... я слышал, Кейси и Бартлетт проявили себя очень хорошо, а? Может, им медаль нужно дать?

– Хочешь выступить с таким предложением? – Данросс торопился уйти. – Если больше ничего нет...

– На твоём месте, Иэн, я бы сделал укол. В этой бухте заразы... Могут обнаружиться бактерии, которых еще не открыли.

Все засмеялись вместе с ним.

– Вообще-то, я сделал даже лучше. Едва мы выбрались из воды, я схватил в охапку Линка Бартлетта и Кейси, и мы понеслись к доктору Тули. – Данросс еле заметно улыбнулся. – Когда мы сказали, что купались в Абердинской бухте, его чуть удар не хватил. Он сказал: «Выпейте это!» Мы, болваны чертовы, выпили и не успели понять, что произошло, как нас стало просто выворачивать наружу. Если бы у меня оставались силы, я бы ему вмазал, но мы все уже стояли на четвереньках и пытались добраться до туалета, не зная, с какого конца начать. Потом Кейси принялась хохотать в перерывах между позывами рвоты, и мы все катались от смеха на этом чертовом полу! – Сделав вид, что опечален, он добавил: – Затем, не успели мы понять, в чем дело, старина Костоправ принялся уже горстями запихивать нам в горло таблетки, а Бартлетт умолял: «Ради Христа, док, вы еще свечу вставьте, и тогда у вас в ней точно дырка будет!»

Все снова рассмеялись.

– А это правда насчет Кейси? Что она разделась и прыгнула, как олимпийская чемпионка? – поинтересовался Пагмайр.

– Больше того! Абсолютно голая, старина, – непринужденно преувеличил Данросс. – Просто Венера Милосская! Такого, наверное, я не видел никогда.

У всех от изумления глаза на лоб полезли.

– Да-да.

– Боже, но плавать в Абердинской бухте! В этой выгребной яме! – У Мак-Брайда высоко взлетели брови. – Если вы все выживете, это будет просто чудо!

– Как считает доктор Тули, нам как минимум обеспечен гастроэнтерит, дизентерия или чума. – Данросс закатил глаза. – Что ж, ничто не вечно под луной. Еще вопросы?

– Тайбань, – обратился к нему Шитэ, – я... надеюсь, ты не против, но я... я хотел бы основать фонд поддержки семей погибших.

– Прекрасная идея! Скаковой клуб тоже должен внести свою лепту. Дональд, не мог бы ты обговорить это сегодня с остальными распорядителями и получить их одобрение? Как насчет ста тысяч?

– Не многовато ли будет? – усомнился Пагмайр.

Подбородок Данросса упрямо выдвинулся вперед.

– Нет. Пусть будет сто пятьдесят тысяч. Такую же сумму внесет Благородный Дом.

Пагмайр вспыхнул. Никто не произнес ни слова.

– Объявляется перерыв? Прекрасно. До свидания. – Данросс вежливо приподнял шляпу и пошел прочь.

– Прошу прощения, я на минуту. – Кросс дал знак Брайану Квоку следовать за ним. – Иэн!

– Да, Роджер?

Подойдя к Данроссу, Кросс негромко произнес:

– Иэн, мы получили подтверждение: Синдерс прилетает завтра рейсом «Бритиш оверсиз». Если ты не против, мы поедем прямо из аэропорта в банк.

– Губернатор тоже будет?

– Я попрошу его об этом. Мы должны быть там около шести.

– Если самолет не опоздает, – улыбнулся Данросс.

– Ты уже получил официальное сообщение, что с «Восточного облака» снят арест?

– Да, спасибо. Вчера был телекс из Дели. Я распорядился, чтобы судно немедленно возвращалось сюда, и с приливом оно уже вышло в море. Брайан, помнишь, ты хотел поспорить – насчет Кейси? Насчет ее титок: пятьдесят долларов против медяка, что в Гонконге лучше нет?

Брайан Квок покраснел под мрачным взглядом Кросса.

– Э-э... да, а что?

– Не знаю, как насчет того, что лучше, чем у нее, нет, но тебе, как и Парису, пришлось бы немало поломать голову, если бы их выставили на конкурс!

– Значит, это правда, что она была в чем мать родила?

– Она была как спешащая на выручку леди Годива⁶. – Данросс мило кивнул обоим и со словами «до завтра» пошел дальше.

Они смотрели ему вслед. У выхода ждал агент Эс-ай, чтобы следовать за ним.

– Что-то он задумал, – произнес Кросс.

– Согласен, сэр.

Кросс оторвал взгляд от Данросса и посмотрел на Брайана Квока.

– У вас есть обыкновение спорить насчет женских молочных желез?

– Нет, сэр, виноват, сэр.

– Хорошо. К счастью, женщины не единственный источник красоты, верно?

– Да, сэр.

– Еще есть охотничьи собаки, живопись, музыка, даже охота. А?

– Да, сэр.

– Пожалуйста, подождите здесь. – И Кросс снова отошел к распорядителям.

Брайан Квок вздохнул. Ему все надоело, и он устал. Команда ныряльщиков встретила его в Абердине, и хотя он почти тут же выяснил, что Данросс жив и уже уехал домой, пришлось проторчать у бухты почти всю ночь, чтобы помочь организовать поиск тел. Занятие это было

---

⁶ *Леди Годива* – легендарная покровительница Ковентри. В 1040 г. ее супруг наложил тяжкие повинности на горожан, обещав отменить их, если леди Годива проедет обнаженная на коне через весь город; она проехала верхом, прикрытая лишь своими длинными волосами, и повинности были сняты.

отвратительное. Потом, когда он собрался было ехать домой, позвонил Кросс и предложил прибыть на рассвете в Хэппи-Вэлли, поэтому ложиться спать уже не имело смысла. Вместо этого он поехал в ресторан «Пара» и, хмурый, сидел там в обществе членов триад и Одноногого Ко.

Теперь он смотрел вслед Данроссу. «Что у него на уме?» Он задавался этим вопросом и мучился острым чувством зависти. «Чего бы я не сделал с его властью и его деньгами!»

Он увидел, что Данросс свернул к ближайшей трибуне, а потом заметил Адрион, сидевшую рядом с Мартином Хэпли. Оба смотрели на лошадей и не обращали внимания на Данросса. «*Цзю ни ло мо*, – удивился Квок, – вот уж не ожидал увидеть их вместе. Господи, какая красotka! Слава богу, я не ее отец. Я бы с ума сошел».

Кросс и все остальные тоже с удивлением поглядывали на Адрион и Мартина Хэпли.

– Какого дьявола нужно этому ублюдку от дочки тайбаня? – недовольным голосом проговорил Пагмайр.

– Ничего хорошего, это точно, – откликнулся кто-то.

– От этого болвана чертова одни неприятности! – пробормотал Пагмайр, и остальные согласно закивали. – Не могу понять, почему Токс не уволит его!

– Токс – социалист, черт возьми, вот почему! Его тоже следовало бы прокатить.

– Ох, да будет тебе, Паг! Токс – парень нормальный, как и некоторые социалисты, – заметил Шитэ. – Но Хэпли ему точно надо уволить. Всем нам от этого станет только легче!

Каждому из присутствующих порядком досталось от Хэпли. Несколько недель назад он разразился серией язвительных статей о кое-каких коммерческих сделках внутри огромного конгломерата компаний Шитэ, дав понять, что тот с помощью разного рода сомнительных пожертвований умасливал высокопоставленных чиновников из правительства Гонконга.

– Согласен, – подхватил Пагмайр, тоже ненавидевший Хэпли.

Хэпли обнародовал тайные подробности грядущего слияния компании Пагмайра с «Суперфудз». Поработал он над этим материалом, как всегда, основательно, поэтому ни у кого не осталось и капли сомнения: Пагмайр получит от сделки гораздо больше, чем акционеры «Дженерал сторз», с которыми никто и не думал советоваться относительно условий слияния.

– Ублюдок чертов! Хотел бы я знать, откуда у него вся эта информация.

– Любопытно, почему Хэпли с ней? – Кросс наблюдал за губами парочки, ожидая, когда кто-нибудь из них заговорит. – Единственная крупная компания, под которую он еще не копал, это «Струанз».

– Ты считаешь, что настала очередь «Струанз» и Хэпли «раскручивает» Адрион? – спросил кто-то. – Это будет что-то!

Они с волнением следили, как Данросс зашел на трибуны. Двое молодых людей так и не замечали его.

– Может, он отделаёт Хэпли, как того, другого ублюдка, – обрадовался Пагмайр.

– А? Кого это? – спросил Шитэ. – Кто это был?

– О, я думал, вы знаете. Года два назад один из менеджеров низшего звена в «Вик», только что приехавший из Англии, начал ухлестывать за Адрион. Ей было шестнадцать, а может, семнадцать, а ему двадцать два. Здоровенный такой лоб, выше Иэна, а звали его Байрон. Он возомнил себя неистовым лордом Байроном и развернул целую кампанию. Сбил бедную девчонку с толку. Иэн сделал ему последнее предупреждение. Этот подонок продолжал звонить. Тогда Иэн пригласил его в свой спортзал в Шек-О, надел перчатки – он знал, что этот тип мнит себя боксером, – и отмолотил его. – Остальные рассмеялись. – Через неделю банк отослал молодчика назад.

– Ты что, сам видел? – спросил Шитэ.

– Конечно нет. Они, слава богу, были одни, но этот болван проклятый потом выглядел действительно не лучшим образом. Я бы не хотел очутиться один на один с тайбаном – особенно когда он не в духе.

Шитэ снова посмотрел на Данросса.

– Может, он задаст и этому мелкому подлецу, – мечтательно произнес он.

Они стали наблюдать. С надеждой. Кросс отошел с Брайаном Квоком поближе к трибунам.

Данросс уже неспешно и легко взбегал по ступенькам и остановился перед молодыми людьми.

– Привет, дорогая, раненько ты встала.

– О, привет, пап, – испуганно проговорила Адрион. – Я не ви... Что у тебя с лицом?

– Въехал сзади в автобус. Доброе утро, Хэпли.

– Доброе утро, сэр. – Хэпли вскочил было и снова сел.

– В автобус? – повторила она, а потом вдруг обрадовалась: – Ты разбил «ягуар»? О, тебе выписали штраф? – Ей в этом году штраф выписывали уже трижды.

– Нет. Ты так рано встала, да? – повторил он, садясь рядом с ней.

– Вообще-то, мы припозднились. Не спали всю ночь.

– Вот как? – Он хотел тут же задать ей полсотни вопросов, но вместо этого лишь произнес: – Ты, должно быть, устала.

– Нет. Я совсем не устала.

– А что за повод? Что-нибудь празднуете?

– Нет. Вообще-то, все дело в бедняге Мартине. – Она ласково положила руку на плечо молодого человека.

Данроссу пришлось сделать над собой усилие, чтобы улыбаться так же ласково. Он переключил внимание на молодого канадца.

– Так в чем проблема?

Хэпли помолчал, а потом рассказал, что произошло в газете, когда позвонила госпожа издательша и Кристиан Токс, главный редактор, отменил серию его статей о слухах.

– Этот ублюдок продал нас. Он позволил издателю осуществлять цензуру наших материалов. Я знаю, что прав. Знаю!

– Откуда вы это знаете? – спросил Данросс, а про себя подумал: «Какой же ты бесчувственный мелкий ублюдок!»

– Извините, но я не могу раскрывать свои источники.

– Он действительно не может, папа. Это нарушение свободы слова, – встала на защиту приятеля Адрион.

Руки Хэпли были сжаты в кулаки, потом он рассеянно положил одну на колено Адрион. Она прикрыла его руку ладонью.

– «Хо-Пак» копают могилу за здорово живешь.

– Почему?

– Не знаю. Но Гор... За рейдом стоят тайбани, и это никак не вяжется.

– За рейдом стоит Горнт? – Для Данросса это было что-то новое, он нахмурился.

– Я не сказал «Горнт», сэр. Нет, я этого не говорил.

– Он не говорил, папа, – вмешалась Адрион. – Что Мартину делать? Уходить или просто поступиться своей гордостью и...

– Я просто не могу, Адрион, – перебил ее Мартин Хэпли.

– Пусть отец скажет, он знает.

Ее прелестные глаза обратились на Данросса, и эта детская вера взволновала его, как никогда раньше.

– Значит, первое: вы немедленно возвращаетесь. Кристиану нужна всяческая помощь. Второе...

– Помощь?

– Вы разве не слышали про его жену?

– А что с ней?

– Вы что, не знаете, что она погибла?

Оба непонимающе уставились на него.

Он кратко рассказал им про Абердин. Оба были потрясены.

– Господи, мы... мы не слушали радио, ничего... Лишь танцевали и разговаривали... – запинаясь, проговорил Хэпли. Он вскочил, собравшись уйти, но остановился. – Я... лучше я сейчас же пойду. Господи!

Адрион тоже вскочила:

– Я тебя подброшу.

– Хэпли, попросите, пожалуйста, Кристиана дать жирным шрифтом, что те, кто оказался в воде или просто окунулся, должны немедленно показаться врачу – это очень важно.

– Понял!

Адрион забеспокоилась:

– Пап, а ты был у доктора Ту...

– О да, – сказал Данросс. – Меня всего вычистили и вывернули. Давайте езжайте!

– А что было второе, тайбань? – спросил Хэпли.

– Второе, вам не следует забывать, что газета принадлежит тому, на чьи деньги она издается, а стало быть, он волен делать, что ему угодно. Но издателей иногда удастся убедить. Например, небезынтересно, кто предложил владельцу или владелице позвонить Кристиану и почему он или она согласились это сделать... Если вы уверены, что пишете правду.

Хэпли вдруг просиял.

– Пошли, милая, – выпалил он, прокричал «спасибо», и они убежали, держась за руки.

Данросс еще какое-то время сидел на трибуне. Потом глубоко вздохнул, встал и пошел прочь.

Под навесом у раздевалок жокеев стоял Роджер Кросс вместе с Брайаном Квоком и читал разговор тайбаня по губам. Потом проводил Данросса взглядом, убедившись, что за ним следует агент Эс-ай.

– Не стоит больше терять здесь время, Брайан. Пойдемте. – Он направился к выходу в дальний конец ипподрома. – Интересно, удалось ли Роберту что-нибудь выяснить в Шатине?

– Этих проклятых Вервольфов ждет сегодня настоящий праздник, – проворчал Брайан Квок. – Весь Гонконг будет напуган до смерти. Могу поспорить, мы... – Он вдруг осекся. – Сэр! Взгляните! – Он кивнул в сторону трибун, заметив среди разбросанных тут и там групп людей, наблюдавших под дождем за разминкой, Суслева и Клинкера. – Вот уж никогда бы не подумал, что он так рано встает!

Кросс прищурился:

– Да. Это интересно. Да. – Он подумал, а потом, внимательно следя за губами русского и его приятеля-кокни, изменил направление. – Раз уж этот тип почтил нас своим посещением, мы тоже могли бы побеседовать с ним. Ага... нас заметили. Клинкер, тот уж действительно нас не жалуется. – И он неторопливо направился к трибунам.

Здоровяк-русский изобразил на лице улыбку, вытащил плоскую флягу и сделал из нее глоток. Потом предложил Клинкеру.

– Нет, спасибо, кореш. Я только что пивом пробавлялся. – Холодные глаза Клинкера встречали приближающихся полицейских. – Ну и вонища здесь стоит, верно? – нарочито громко произнес он.

– Доброе утро, Клинкер, – сдержанно поздоровался Кросс. Потом улыбнулся Суслеву. – Доброе утро, капитан. Скверный денек, а?

– Мы еще живы-здоровы, товарищ, живем, так что разве может день быть скверным, а? – Суслев был весь добродушие, он по-прежнему изображал рубаху-парня. – В субботу будут скачки, суперинтендент?

– Возможно. Окончательное решение будет принято в субботу утром. Вы долго еще простои́те в порту?

– Недолго, суперинтендент. Ремонт руля идет медленно.

– Надеюсь, не слишком медленно. Мы все начинаем сильно нервничать, если важных гостей нашей гавани обслуживают спустя рукава. Я поговорю с капитаном порта, – решительно заявил Кросс.

– Благодарю вас, это... это весьма любезно с вашей стороны. Ваш департамент и так проявил большую заботу... – Подумав, Суслев повернулся к Клинкеру. – Дружище, можно тебя попросить?

– С удовольствием, – буркнул Клинкер. – Эти легавые мне на нервы действуют. – Брайан Квок посмотрел на него. Клинкер ответил вызывающим взглядом. – Я буду в машине. – И он поплелся прочь.

Голос Суслева стал жестче:

– Ваш департамент проявил большую заботу, прислав тело нашего несчастного товарища Воранского. Вы нашли тех, кто убил его?

– К сожалению, нет. Это могли быть наемные убийцы – из любой части света. Конечно, не проскользнул он тайно на берег, до сих пор был бы полезен как оперативник вам в... где бы он ни служил.

– Он был простой моряк и хороший человек. Я считал, что в Гонконге безопасно.

– Вы передали фотографии убийц и информацию об их телефонном звонке своему начальству в КГБ?

– Я не из КГБ, плевать мне на КГБ! Да, информация передана... моему начальству, – раздраженно буркнул Суслев. – Ради бога, суперинтендент, вы же знаете, как это делается. Но Воранский был прекрасный человек, и его убийцы должны быть пойманы.

– Мы найдем их, и довольно скоро, – непринужденно проговорил Кросс. – А вы знали, что в действительности Воранский – майор Юрий Бакян из шестого отдела Первого управления КГБ?

По лицу Суслева было видно, что он потрясен.

– Он был... для меня он был просто приятель. Ходил с нами в рейс время от времени.

– Кто этим занимается, капитан? – спросил Кросс.

Суслев взглянул на Брайана Квока, который смотрел на него в упор с нескрываемым отвращением.

– Почему такая злость? Что я вам сделал?

– А почему Российская империя так жадна, особенно до китайской земли?

– Политика! – недовольно произнес Суслев, а потом добавил, обращаясь к Кроссу: – Я в политику не вмешиваюсь.

– Вы, ублюдки, постоянно вмешиваетесь! Какое у вас звание в КГБ?

– Нет у меня никакого звания.

– Жаль, что вы отказываетесь сотрудничать. Это было бы очень кстати, – заметил Кросс. – Кто составляет ваши экипажи, капитан Суслев?

Тот глянул на него:

– Может, поговорим наедине, а?

– Конечно, – согласился Кросс. – Подождите здесь, Брайан.

Суслев повернулся к Брайану Квоку спиной, спустился к выходу с трибун и выбрался на газон. Кросс последовал за ним.

– Как думаешь, какие шансы у Ноубл Стар? – весело спросил Суслев.

– Хорошие. Но она никогда не бежала по мокрому грунту.

– А у Пайлот Фиша?

– Посмотри на него – сам видишь. Ему нравится сырость. Фаворитом будет он. Планируешь быть здесь в субботу?

Суслев облокотился на ограждение. И улыбнулся:

– Почему бы и нет?

– Действительно, почему бы и нет? – негромко рассмеялся Кросс. Он был уверен, что сейчас они совсем одни. – Ты хороший актер, Грегор, очень хороший.

– Ты тоже, приятель.

– Ты здорово рискуешь, так ведь? – Теперь Кросс еле шевелил губами.

– Да, но ведь вся жизнь – риск. Я получил команду от Центра взять все на себя, пока не прибудет замена Воранскому. В этом рейсе нужно осуществить слишком много важных контактов и принять решений. И не самое последнее из них – по «Севрину». В любом случае, как ты знаешь, так хотел «Артур».

– Иногда я задумываюсь, насколько продуманны его решения.

– Он мудр. – Суслев улыбнулся, и морщинки вокруг глаз собрались сеточкой. – О да. Очень мудр. Рад увидиться с тобой. Центр очень и очень доволен твоей работой за год. Мне нужно много о чем тебе рассказать.

– Кто тот ублюдок, что рассказал АМГ о «Севрине»?

– Не знаю. Какой-то перебежчик. Как только мы узнаем, кто он, ему конец.

– Кто-то выдал группу моих людей в КНР. Должно быть, произошла утечка из той папки АМГ. Ты читал мою копию. Кто еще читал ее у вас на судне? Кто-то внедрился здесь в вашу сеть!

Суслев побледнел.

– Я немедленно начну проверку. Может, утечка произошла в Лондоне или Вашингтоне.

– Сомневаюсь. Прошло слишком мало времени. Думаю, это исходит отсюда. А тут еще Воранский. К вам кто-то внедрился.

– Если КНР... да, это мы сделаем. Но кто? Могу поклясться жизнью, на судне шпиона нет.

Кросс был так же мрачен.

– Всегда найдется человек, которого можно завербовать.

– У тебя есть план отхода?

– Даже несколько.

– У меня приказ оказывать тебе всевозможную помощь. Хочешь койку на «Иванове»?

Кросс задумался.

– Подожду, пока не прочитаю папки АМГ. Было бы жаль после такого долгого времени...

– Согласен.

– Тебе легко соглашаться. Если тебя схватят, то лишь депортируют и вежливо попросят: «Пожалуйста, больше не возвращайтесь». А меня? Не хотелось бы попасться живым.

– Конечно. – Суслев закурил. – Тебя не поймают, Роджер. Ты человек слишком ловкий. У тебя есть что-нибудь для меня?

– Посмотри вон туда. Высокий мужчина у ограждения.

Суслев как бы случайно поднес к глазам бинокль. На какое-то время он сосредоточился на указанном человеке, а потом стал смотреть в сторону.

– Это Стэнли Роузмонт из ЦРУ. Ты знаешь, что они следят за тобой?

– О да. При желании я всегда могу оторваться.

– Рядом с ним Эд Лэнган из ФБР. А тот, что с бородкой, – Мисхауэр из американской флотской разведки.

– Мисхауэр? Знакомое имя. У тебя есть дела на них?

– Еще нет, но у них в консульстве есть один извращенец, который мило проводит время с сыном известного здесь китайского адвоката. К тому времени, когда ты отправишься в следующий рейс, он будет счастлив выполнить любое твоё желание.

Суслев мрачно улыбнулся:

– Хорошо. – Он снова, как бы между прочим, глянул на Роузмонта и остальных, закрепляя в памяти их лица. – А какая у него должность?

– Заместитель директора здешней группы. В ЦРУ пятнадцать лет. УСС⁷ и так далее. У них здесь больше дюжины компаний для прикрытия и конспиративные квартиры по всему Гонконгу. Я послал список на микрофото пленке в 32.

– Хорошо. Центр хочет, чтобы за всеми действиями ЦРУ велось усиленное наблюдение.

– Нет проблем. Они беспечны, финансирование у них огромное и продолжает расти.

– Вьетнам?

– Конечно Вьетнам.

Суслев фыркнул:

– Эти простофили не понимают, во что их втянули. Они по-прежнему считают, что смогут вести войну в джунглях, применяя тактику войны в Корее или Второй мировой.

– Глупцы, но далеко не все. Роузмонт работает неплохо, весьма неплохо. Кстати, им известно о военно-воздушной базе в Имане.

Суслев негромко выругался и оперся на руку, небрежно поднеся ее ко рту, чтобы нельзя было читать у него по губам.

– ...об Имане и почти все про Петропавловск, про новую базу подводных лодок в Корсакове на Сахалине...

Суслев снова выругался.

– Как им это удастся?

– Предатели. – Кросс улыбнулся тонкой улыбочкой.

– Почему ты стал двойным агентом, Роджер?

– А почему ты спрашиваешь меня об этом каждый раз, как мы встречаемся?

Суслев вздохнул. У него был конкретный приказ не проверять Кросса и оказывать ему всю возможную помощь. Даже ему, куратору разведывательной деятельности КГБ на всем Дальнем Востоке, лишь в прошлом году открыли, кто такой Кросс. В КГБ сведениям о Кроссе был присвоен самый высокий уровень секретности, ему придавали такое же значение, как Филби. Но даже Филби не знал, что последние семь лет Кросс работает на КГБ.

– Я спрашиваю, потому что мне любопытно, – пояснил он.

– А разве у тебя нет приказа не любопытствовать, товарищ?

Суслев засмеялся:

– Все время от времени нарушают приказы, верно? Центру настолько понравилось твоё последнее донесение, что меня просили передать: пятнадцатого числа следующего месяца на твой счет в швейцарском банке будет переведено пятьдесят тысяч долларов в качестве дополнительной премии.

– Прекрасно. Спасибо. Но это не премия, это оплата полученной ценной информации.

– Что известно Эс-ай о находящейся здесь с визитом парламентской делегации?

Кросс изложил то, что рассказывал губернатору.

– А почему ты спрашиваешь?

---

⁷ УСС (англ. OSS, Office of Strategic Services) – Управление стратегических служб, разведывательное ведомство США, действовавшее с 1942 по 1945 г. Предшественник ЦРУ, созданного в 1947 г.

– Обычная проверка. Трое из них в потенциале будут иметь большое влияние: Гутри, Бродхерст и Грей. – Суслев предложил сигарету. – Мы пытаемся залучить Грея и Бродхерста в наш Всемирный совет мира⁸. Их антикитайские настроения нам на руку. Роджер, установи, пожалуйста, наблюдение за Гутри. Может, у него есть какие-нибудь скверные привычки. Если его скомпрометировать, скажем щелкнуть с девочкой из Ваньчая, это могло бы пригодиться впоследствии, а?

Кросс кивнул:

– Я посмотрю, что можно сделать.

– Вы найдете мерзавца, который убил Воранского?

– Рано или поздно найдем. – Кросс не сводил с него глаз. – Он, вероятно, какое-то время уже был на заметке. И это плохой знак для всех нас.

– Люди гомиьндана? Или бандиты Мао?

– Не знаю. – Кросс язвительно усмехнулся. – Все китайцы не очень жалуют Россию.

– Их вожди предали дело коммунизма. Нам нужно уничтожить их, прежде чем они слишком окрепнут.

– Это политика такая?

– Со времен Чингисхана, – усмехнулся Суслев. – Но теперь... теперь нам придется быть чуть терпеливее. Тебе-то не нужно. – Он быстро махнул большим пальцем в сторону Брайана Квока. – Может, дискредитировать этого ублюдка? Мне он совсем не по душе.

– Молодой Брайан – хороший работник. Мне нужны хорошие люди. Передай в Центр, что завтра из Лондона прибывает Синдерс из Эм-ай-6, которому будут вручены бумаги АМГ. И Эм-ай-6, и ЦРУ подозревают, что АМГ убит. Так оно и есть?

– Не знаю. Его давно надо было убрать, еще много лет назад. Как ты получишь копию?

– Понятия не имею. Я абсолютно уверен, что Синдерс разрешит мне прочитать бумаги до своего отъезда.

– А если не разрешит?

Кросс пожал плечами:

– Нам нужно взглянуть на них, так или иначе.

– Данросс?

– Только в крайнем случае. Он слишком ценен на своем месте, и я предпочел бы, чтобы он оставался у меня на виду. Как насчет Травкина?

– Твоя информация оказалась бесценной. Все проверено. – Суслев рассказал ему главное о встрече с Травкиным и добавил: – Теперь он наш верный пес навсегда. Сделает все, что мы захотим. Все. Думаю, и Данросса убьет, если понадобится.

– Хорошо. Сколько из того, что ты ему рассказал, правда?

– Немного, – улыбнулся Суслев.

– Его жена жива?

– О да, товарищ, она жива.

– Но она не на собственной даче?

– Сейчас да.

– А раньше?

Суслев пожал плечами:

– Я сказал, что мне велено.

Кросс закурил.

– Что тебе известно про Иран?

---

⁸ *Всемирный совет мира* (ВСМ) – международная организация, образованная в 1949 г. для пропаганды политики мирного сосуществования и ядерного разоружения. На Западе, особенно в США, считали, что ВСМ выступает за одностороннее разоружение стран Запада. Активное участие в нем стран Варшавского договора, которые его финансировали, а также ведущая роль коммунистов давали повод думать, что ВСМ создан КГБ как передовой отряд коммунистических партий.

Суслев снова бросил на него острый взгляд:

– Очень много. Это одна из восьми оставшихся у нас великих целей, и там сейчас проводится крупная операция.

– На советско-иранской границе высадилась Девяносто вторая аэромобильная дивизия США!

Суслев уставился на него, разинув рот:

– Что?!

Кросс передал ему рассказ Роузмонта об операции «Учебный заход». Когда он упомянул, что американские подразделения оснащены ядерным оружием, Суслев сделался белым как мел.

– Матерь Божья! Эти проклятые Богом американцы в один прекрасный день совершат ошибку, и нам тогда уже не выпутаться! Надо же быть такими ослами, чтобы разворачивать подобное оружие.

– Вы можете выступить против них?

– Конечно нет, пока, – раздраженно ответил Суслев. – Суть нашей стратегии в том, чтобы не вступать в непосредственный конфликт с Америкой, пока она не будет полностью изолирована и пока не исчезнут все сомнения в окончательной победе. Сейчас прямой конфликт был бы самоубийством. Мне нужно срочно связаться с Центром.

– Доведи до их сведения, что американцы считают это лишь учебным заходом. Убеди Центр, что нужно убрать ваши войска и спустить все на тормозах. Сделать это нужно сразу, или могут быть неприятности. Не устраивайте американским войскам провокаций. Через несколько дней американцы уйдут оттуда. Не допускайте утечки информации о вторжении вашим внутренним шпионам в Вашингтоне. Пусть она сначала поступит от ваших людей в ЦРУ.

– Девяносто вторая действительно там? Это кажется невероятным.

– Вы лучше бы оснащали свои войска для переброски по воздуху, чтобы они стали более мобильными, чтобы возросла их огневая мощь.

Суслев крикнул.

– На решение этой проблемы направлена энергия и возможности трехсот миллионов русских людей, товарищ. Дайте нам двадцать лет... еще всего лишь двадцать лет.

– И что тогда?

– В восьмидесятых годах мы будем править миром.

– К тому времени давно уже никого не останется в живых.

– Ты-то останешься. Будешь править любой областью или страной, какой захочешь. Англией, например.

– Извините, но там ужасная погода. Кроме одного-двух дней в году, когда это самое прекрасное место на земле.

– Эх, видел бы ты мой дом в Грузии и окрестности Тифлиса. – Глаза Суслева засверкали. – Райский уголок.

Пока они говорили, Кросс постоянно оглядывался по сторонам. Он знал, что подслушать их нельзя. Полусонный Брайан Квок сидел, ожидая его, на трибуне. Роузмонт и остальные исподтишка бросали на главу Эс-ай изучающие взгляды. Вдалеке, у круга почета, Жак де Вилль спокойно прогуливался с Джейсоном Пламмом.

– Ты уже разговаривал с Джейсоном?

– Конечно, когда мы с ним были на трибуне.

– Хорошо.

– Что он сказал про де Вилля?

– Он также сомневается, что Жака когда-нибудь выберут тайбаном. После вчерашней встречи я тоже так считаю: очевидно, что де Вилль слишком слаб или у него уже нет той уве-

ренности. – Потом Суслев добавил: – Так часто происходит с агентами, когда они глубоко законспирированы и не предпринимают активных действий, а только ждут. Это труднее всего.

– Да.

– Человек он неплохой, но, боюсь, не выполнит своего предназначения.

– Что ты планируешь в отношении его?

– Еще не решил.

– Превратить его из «внутреннего шпиона» в «шпиона обреченного»?

– Если только возникнет угроза тебе или остальным в «Севрине». – Для тех, кто наблюдал за ними, Суслев поднес к губам флягу и предложил Кроссу, который отрицательно покачал головой. Оба знали, что во фляжке простая вода. Суслев понизил голос. – Я вот что думаю. Мы активизируем деятельность в Канаде. Понятно, что французское сепаратистское движение там – замечательная возможность для нас. Если Квебек отколетя от Канады, на всем североамериканском континенте сложится совершенно новая расстановка сил. Я подумал, что будет отлично, если де Вилль возглавит отделение «Струанз» в Канаде. А?

– Очень хорошо, – улыбнулся Кросс. – Очень, очень хорошо. Мне Жак тоже нравится. Жалко было бы терять его просто так. Да, это был бы весьма умный ход.

– Больше того, Роджер. У него еще со времен послевоенной жизни в Париже есть влиятельные друзья среди канадских французов. Все они открыто выражают сепаратистские настроения, все примыкают к левому крылу. Кое-кто из их числа уже становится заметной политической силой в масштабах страны.

– Ему придется отказаться от глубокой конспирации?

– Нет. Жак сможет дать новый толчок делу сепаратизма, не подвергая себя опасности. Как глава важного филиала «Струанз»... и если один из его закадычных друзей станет министром иностранных дел или премьер-министром, а?

– А это возможно?

– Возможно.

Кросс присвистнул:

– Если Канада отойдет от США, это будет переворот из переворотов.

– Да.

Помолчав, Кросс сказал:

– Жил-был когда-то китайский мудрец. Приятель попросил его благословить новорожденного сына. Благословение было следующим: «Давайте помолимся за то, чтобы он жил в интересные времена»⁹. Так вот, Григорий Петрович Суслев, чье настоящее имя – Петр Олегович Мзытрык, мы-то уж точно живем в интересные времена. Не правда ли?

Суслев в изумлении уставился на него.

– Кто тебе сказал, как меня зовут?

– Твое начальство. – Кросс внимательно следил за ним. Взгляд его вдруг стал безжалостным. – Ты знаешь, кто я, я знаю, кто ты. Это только справедливо, так ведь?

– Да... конечно. Я... – Суслев делано засмеялся. – Я так долго не пользовался этим именем, что... что почти забыл его. – Он снова встретил жесткий взгляд, пытаясь вернуть себе контроль за ситуацией. – В чем дело? С чего ты стал такой раздражительный, а?

– Из-за АМГ. Считаю, сейчас нам пора заканчивать встречу. Легенда: я пытался завербовать тебя, ты отказался. Встретимся завтра в семь. – Это был код квартиры в Монкоке рядом с тем местом, где жила Джинни Фу. – Поздно. В одиннадцать.

– Лучше в десять.

---

⁹ В 1966 г. Роберт Кеннеди сказал в одном из своих выступлений: «У китайцев есть проклятие: „Чтоб он жил в интересные времена“. Нравится нам это или нет, мы живем в интересные времена...» Эта фраза стала популярной в Америке, однако ее китайское происхождение спорно.

Кросс осторожно указал в сторону Роузмонта и остальных:

– Прежде чем мы расстанемся, мне нужно от тебя что-нибудь для них.

– Хорошо. Завтра у меня бу...

– Нет, сейчас. – Кросс заговорил жестче. – Что-нибудь необычное – если я не смогу просмотреть копию Синдерса, мне придется торговаться с ними!

– Источник сведений не должен быть разглашен никому. Повторяю: никому.

– Хорошо.

– И никогда.

– Никогда.

Суслев подумал, взвешивая все возможности.

– Сегодня вечером одному из наших агентов передадут некий совершенно секретный материал с авианосца. А?

Лицо англичанина просияло.

– Замечательно! Именно поэтому ты и пришел?

– Это одна из причин.

– Когда и где будет происходить передача?

Суслев сказал, а потом добавил:

– Но мне по-прежнему нужны все копии.

– Конечно. Хорошо, это как раз то, что надо. Роузмонт действительно будет моим должником. Твой агент уже давно в составе экипажа?

– Два года. По крайней мере, столько прошло со времени вербовки.

– И от него поступают хорошие сведения?

– Все, что поступает с этой шлюхи¹⁰, имеет ценность.

– А сколько вы ему платите?

– За это? Две тысячи долларов. Он берет немного. Много мы никому из агентов не платим, кроме тебя.

Кросс улыбнулся так же невесело:

– Ах, но я же лучший из всех, кто у вас есть в Азии. Я полсотни раз подтвердил это. До последнего времени я работал на вас практически даром, старина.

– Расходы на тебя, старик, у нас самые высокие! Мы каждый год платим за все военные планы НАТО, коды и все остальное меньше восьми тысяч долларов.

– Эти ублюдки-непрофессионалы только губят наш бизнес. Это ведь бизнес, верно?

– Для нас нет.

– Ерунда! У вас, кагэбэшников, вознаграждение более чем приличное. Дачи, местечки в Тифлисе, спецмагазины, где вы отовариваетесь. Любовницы. Но я должен отметить, что выжимать деньги из вашей компании год от года становится все труднее. Я рассчитываю на довольно серьезную прибавку за «Учебный заход» и за дело АМГ, когда оно будет закончено.

– Поговори с ними напрямую. Я деньгами не распоряжаюсь.

– Вранье.

Суслев засмеялся:

– Хорошо – и безопасно – иметь дело с профессионалами. *Прозит!* – Он поднял флягу и осушил ее.

– Прошу уйти и сделать вид, что ты рассержен, – внезапно сказал Кросс. – Я чувствую на себе бинокль!

Суслев тут же начал осыпать его проклятиями по-русски, негромко, но от души, потом потряс кулаком у лица полицейского и ушел.

Кросс смотрел ему вслед.

---

¹⁰ Имеется в виду авианосец. Слово «корабль» в английском языке женского рода.

На Шатинь-роуд Армстронг смотрел, как полицейские в дождевиках снова заворачивают тело Джона Чэня в одеяло, а потом несут через толпу зевак к ожидающей карете «скорой помощи». Вокруг эксперты-криминалисты искали отпечатки пальцев и другие улики. Дождь усилился, и везде была непролазная грязь.

– Ничего не разберешь, сэр, – мрачно доложил сержант Ли. – Следы есть, но они могут принадлежать кому угодно.

Армстронг кивнул и вытер носовым платком лицо. За поставленными вокруг на скорую руку заграждениями толпилось немало любопытных. Проезжавшие мимо по узкой дороге машины задерживались, образовалась чуть ли не пробка, и все раздраженно сигналили.

– Пусть прочешут местность в радиусе ста ярдов. Пошлите людей в ближайшую деревню, может, там что-то видели.

Он оставил Ли и подошел к полицейской машине. Сел в нее, прикрыл дверь и взял в руки микрофон:

– Это Армстронг. Прошу соединить со старшим инспектором Дональдом Смитом в Восточном Абердине. – И стал ждать. Настроение было отвратительное.

Водитель, молодой и подтянутый малый, ничуть не промок.

– Чудесный дождик, не правда ли, сэр?

Армстронг мрачно взглянул на побледневшего молодого человека.

– Курите?

– Да, сэр. – Вынув пачку, он предложил ее Армстронгу.

Тот взял сигареты.

– Почему бы вам не присоединиться к остальным? Им пригодится помощь такого милого смышленного парня, как вы. Поищите какие-нибудь улики. А?

– Есть, сэр. – Молодой человек пулей вылетел на дождь.

Армстронг аккуратно вынул сигарету из пачки. Посмотрел на нее. Угрюмо засунул обратно и положил пачку в боковой карман. Сгорбившись на сиденье, он пробормотал:

– Эти все сигареты, этот дождь, этого хитроумного болвана, а больше всего – этих Вервольфов, так их раз так!

Через некоторое время из интеркома донеслось потрескивание и голос:

– Старший инспектор Дональд Смит.

– Доброе утро. Я на выезде в Шатине, – начал Армстронг. Он рассказал, что произошло. – Прочесываем местность, но под этим дождем я не рассчитываю что-нибудь найти. Когда газеты узнают о трупe и записке, мы погибли. Думаю, лучше взять эту старую *ама* прямо сейчас. Это единственная ниточка. Твои ребята еще следят за ней?

– О да.

– Прекрасно. Подождите меня, и пойдем. Я хочу обыскать место, где она живет. Держи наряд наготове.

– А ты скоро?

– Мне добираться часа два. Дорога до самого парома забита.

– Здесь такая же история. По всему Абердину. Но не только из-за дождя, старина. Около тысячи любителей чужого горя собрались поглазеть на то, что осталось от ресторана, а кроме того, толпа уже собралась у «Хо-Пак», «Виктории» – едва ли не у каждого банка поблизости. И я слышал, что около пятисот человек осаждают «Вик» в Сентрал.

– Господи! У меня там все жалкие сбережения, накопленные за целую жизнь.

– Говорил я тебе вчера: снимай деньги со счетов, старик! – До Армстронга донесся смех Змеи. – И кстати, если есть лишние деньги, играй на понижение акций «Струанз» – я слышал, Благородный Дом скоро рухнет.

Глава 41

8:29

Клаудиа взяла ворох записок, писем и ответов из лотка «Исходящие» на столе Данросса и принялась разбирать их. Привычный вид за окном скрыла стена дождя и низкая облачность, но температура упала, и было приятно ощущать, что влажность последних недель пошла на убыль. Старинные часы в серебряном кардане¹¹ на каминной полке пробили половину девятого.

Звякнул телефон. Клаудиа взглянула на него, но даже не шевельнулась, чтобы ответить. Телефон позвонил и умолк. Вошла секретарь Данросса Сандра И с новой кипой документов и почты и положила все это в лоток «Входящие».

– Проект контракта с «Пар-Кон» лежит сверху, Старшая Сестра. Вот список его встреч на сегодня. Во всяком случае, тех, о которых я знаю. Десять минут назад звонил суперинтендент Квок. – Она залилась краской под взглядом Клаудиа. Фигуру Сандры плотно облегал *чунсам* с высоким разрезом сбоку и стоячим воротничком по последней моде. – Он звонил тайбаню, а не мне, Старшая Сестра. Попросите тайбаня перезвонить ему.

– Но я надеюсь, Младшая Сестра, ты достаточно долго говорила с Досточтимым Молодым Жеребцом, и обворожительно замирала от восторга, и вздыхала? – спросила по-кантонски Клаудиа, а потом незаметно для себя перешла на английский. Разговаривая, она разбирала записки, складывая их в две отдельные стопки. – Вообще-то, его нужно хватать и держать обеими руками, чтобы благополучно ввести в семейное стойло и чтобы его не захомутила какая-нибудь сладкоречивая балаболка из другого клана.

– О да. А еще я зажгла пять свечей в пяти разных храмах.

– Надеюсь, в свободное время, а не в рабочие часы компании.

– О да, конечно. – Обе рассмеялись. – И мы договорились встретиться – завтра ужинаем вместе.

– Прекрасно! Прикинься скромницей, оденься строго, но не надевай бюстгальтера – как Орланда.

– О, значит, это правда! Ох, вы думаете, мне следует так поступить? – Сандра И была поражена.

– Для молодого Брайана – да, – хихикнула Клаудиа. – Он в таких делах разбирается!

– Мой прорицатель говорит, что нынешний год будет для меня чудесным. Какой ужас этот пожар, правда?

– Да. – Клаудиа пробежала глазами список встреч. «Линбар через несколько минут. Сэр Луис Базилио в восемь сорок пять». – Когда приедет сэр Луис...

– Сэр Луис ждет у меня в офисе. Он знает, что приехал раньше времени, – я принесла ему кофе и утренние газеты. – На лице Сандры И выразилась тревога. – Что должно случиться в десять часов?

– Откроется фондовая биржа, – твердо проговорила Клаудиа, передавая ей стопку побольше. – Этим займись ты, Сандра. О, вот еще что: он отменил пару собраний советов директоров и ланч, но этим займусь я сама.

Вошел Данросс, и обе подняли голову.

– Доброе утро, – сказал он. Лицо у него было еще серьезнее, чем раньше, а синяки только подчеркивали суровое выражение.

---

¹¹ *Кардан* – крепление из встроенных друг в друга вращающихся колец для поддержания прибора в устойчиво горизонтальном положении.

- Все так рады, что вы не пострадали, тайбань, – кокетливо прочирикала Сандра И.
- Благодарю вас.

Она вышла. Данросс полюбовался ее походкой, потом перехватил взгляд Клаудиа. Часть серьезности покинула его.

- Что может быть лучше красивых девчонок. Верно?

Клаудиа усмехнулась:

- В ваше отсутствие пару раз звонил ваш личный телефон.

Этот телефон нигде не значился, и было заведено, что трубку снимает только он и дает этот номер лишь членам семьи и немногим избранным.

– О, спасибо. Отмените все с настоящего момента до полудня, кроме Линбара, старого сэра Луиса Базилио и банка. Проследите, чтобы все было на высшем уровне для Пенн и мисс Кэти. В аэропорт ее отвезет Гэваллан. Сначала дозвонитесь до Прижимистого Дуна. А также до Ландо Маты: спросите, смогу ли я увидеться с ним сегодня, предпочтительно в десять двадцать в «Кофи плейс». Вы видели мою записку про Зепа?

– Да. Это ужасно. Я обо всем позабочусь. Звонил адъютант губернатора: вы будете на встрече в полдень?

- Да. – Данросс снял трубку и набрал номер, а Клаудиа вышла и закрыла за собой дверь.

- Пенн? Ты хотела поговорить?

- О Иэн, да, но я не звонила, если ты это имеешь в виду.

- Я думал, это ты звонила по моей личной линии.

– Нет, но мне всегда так приятно, когда ты звонишь. Я узнала про пожар из утренних новостей и... не была уверена, приснилось мне или нет, что ты приходил вчера вечером. Я... я так переволновалась, извини. А Тат сказала, что ты ушел рано, но я не доверяю старой ведьме – она иногда заговаривается. Извини. Это было ужасно?

– Нет. Вообще-то, все не так уж плохо. – Он вкратце рассказал ей о событиях вчерашнего вечера. Теперь, когда он знал, что у нее все в порядке, ему хотелось поскорее положить трубку. – Я представлю тебе подробный отчет, когда заеду, чтобы отвезти в аэропорт. Я узнавал про ваш рейс: самолет должен вылететь вовремя... – Послышался сигнал переговорного устройства. – Минутку, Пенн... Да, Клаудиа?

- Суперинтендент Квок на линии два. Говорит, это важно.

– Хорошо. Извини, Пенн, мне пора. Заеду за тобой с запасом, чтобы успеть на рейс. Пока, дорогая... Что-нибудь еще, Клаудиа?

– Самолет Билла Форстера из Сиднея задерживается еще на час. Мистер Хэвегилл и Джондзон готовы встретиться с вами в девять тридцать. Я звонила, чтобы получить подтверждение. Насколько я знаю, они сегодня в банке с шести утра.

Беспокойство Данросса росло. Он пытался поговорить с Хэвегиллом с трех часов вчерашнего дня, но заместителя председателя не было на месте, а вчера вечером возможности не представилось.

– Это нехорошо. Когда я приехал туда сегодня в семь тридцать, на улице у банка уже собралась толпа.

- «Вик» ведь не рухнет, правда?

В ее голосе слышалась тревога.

– Если они рухнут, мы все полетим к черту. – Он ударил по клавише «2». – Привет, Брайан, что случилось?

Квок рассказал ему о Джоне Чэне.

– Господи боже, бедный Джон! После того как вчера вечером им передали деньги, я думал... какие сволочи! Он убит уже несколько дней назад?

- Да. Дня три по меньшей мере.

- Ублюдки! Ты звонил Филлипу или Диане?

– Нет еще. Хотел сообщить тебе первому.

– Хочешь, чтобы я им позвонил? Филлип сейчас дома. После всей этой вчерашней истории с выкупом я разрешил ему не приходить на утреннее собрание в восемь. Сейчас позвоню.

– Нет, Иэн, это моя работа. Извини за плохие вести, но я подумал, что ты должен знать про Джона.

– Да... да, старина, спасибо. Слушай, у меня тут одно дело у губернатора около семи, но к десяти тридцати все закончится. Не хочешь выпить или перекусить на ночь?

– Да. Неплохая идея. Может, в баре «Квэнс» в отеле «Мандарин»?

– В десять сорок пять?

– Хорошо. Кстати, я попросил, чтобы твою *тайтай* пропустили прямо через паспортный контроль. Извини за плохие вести. Пока.

Положив трубку, Данросс поднялся и стал смотреть в окно. Жужжал интерком, но он его не слышал.

– Бедолага! – бормотал он. – Какая нелепая смерть, черт возьми!

Раздался тихий стук в дверь, и она приотворилась. Это была Клаудиа.

– Извините, тайбань, Ландо Мата на линии два.

Данросс присел на край стола.

– Привет, Ландо, нельзя ли нам встретиться в десять двадцать?

– Да-да, конечно. Я тут узнал про Зеппелина. Ужас! Сам еле выбрался! Проклятый пожар! Но мы все же выбрались, а? Джосс!

– Ты уже говорил с Прижимистым?

– Да. Он приезжает на следующем пароме.

– Прекрасно. Ландо, мне сегодня может потребоваться твоя поддержка.

– Но, Иэн, мы же обговорили все это вчера вечером. Я понял, что...

– Да. Но мне нужна твоя поддержка сегодня. – Голос Данросса стал жестче.

Последовала долгая пауза.

– Я... я поговорю с Прижимистым.

– Я тоже поговорю с ним. А пока я хотел бы знать, могу ли рассчитывать на твою поддержку сейчас.

– Ты пересмотрел наше предложение?

– Мне рассчитывать на твою поддержку, Ландо? Или нет?

Еще одна пауза. По голосу Маты чувствовалось, что он нервничает.

– Я... я скажу, когда встретимся в десять двадцать. Извини, Иэн, но мне действительно нужно сначала поговорить с Прижимистым. Встретимся за кофе. Пока!

Щелчок – и телефон умолк. Данросс аккуратно положил трубку и пробормотал вполголоса:

– *Цзю ни ло мо*, Ландо, старый приятель.

На мгновение задумавшись, он набрал номер:

– Мистера Бартлетта, пожалуйста.

– Его телефон не отвечает. Вы хотите сообщение? – спросил оператор.

– Прошу переключить меня на мисс Кей Си Чолок.

– Что?

– Кейси... Мисс Кейси!

Послышался тоновый сигнал, а затем сонный голос Кейси:

– Алло?

– О, извините, я перезвоню попозже...

– О, Иэн? Нет... нет, все нормально, мне надо... мне давно уже надо было встать... – Она подавила зевок. – Господи, как я устала. Мне этот пожар не приснился, нет?

– Нет, Сирануш. Я лишь хотел убедиться, что с вами обоими все в порядке. Как вы себя чувствуете?

– Не ахти. Должно быть, что-то подрастянула... не знаю – то ли от смеха, то ли от рвоты. А у вас все нормально?

– Да. Пока что. Как насчет температуры, ничего такого? Именно за этим велел следить доктор Тули.

– Не думаю. Линка я еще не видела. Вы с ним говорили?

– Нет. Он не отвечает. Слушайте, я хотел бы пригласить вас обоих на коктейль в шесть.

– Я так с удовольствием. – Еще один зевок. – Рада, что у вас все в порядке.

– Я перезвоню попозже, чтобы...

Снова интерком.

– Губернатор на линии два, тайбань. Я сказала, что вы будете на утренней встрече.

– Хорошо. Послушайте, Сирануш, коктейль в шесть, а если нет, то попозже поужинаем.

Я перезвоню потом и подтверждаю.

– Хорошо, Иэн. И спасибо за звонок.

– Не за что. Пока. – Данросс ткнул клавишу «2». – Доброе утро, сэр.

– Прошу прощения за беспокойство, Иэн, но мне нужно поговорить с вами об этом ужасном пожаре, – сказал сэр Джефффри. – Просто чудо, что не погибло больше людей. Министр рвет и мечет из-за смерти бедного сэра Чарльза Пенниворта и в совершенной ярости из-за того, что принятые у нас меры безопасности позволяют такое. Поставлен в известность кабинет министров, так что мы можем ожидать последствий на самом высоком уровне.

Данросс изложил свою идею насчет кухонь для Абердина, приписав авторство Шитэ Чжуну.

– Превосходно. Шити – умница! Но это лишь начало. А пока что уже звонил Робин Грей, Джулиан Бродхерст и другие члены парламента. Они просят о встрече, чтобы выразить протест по поводу наших никуда не годных правил пожарной безопасности. Мой адъютант говорит, что Грей просто в ярости. – Сэр Джефффри вздохнул. – Возможно, он и прав. Во всяком случае, этот джентльмен собирается по мере возможности раздуть историю, преподнести ее в самом скверном для нас свете. Я слышал, завтра они с Бродхерстом устраивают пресс-конференцию. Теперь, когда бедного сэра Чарльза нет в живых, старшим в делегации стал Бродхерст, и одному Богу известно, что будет, если эти двое начнут излагать свои чванливые взгляды на Китай.

– Пусть министр заставит их замолчать, сэр.

– Я просил его, но он сказал: «Боже правый, Джефффри, заставить замолчать члена парламента? Да это хуже, чем пытаться поджечь сам парламент». Все это на самом деле так утомительно. Я подумал, может, вы смогли бы утихомирить мистера Грея. Я собираюсь посадить его рядом с вами сегодня вечером.

– Я бы не сказал, что это хорошая мысль, сэр. Он просто ненормальный.

– Абсолютно согласен, Иэн. Но я был бы вам крайне признателен, если бы вы хоть попытались. Вы единственный, кому я могу это доверить. Квиллан может его прибить. Он уже звонил и официально отказался – исключительно из-за Грея. Может, вы не откажетесь пригласить этого типа на скачки в субботу?

Данросс вспомнил про Питера Марлоу.

– Почему бы вам не пригласить Грея и всех остальных в вашу ложу? А я какую-то часть времени возьму его на себя. – «Слава богу, там не будет Пенн», – подумал он.

– Очень хорошо. Следующее: Роджер попросил меня встретиться с вами в банке завтра в шесть часов.

Данросс дал молчанию затянуться.

– Иэн?

– Да, сэр?

– В шесть. К этому времени Синдерс тоже должен быть там.

– Вы его знаете, сэр? Лично?

– Да. А что?

– Просто хотел убедиться.

Теперь замолчал губернатор. Данросс еще больше напрягся.

– Хорошо. В шесть. Дальше: вы слышали про Джона Чэня?

– Да, сэр, всего несколько минут назад. Как не повезло.

– Согласен. Бедняга! И надо было этой заварухе с Вервольфами случиться именно сейчас.

Дело Чэня, несомненно, станет громким, все противники Гонконга поднимут вой. Пока одна досада, не говоря уже об этой трагедии. Боже мой, ну, по крайней мере, мы живем в занятные времена: вокруг одни проблемы.

– Да, сэр. У «Виктории» неприятности? – Данросс задал этот вопрос как бы между прочим, но сам напряженно вслушивался, и от него не ускользнуло едва заметное колебание сэра Джеффри, прежде чем тот непринужденно ответил:

– Боже милостивый, нет! Мой дорогой друг, как вам такое только в голову пришло?! Ну, благодарю вас, Иэн. Остальное можно отложить до нашей встречи в полдень.

– Да, сэр. – Данросс положил трубку и вытер пот со лба. «Очень зловещее, черт возьми, это колебание, – сказал он себе. – Если уж кто знает, насколько плохи дела, то это сэр Джеффри».

Дождь с новой силой забарабанил в окна. «Столько еще нужно сделать». Он взглянул на часы. «Сейчас Линбар, потом сэр Луис». Он уже решил, что ему нужно от главы биржевого комитета, чего он должен добиться от него. На заседании внутреннего правления сегодня утром он не сказал об этом. Позиция остальных вызвала у него раздражение: все они – и Жак, и Гэваллан, и Линбар – были убеждены, что «Виктория» станет поддерживать «Струанз» до конца.

– А если нет? – спросил он.

– У нас есть сделка с «Пар-Кон». Как это «Виктория» может не помочь? Такое даже в голове не укладывается!

– А если не поможет?

– Может, Горнт больше не будет продавать.

– Он будет продавать. Как быть?

– Если не удастся остановить его или отсрочить платежи «Тода» и «Орлину», мы окажемся в очень скверном положении.

«Мы не можем отсрочить платежи, – снова подумал он. – Без банка, или без Маты, или без Прижимистого даже сделка с „Пар-Кон“ не остановит Квиллана. Квиллан знает, что у него есть весь сегодняшний день и вся пятница, чтобы продавать, продавать и продавать. А мне все не купить...»

– Мастер Линбар, тайбань.

– Пригласите, пожалуйста. – Он бросил взгляд на часы. Линбар вошел и закрыл за собой дверь. – Ты опоздал почти на две минуты.

– Да? Прошу прощения.

– Похоже, мне не удастся донести до тебя, насколько важно быть пунктуальным. Без этого с шестьюдесятью тремя компаниями не управиться. Если это повторится еще раз, останешься без годовой премии.

Линбар покраснел:

– Прошу прощения.

– Я хочу, чтобы ты принял наш филиал в Сиднее вместо Билла Фостера.

Линбар Струан просиял:

– Да, конечно. Это по мне. Я давно уже хотел управлять чем-то самостоятельно.

– Вот и прекрасно. Я хочу, чтобы ты вылетел завтра рейсом «Кантас» и...

– Завтра? Но это невозможно! – взорвался Линбар, и его довольного выражения как не бывало. – Мне нужно пару недель, чтобы все...

Голос Данросса стал таким мягким и в то же время таким беспощадно резким, что Линбар Струан побледнел.

– Я все это понимаю, Линбар. Но я хочу, чтобы ты отправился туда завтра. На две недели. Потом вернешься и доложишь. Понятно?

– Да, понятно. Но... как же суббота? Как же скачки? Я хочу посмотреть, как бежит Ноубл Стар.

Данросс лишь взглянул на него.

– Я хочу, чтобы ты был в Австралии. Завтра. Фостеру не удалось завладеть «Вулара пропертиз». Без «Вулара» у нас не будет фрахтователя на суда. Без фрахтователя наши сегодняшние банковские договоренности недействительны. У тебя две недели, чтобы исправить положение и доложить.

– А если я этого не сделаю? – Линбар был взбешен.

– Ради бога, не трать зря время! Ты знаешь ответ. Если ты этого не сделаешь, то больше не будешь членом внутреннего правления. А если завтра ты не улетишь этим рейсом, то, пока я тайбань, ноги твоей не будет в «Струанз».

Линбар Струан открыл было рот, но передумал говорить.

– Хорошо, – подвел итог Данросс. – Если у тебя выгорит с «Вулара», твой оклад будет увеличен вдвое.

Линбар Струан лишь смотрел на него во все глаза.

– Что-нибудь еще? Сэр?

– Нет. До свидания, Линбар.

Линбар кивнул и широкими шагами вышел. Когда дверь за ним закрылась, Данросс позволил себе тень улыбки.

– Много мнит о себе, ублюдок мелкий, – пробормотал он под нос, встал и снова подошел к окну.

Он чувствовал себя как в клетке. Хотелось прочистить голову, рассекая волны на быстром катере или, еще лучше, мчась в машине, проходя повороты чуть быстрее, чем нужно, разгоняя и машину, и себя чуть сильнее на каждой прямой. Рассеянно поправив картину, он в глубоком раздумье смотрел на капли дождя, опечаленный смертью Джона Чэня.

Дождевая капля преодолела дистанцию с препятствиями и исчезла. За ней последовала еще одна, потом еще и еще. За окном по-прежнему ничего не было видно, а дождь все хлестал и хлестал.

Звякнув, снова ожил его личный телефон.

– Да, Пенн? – сказал он, сняв трубку.

– Мистер Данросс? – послышался знакомый голос.

– Да. А кто это? – напряженно спросил он, теряясь в догадках, кто бы это мог быть. Что за странный акцент?

– Меня зовут Кирк, Джейми Кирк, мистер Данросс. Я... э-э... я приятель мистера Гранта, мистера Алана Медфорда Гранта... – Трубка чуть не выпала из руки Данросса. – Алло? Мистер Данросс?

– Да, пожалуйста, продолжайте. – Данросс уже преодолел первоначальный шок. АМГ был одним из немногих, кому он давал этот номер, и АМГ знал, что им нужно пользоваться только в самом крайнем случае, а давать его кому-то можно лишь в случае суровой необходимости. – Чем могу быть полезен?

– Я... э-э... из Лондона, вернее, из Шотландии. Алан просил позвонить вам, как только я буду в Гонконге. Он... э-э... дал мне ваш номер. Надеюсь, не побеспокоил?

– Нет, совсем нет, мистер Кирк.

– Алан передал для вас пакет, а также хотел, чтобы я поговорил с вами. Моя... э-э... Мы с женой в Гонконге три дня, и я... э-э... я хотел спросить, не могли бы мы встретиться.

– Конечно. Где вы остановились? – спокойно спросил Данросс, хотя сердце бешено колотилось.

– В отеле «Девять драконов» в Коулуне, номер четыреста пятьдесят пять.

– Когда вы последний раз виделись с Аланом, мистер Кирк?

– Когда мы уезжали из Лондона. Это было... э-э... уже две недели назад. Да, две недели назад, как один день. Мы... э-э... мы были в Сингапуре и Индонезии. А что?

– Вам удобно было бы после ланча? Прошу прощения, но до пятнадцати двадцати у меня все забито. В это время мы и могли бы встретиться, если вас это устраивает.

– Пятнадцать двадцать – прекрасно.

– Я пришлю за вами машину и...

– О, в этом... э-э... в этом нет необходимости. Мы можем сами добраться до вашего офиса.

– Это меня несколько не затруднит. Машина заедет за вами в четырнадцать тридцать.

Данросс в глубокой задумчивости положил трубку. Часы пробили восемь сорок пять. Раздался стук в дверь. Она открылась, и вошла Клаудиа.

– Сэр Луис Базилио, тайбань.

В банке «Виктория» Джонджон кричал в трубку:

– Мне наплевать, что вы, ублюдки, думаете там, в Лондоне. Я говорю вам, что у нас здесь начинается банковская паника. Все на самом деле выглядит очень скверно. Я... Что? Говорите громче! У нас связь скверная... Что?.. Да какое мне дело, что у вас полвторого ночи? Где бы, черт побери, вы ни находились! Мне четыре часа было до вас не дозвониться!.. Что?.. Чей день рождения? Боже всемогущий... – Его брови песочного цвета взмыли вверх, и он пытался сдерживать гнев. – Послушайте, просто свяжитесь, черт возьми, с Сити и Монетным двором и скажите им... Алло?.. Да, скажите им, что на всем этом проклятом острове могут кончиться деньги и... Алло?.. Алло?.. О боже мой! – Он стал нажимать и отпускать рычаг. – *Алло!* – Потом швырнул трубку, выругался и ткнул кнопку интеркома. – Мисс Миллз, разъединили. Пожалуйста, соедините меня с ним снова как можно быстрее.

– Хорошо, – послышался спокойный, очень английский голос. – Здесь мистер Данросс.

Джонджон взглянул на часы и побелел. Девять тридцать три.

– О господи! Подождите... да, подождите с этим звонком. Я... – Он торопливо положил трубку, рванулся к двери, собрался и открыл ее с деланой беззаботностью. – Мой дорогой Иэн, мне так неловко, что заставил тебя ждать. Как дела?

– Прекрасно. А у тебя?

– Замечательно!

– Замечательно? Интересно. Снаружи уже выстроилась целая очередь – там, должно быть, человек шестьсот или семьсот, – а до открытия еще полчаса. Несколько человек стоят даже у «Блэкс».

– Больше чем несколько... – Джонджон успел вовремя остановить себя. – Ничего страшного, Иэн. Выпьешь кофе или пойдем прямо в кабинет Пола?

– В кабинет Пола.

– Хорошо. – Джонджон повел его по застланному толстым ковром коридору. – Нет, проблемы никакой. Лишь горстка суеверных китайцев. Ты же знаешь, какие они: слухи и все такое прочее. Как скверно вышло с этим пожаром. Я слышал, что Кейси разделась и нырнула спасать других. Ты сегодня утром был на ипподроме? Этот дождь просто великолепен, правда?

Беспокойство Данросса росло.

– Да. Я слышал, очереди выстроились почти у всех банков колонии. Кроме Банка Китая. Смех Джонджона прозвучал глухо, как из бочки.

– Если бы у наших друзей-коммунистов случилась банковская паника, они восприняли бы это далеко не так благодушно. Они направили бы сюда войска!

– Значит, паника все же имеет место?

– У «Хо-Пак» – да. У нас – нет. Во всяком случае, мы и близко не стоим с Ричардом Кваном по рассредоточенности средств. Насколько я понимаю, он действительно предоставил несколько очень опасных займов. Боюсь, что «Цзин просперити» тоже не в самой лучшей форме. Хотя Улыбчивый Цзин заслуживает взбучки после всех его многолетних авантур с сомнительными предприятиями.

– Наркотики?

– Мне на самом деле трудно сказать, Иэн. Во всяком случае, официально. Но ходят устойчивые слухи.

– Но ты утверждаешь, что этот отток вкладчиков обойдет вас стороной?

– Вообще-то, да. А если и нет... что ж, я уверен, все обойдется.

Джонджон пошел дальше по коридору, облицованному широкими панелями. Вокруг богатая отделка, все солидно и надежно. Он кивнул пожилой секретарше-англичанке, проходя мимо, и открыл дверь с табличкой: ПОЛ ХЭВЕГИЛЛ. ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Офис был просторный, обшитый дубом, на огромном столе ни единой бумаги. Окна выходили на площадь.

– Иэн, дорогой. – Хэвегилл встал и протянул руку. – Приношу искренние извинения, что не смог встретиться с тобой вчера. А прием вечером вряд ли подходил для деловых разговоров, а? Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Как мне кажется. Пока. А ты?

– Немного слабит, а с Констанцией все в порядке, слава богу. Добравшись домой, мы оба приняли хорошую дозу старого доброго средства доктора Коликоса. – Этот чудодейственный напиток изобрел доктор Коликос для лечения желудочных расстройств во время Крымской войны, когда британские солдаты тысячами умирали от тифа, холеры и дизентерии. Формула лекарства до сих пор хранится в тайне.

– Ужасная гадость! Доктор Тули тоже заставил нас принять его.

– А с остальными – страшное дело, верно? Жена Токса, а?

– Я слышал, ее тело обнаружили сегодня утром под какими-то сваями, – мрачно сказал Джонджон. – Не получи я «розовый билет», мы с Мэри тоже были бы там. – «Розовый билет» означал разрешение жены провести где-то вечер без нее. Можно было пойти поиграть в карты с приятелями, или наведаться в Клуб, или показать город кому-то из приезжих, или предпринять еще что-нибудь – но с ее благосклонного разрешения.

– Вот как? – улыбнулся Хэвегилл. – И кого же из дам ты осчастливил?

– Я играл в бридж с Мак-Брайдом в Клубе.

Хэвегилл рассмеялся:

– Ну что ж, без осторожности нет и доблести. К тому же нельзя забывать о репутации банка.

Данросс чувствовал, что отношения у этих двоих напряженные. Он молча ждал с вежливой улыбкой.

– Чем могу быть полезен, Иэн? – спросил Хэвегилл.

– Мне нужен дополнительный кредит – сто миллионов на тридцать дней.

Наступила мертвая тишина. Оба смотрели на него не отрываясь. Данроссу показалось, что он заметил промелькнувшую в глазах Хэвегилла издевку.

– Это невозможно! – услышал он его слова.

– Горнт ведет на нас атаку, это ясно всем. Вы оба знаете, что мы стоим прочно, надежно и дела у нас идут хорошо. Мне нужна ваша открытая массированная поддержка. Тогда он не осмелится продолжать, а деньги мне, вообще-то, не понадобятся. Но что мне действительно нужно, так это обязательство. Прямо сейчас.

Снова молчание. Джонджон ждал. Хэвегилл закурил.

– А что насчет сделки с «Пар-Кон», Иэн?

Данросс рассказал.

– Во вторник мы подписываем контракт.

– Ты можешь доверять этому американцу?

– Мы заключили соглашение.

И опять молчание. Его смущенно нарушил Джонджон:

– Это очень хорошая сделка, Иэн.

– Да. А ваша открытая поддержка заставит Горнта и «Блэкс» прекратить атаку.

– Но сто миллионов? – проговорил Хэвегилл. – Это вне пределов возможного.

– Я же сказал, что вся сумма мне не потребуется.

– Это предположение, дорогой друг. Нас могут против желания вовлечь в очень большую игру. До меня дошли слухи, что Квиллана финансируют из-за границы: его поддерживают из Германии. Мы не можем ввязываться в борьбу с каким-нибудь консорциумом немецких банков – риск слишком велик. Ты уже перебрал лимит возобновляемого кредита. А еще эти пятьсот тысяч акций, которые ты купил сегодня и должен оплатить в понедельник. Извини, но нет.

– Поставь это на голосование совета директоров. – Данросс знал, что у него достаточно голосов, чтобы провести решение, даже если Хэвегилл будет против.

Молчание.

– Очень хорошо. Я, конечно, поставлю этот вопрос на голосование – на следующем заседании совета.

– Нет. На три недели откладывать нельзя. Прошу созвать экстренное собрание.

– Извини, но я этого делать не стану.

– Почему?

– Я не должен объяснять почему, Иэн, – отрезал Хэвегилл. – «Струанз» не владелец этого банка и не контролирует его, хотя у тебя значительный пакет наших акций, а у нас – твоих и ты – ценный клиент. Я с удовольствием подниму этот вопрос на следующем заседании. Созывать экстренные собрания – моя, и только моя, прерогатива.

– Согласен. Равно как и предоставлять кредиты. Никакое собрание тебе не нужно. Ты можешь сделать это хоть сейчас.

– Я буду рад передать эту просьбу совету директоров на следующем заседании. Еще вопросы есть?

Данросса так и подмывало размазать по лицу врага удовольствие, которое тот еле скрывал, но он сдержался.

– Мне нужен этот кредит, чтобы поддержать мои акции. Прямо сейчас.

– Конечно, и Брюс, и я прекрасно понимаем, что авансовый платеж по сделке с «Пар-Кон» позволит вам заплатить за суда и частично погасить задолженность «Орлину». – Хэвегилл попыхивал сигаретой. – Кстати, насколько я понимаю, «Орлин» не собирается возобновлять кредит: тебе придется выплатить им все полностью в течение тридцати дней в соответствии с условиями контракта.

– Откуда ты знаешь? – вспыхнул Данросс.

– От председателя, конечно. Я позвонил ему вчера вечером и спросил, бу...

– Что ты сделал?!

– Что слышишь, мой дорогой друг. – Хэвегилл уже открыто наслаждался потрясением Данросса и Джонджона. – У нас есть все права делать запросы. В конце концов, мы банкиры

«Струанз» и должны знать. Наши ценные бумаги тоже подвергнутся риску, если вы обанкротитесь, верно?

– И ты поспособствуешь тому, чтобы это случилось?

С видимым удовольствием Хэвегилл потушил сигарету.

– Банкротство любого крупного бизнеса в колонии, не говоря уже о Благородном Доме, не в наших интересах. О, конечно нет. Беспокоиться не надо. В нужный момент мы вмешаемся и купим твои акции. Мы никогда не позволим Благородному Дому рухнуть.

– И когда же наступит этот нужный момент?

– Когда цена акций будет подходящей.

– И сколько же это?

– Мне нужно подумать над этим, Иэн.

Данросс понял, что проиграл, но виду не подал.

– Подождешь, пока акции будут продавать почти даром, а потом приобретешь контрольный пакет.

– Компания «Струанз» теперь акционерное общество, хотя с ней связано много других, – сказал Хэвегилл. – Возможно, было бы разумнее прислушаться к тому, что советовали Аластэр и я. Мы указывали, чем ты рискуешь, превращая компанию в акционерное общество. И возможно, тебе следовало посоветоваться с нами, прежде чем покупать такое огромное количество акций. Квиллан, очевидно, считает, что ты у него в руках. А средства твои на самом деле немного рассредоточены, старина. Но бояться не надо, Иэн. Банкротства Благородного Дома мы не допустим.

Усмехнувшись, Данросс встал:

– Без тебя в колонии будет гораздо лучше.

– Что ты говоришь? Я останусь на своей должности до двадцать третьего ноября, – огрызнулся Хэвегилл. – А вот ты можешь вылететь из колонии раньше меня!

– А разве ты не считаешь... – начал было Джонджон, ошеломленный тем, как разошелся Хэвегилл, но осекся, потому что заместитель председателя повернулся к нему.

– Твой срок начинается двадцать четвертого ноября. И то, если назначение будет утверждено ежегодным общим собранием акционеров. А пока банком «Виктория» управляю я.

Данросс снова усмехнулся:

– Не уверен, что это так. – И вышел.

Наступившее молчание нарушил Джонджон, который раздраженно заявил:

– Ты мог запросто созвать экстренное собрание. Ты мог за...

– Вопрос закрыт! Понятно? Закрыт! – Взбешенный Хэвегилл закурил еще одну сигарету. – У нас свои проблемы, и в первую очередь нужно решать их. Но если этот ублюдок выпутается и на сей раз, я буду немало удивлен. Его положение очень опасное, очень. Об этом проклятом американце и его подружке мы не знаем ничего. Что мы знаем, так это то, что Иэн – человек упрямый, самонадеянный и твердолобый. Он занимает не свое место.

– Это не...

– Наше дело – извлечение прибыли, а не благотворительность. Слишком долго слишком многое в наших делах зависело от голоса данроссов и струанов. Если нам удастся получить контрольный пакет, мы станем Благородным Домом Азии – *мы!* Мы вернем находящийся у него пакет наших акций. Мы тут же уволим всех директоров и назначим новых, мы удвоим наши капиталы, и я оставлю банку славное наследие на века. Вот для чего мы здесь – зарабатывать деньги для *нашего* банка и для *наших* акционеров! Я всегда считал твоего приятеля Данросса очень рискованным человеком, а теперь ему скоро крышка. И если в моих силах помочь затянуть на его шее петлю, я это сделаю!

В квартире Марлоу доктор Тули считал пульс Флер Марлоу, поглядывая на старомодные золотые карманные часы. «Сто три. Многовато», – с грустью подумал он, глядя на тонкое запястье, кладя руку назад на простыни и ощущая ее жар чуткими пальцами.

Из маленькой ванной вышел Питер Марлоу.

– Ничего хорошего, да? – хрипло спросил Тули.

Питер Марлоу устало улыбнулся:

– Вообще-то, довольно неприятно. Одни колики, а выходит лишь немного жидкости. – Глаза его были устремлены на жену, бессильно раскинувшуюся на маленькой двуспальной кровати. – Как ты, крошка?

– Хорошо, – произнесла она. – Хорошо, спасибо, Питер.

Доктор взял свою старомодную сумку и убрал туда стето-скоп.

– Была ли... была ли кровь, мистер Марлоу?

Питер Марлоу покачал головой и устало присел. Ни он, ни его жена почти не спали. Колики у обоих не прекращались с четырех часов утра и становились все сильнее.

– Нет, по крайней мере пока. Такое впечатление, что это обычный приступ дизентерии: колики, мороки много, а в итоге почти ничего нет.

– Обычный? У вас была дизентерия? Когда? В какой форме?

– Думаю, энтерическая. Я... я был в плену в Чанги в сорок пятом. На самом деле, между сорок вторым и сорок пятым. Какое-то время на Яве, а большей частью – в Чанги.

– Вот как. О, понятно. Тогда прошу прощения. – Доктор Тули помнил все эти послевоенные рассказы о том, как японская армия обращалась с британскими и американскими военнопленными. – Меня всегда преследовало какое-то странное ощущение, что нас предали, – грустно произнес доктор. – Японцы всегда были нашими союзниками... Они островная нация, как и мы. Хорошие вояки. Я служил военным врачом у «чиндитов»¹². Дважды был в деле с Уингейтом. – Уингейт, эксцентричный британский генерал, придумал совершенно необычный способ ведения боевых действий, когда из Индии в джунгли Бирмы, глубокий японский тыл, посылали высококомобильные ударные колонны британских солдат – «чиндитов» – и сбрасывали им продовольствие и боеприпасы с самолетов. – Мне повезло: вся эта «чиндитская» операция была делом довольно рискованным. – Рассказывая, он смотрел на Флер, взвешивал симптомы, мобилизуя весь свой опыт, пытаясь поставить диагноз, распознать врага среди мириадов возможных, прежде чем тот причинит вред плоду. – Проклятые самолеты никогда не сбрасывали груз для нас куда надо.

– Я знал пару ваших парней в Чанги. В сорок третьем или сорок четвертом году – точно не помню. И имен не помню. Их отправили в Чанги сразу после того, как они попали в плен.

– Значит, это был сорок третий, – нахмурился доктор. – В тот год японцы почти сразу обнаружили целую колонну и устроили на нее засаду. Эти джунгли, если вы там не были, просто что-то невероятное. Большую часть времени мы даже не понимали, на кой черт нас туда забросили. Боюсь, немногие из наших ребят выжили, чтобы попасть в Чанги. – Славный старичок, с крупным носом, редкой шевелюрой и теплыми руками, доктор Тули улыбнулся, глядя на Флер. – Так, юная леди, – начал он своим добрым хриловатым голосом, – у вас небольшая тем...

– О... извините, доктор, – вдруг перебила она его, побледнев, – думаю... – Она вскочила с кровати и неуклюже поспешила в ванную. Дверь за ней закрылась. Сзади на ночной рубашке проступило пятнышко крови.

– Как она, нормально? – спросил Марлоу с застывшим лицом.

---

¹² Слово «чиндиты» происходит от бирманского *чинтэ* – названия мифического животного. Создатель и командир этого соединения генерал Чарльз Орд Уингейт (1903–1944) погиб в джунглях в авиационной катастрофе.

– Температура сто три¹³, пульс высокий. Может, просто гастроэнтерит... – Доктор взглянул на него.

– А гепатит не может быть?

– Нет, прошло слишком мало времени. Инкубационный период при гепатите – от шести недель до двух месяцев. Боюсь, что его призрак висит над каждым. Уж извините. – Дождь с новой силой забарабанил по стеклам. Доктор посмотрел в окно и нахмурился, вспомнив, что не сказал про угрозу гепатита Данроссу и американцам. «Наверное, лучше их не беспокоить. Поживем – увидим. Судьба», – подумал он. – Вот через два месяца будем знать точно. Уколы вам обоим сделаны, так что насчет тифа тревожиться нечего.

– А ребенок?

– Если колики усилятся, может случиться выкидыш, мистер Марлоу, – негромко проговорил доктор. – Извините, но об этом лучше знать. И в том и в другом случае ей придется нелегко: какие в Абердинской бухте кишат бактерии и вирусы, одному Богу известно. Вот уже сто лет туда сбрасывают нечистоты. Просто ужас, но мы ничего не можем с этим поделать. – Он стал шарить в кармане, ища бланки рецептов. – Ни китайцев, ни их вековые привычки изменить невозможно. Извините.

– Джосс. – Питер Марлоу чувствовал себя прескверно. – Неужели все заболеют? Там нас в воде барахтались, должно быть, человек сорок-пятьдесят: хоть немного, но этой дряни наглотался каждый.

Доктор подумал.

– Из пятидесяти тяжелой формой заболеют человек пять, другие пять отделаются легким испугом, а у остальных будет нечто среднее. Гонконгских *янь* – то есть жителей Гонконга – это, надо думать, заденет меньше, чем приезжих. Но, как вы правильно говорите, в большей степени это вопрос везения. – Он нашел наконец свои бланки. – Я выпишу вам рецепт на один из этих новомодных кишечных антибиотиков, но продолжайте принимать старое доброе средство доктора Коликоса: от него у вас животики подуспокоятся. Следите за ней очень внимательно. Термометр у вас есть?

– О да. Ко... – Питер Марлоу весь содрогнулся от охватившей его судороги, которая тут же прошла. – Когда путешествуешь с маленькими детьми, приходится иметь при себе все самое необходимое.

Оба избегали смотреть на дверь ванной. Приступы боли у Флер сопровождались приглушенными стонами.

– Сколько вашим детям? – рассеянно спросил доктор Тули, выписывая рецепт и стараясь не выдать свою озабоченность. Войдя в квартиру, он обратил внимание на счастливый беспорядок в крохотной второй спальне рядом с маленькой серенькой гостиной: места едва хватало для двухъярусной кровати, повсюду были разбросаны игрушки. – Мои теперь уже большие. У меня три дочери.

– Что? А... нашим четыре и восемь. Они... обе девочки.

– Ама у вас есть?

– О да. Да. Сегодня утром был такой дождь, что она отправилась провожать детей в школу. Они переправляются на ту сторону бухты и берут *бопи*. – Водители *бопи*, нелегальных такси, не имели лицензий на извоз, но этим видом транспорта время от времени пользовались почти все. – Школа у нас рядом с Гарден-роуд. В основном дети ездят туда самостоятельно. Это вполне безопасно.

– О да. Да, конечно.

Оба теперь чутко прислушивались к стонам Флер. И переживали из-за каждого еле слышного звука, доносившегося из ванной.

---

¹³ 39,4 °C.

– Ну-ну, не волнуйтесь, – нерешительно произнес доктор. – Я распоряжусь, чтобы лекарства вам прислали: в отеле есть аптека. Стоимость будет включена в ваш счет. Вечером, часов в шесть, загляну к вам еще, постараюсь как можно ближе к шести. Если возникнут проблемы... – Он осторожно протянул бланк рецепта. – Здесь есть номер моего телефона. Не стесняйтесь, звоните, хорошо?

– Спасибо. Теперь о вашем счете...

– Об этом не беспокойтесь, мистер Марлоу. Самое главное – чтобы вы выздоровели. – Доктор Тули сосредоточился на двери. Он боялся уходить. – Вы армеец?

– Нет. Летчик.

– Ах! Мой брат был одним из «Немногих». Разбился в... – Он осекся.

– Доктор... вы не... вы не могли бы... пожалуйста... – нерешительно позвала через дверь Флер Марлоу.

Тули подошел к двери:

– Да, миссис Марлоу? У вас все в порядке?

– Вы не... вы не могли бы... пожалуйста...

Он открыл дверь и закрыл ее за собой.

В крошечной ванной стояла кисловато-сладкая вонь, но он не обращал на это внимания.

– Я... это... – Она выгнулась в очередном приступе.

– Ну-ну, не волнуйтесь, – успокаивал он, кладя одну руку ей на спину, а другую на живот, чтобы поддержать измученные брюшные мышцы, и мягко, очень умело массируя ее. – Вот-вот! Просто расслабьтесь, я не дам вам упасть. – Почувствовав под пальцами узелок, он постарался передать ей всю свою теплоту и силу. – Вам примерно столько же, сколько моей дочери, моей младшенькой. У меня их трое, и у старшей двое детей... Вот, просто расслабьтесь, представьте себе, что боль уже прошла. Скоро вам будет хорошо и тепло... – Через некоторое время колики прошли.

– Я... боже, изви... извините. – Молодая женщина потянулась за рулоном туалетной бумаги, но ее скрутил новый приступ, потом еще один.

В тесной комнатухе было неудобно, но доктор держал Флер сильными руками, чтобы принять большую часть ее веса на себя. У него заболела спина.

– Я... у меня уже все в порядке, – проговорила она. – Благодарю вас.

Тули понимал, что это не так: пот тек с нее ручьями. Он промокнул ей лицо и вытер насухо. Потом помог встать, взвалив ее на себя и не переставая поглаживать. Подтер ее. На бумаге осталась кровь, в унитазе среди бесцветной жидкости – кровавая слизь, но кровотечения еще не было, и он с облегчением вздохнул. – У вас все будет хорошо. Вот сюда, подержитесь секунду. Не бойтесь! – И он направил ее руки к раковине. Быстро сложив в длину сухое полотенце, он плотно обернул ее живот и собрал концы вместе. – Так лучше всего для расстроенного животика, лучше всего. Так он и поддерживается, и согревается. Мой дед тоже был доктором, в индийской армии, и он божился, что лучшего способа не знает. – Он пристально посмотрел на нее. – Вы прекрасная, смелая юная леди. У вас все будет хорошо. Готовы?

– Да. Изв... извините за...

Он открыл дверь. Питер Марлоу рванулся на помощь. Они положили Флер на кровать.

Она лежала изможденная, и на лоб свешивалась прядь мокрых волос. Откинув эту прядь со лба, доктор Тули задумчиво смотрел на нее.

– Думаю, юная леди, на день-два мы поместим вас в родильное отделение.

– О, но... но...

– Беспокоиться вам не о чем. Но лучше дать ребенку шанс, а? А тут у вас двое малышей, станете за них переживать. Двух дней отдыха будет достаточно. – Его хрипловатый голос действовал на обоих успокоительно. – Я сделаю распоряжения и через четверть часа вернусь. – Он посмотрел на Питера Марлоу из-под больших мохнатых бровей. – Это родильное отделение.

ние находится в Коулуне, так что вам не надо будет тратить время, мотаясь на Остров. Им пользуются у нас многие. Там хорошо, чисто и есть все необходимое для любой непредвиденной ситуации. Может, соберете небольшую сумочку для нее? – Он записал адрес и номер телефона. – Так что, юная леди, я вернусь через несколько минут. Это будет лучше всего, и не придется переживать за детей. Я знаю, какое это мучение, когда плохо себя чувствуешь. – Он улыбнулся обоим. – Ни о чем не беспокойтесь, мистер Марлоу, хорошо? Я поговорю с вашим слугой – попрошу его навести здесь порядок. И не волнуйтесь насчет денег. – Глубокие морщины вокруг глаз залегли еще глубже. – Мы здесь, в Гонконге, относимся к нашим юным гостям с большим пониманием.

Он вышел. Питер Марлоу присел на кровать. Он был безутешен.

– Надеюсь, дети благополучно добрались в школу, – еле слышно проговорила Флер.

– О да. А Соп прекрасно справится.

– Ты один справишься?

– Запросто. Как Старая Матушка Хаббард¹⁴. Ведь это всего на день-два.

Она устало шевельнулась, опершись на руку и глядя на дождь и серую стену отеля на другой стороне узенькой улочки, такую ненавистную, потому что она загоразживала небо.

– Я... я надеюсь, это не будет... не будет слишком дорого, – слабым голосом проговорила она.

– Не беспокойся об этом, Флер. Все у нас будет в порядке. Гильдия сценаристов заплатит.

– Заплатит ли? Могу поспорить, что нет, Питер. Во всяком случае, вовремя. Проклятье! Мы... у нас и так уже туго с деньгами.

– Я всегда могу занять против обязательной выплаты на следующий год. Не...

– О нет! Нет, мы не будем этого делать, Питер. Мы не должны этого делать. Мы договорились. Ина... иначе ты опять окажешься в... в ловушке.

– Что-нибудь подвернется, – убежденно произнес он. – В следующем месяце тринадцатое число – пятница, а нам при таком сочетании всегда везло.

Тринадцатого был опубликован его роман, и тринадцатого же он попал в списки бестселлеров. Когда три года назад они с женой были «на нуле», опять-таки тринадцатого числа он заключил прекрасный контракт на сценарий, который снова позволил им выплыть. Режиссером его первый раз утвердили тринадцатого. А тринадцатого апреля прошлого года, в пятницу, одна из студий Голливуда приобрела права на съемку фильма по его роману за сто пятьдесят семь тысяч долларов. Десять процентов получил агент, а остаток Питер Марлоу распределил на пять лет – заранее. Пять лет обязательных выплат на семью. Двадцать пять тысяч каждый год в январе. Если не шиковать, хватит на школу, медицинские расходы, платежи по закладной, за машину и прочие. Пять славных лет свободы от всех обычных треволнений. Эта свобода позволила отказаться от написания очередного сценария и приехать на год в Гонконг. За свой счет. Зато можно без помех собирать материал для второй книги. «О господи, – подумал Питер Марлоу, вдруг оцепенев. – Какого черта я вообще ищу? Какого черта я здесь делаю?»

– Господи, – печально проговорил он, – если бы я не настоял, чтобы мы пошли на этот банкет, ничего этого никогда бы не случилось.

– Джосс. – Она слабо улыбнулась. – Судьба, Питер. Помнишь, как ты... ты всегда говоришь мне. Джосс. Это джосс, просто джосс, Питер. Господи, как мне плохо.

---

¹⁴ Старая Матушка Хаббард – персонаж английских детских стишков.

Глава 42

10:01

Орланда Рамуш открыла дверь своей квартиры и поставила промокший зонт в подставку.
– Входите, Линк, – вся сияя, пригласила она. – *Minha casa é vossa casa*. Мой дом – ваш дом.

– Вы уверены? – улыбнулся Линк.

Она беспечно засмеялась:

– А! Посмотрим. Это лишь старинный португальский обычай... предлагать свой дом. – Она снимала блестящий, очень модный плащ. Он тоже стаскивал плащ – промокший насквозь и поношенный.

– Так, давайте я его повешу. О, насчет того что натекло, не беспокойтесь, моя *ама* все подотрет. Заходите.

В гостиную, очень женскую, обставленную со вкусом, аккуратную и прибранную, было приятно зайти. Орланда закрыла за Бартлеттом дверь и повесила его пиджак на вешалку. Он подошел к высокой стеклянной двери балкона. Квартира располагалась на восьмом этаже Роуз-Корт на Коутуолл-роуд.

– Дождь всегда так поливает? – спросил он.

– В настоящий тайфун гораздо сильнее. В день может выпасть от двенадцати до восемнадцати дюймов¹⁵. К тому же случаются оползни, и смывает целые кварталы поселенцев.

Он посмотрел вниз сквозь низко нависшие тучи. Почти весь вид закрывали многоэтажные дома, которые тянулись лентой по краям извилистых дорог, врезающихся в склоны холмов. Мигали огоньки Централ и береговой линии далеко внизу.

– Будто на самолете летишь, Орланда. В ясную ночь вид, должно быть, потрясающий.

– Да-да, потрясающий. Мне очень нравится. Весь Коулун как на ладони. Пока не построили Синклер-тауэрс – вот этот большой дом прямо перед нами, – отсюда открывался лучший вид во всем Гонконге. Вам известно, что Синклер-тауэрс принадлежит «Струанз»? Думаю, Иэн Данросс приложил руку к его строительству, чтобы досадить Квиллану. У Квиллана здесь квартира на самом верху... по крайней мере, была.

– Башня испортила ему вид?

– Напрочь.

– Накладно досаждают таким образом.

– Отнюдь. И тот и другой дом приносит огромную прибыль. Квиллан говорил, что в Гонконге все окупается за три года. Чем надо обладать, так это недвижимостью. Можно заработать... – Она усмехнулась. – При желании вы могли бы значительно увеличить ваше состояние.

– А если я захочу остаться, где стоит поселиться?

– Здесь, на Мид-Лэвелз. Выше, на Пике, всегда очень влажно, стены отсыревают, и все плесневеет. – Она сняла с головы шарфик и, тряхнув ею, распустила волосы. Потом села на ручку кресла, смотря Бартлетту в спину и терпеливо ожидая.

– Вы здесь давно живете? – спросил он.

– Пять лет, почти шесть. С того времени, как был построен дом.

Повернувшись, он оперся на подоконник.

– Вид прекрасный, – оценил американец. – Как и вы.

– Благодарю вас, любезный сэр. Не желаете ли кофе?

---

¹⁵ От 30,5 до 45,7 см.

– Да, спасибо. – Линк Бартлетт провел пальцами по волосам, взглядываясь в картину маслом. – Это Квэнс?

– Да. Это Квэнс. Подарок Квиллана. Эспрессо?

– Да. Черный, пожалуйста. Всегда хотелось лучше разбираться в живописи... – Он чуть не добавил: «Вот Кейси, та разбирается», но остановил себя, глядя, как Орланда открывает дверь кухни. В просторном современном помещении было полно самой разной утвари. – Кухня у вас словно сошла со страниц журнала «Дом и сад»!

– Это все Квиллан придумал. Он любит поесть, и ему нравится готовить. Весь дизайн его, а остальное... остальное – мое, хотя именно он научил меня отличать сделанное со вкусом от китча.

– Вы жалеете, что расстались с ним?

– И да и нет. Это джосс, карма. Он... это был джосс. Время пришло. – Она произнесла это так спокойно, что Бартлетт был тронут. – Это не могло продолжаться долго. Нет. Могло бы, но не здесь. – Он заметил, что на какой-то миг Орланду охватила грусть, но она отмела ее и занялась сверкающей кофеваркой. На полках не было ни пятнышка. – Квиллан – ярый поборник чистоты, слава богу, это сказалось и на мне. С моей *ама*, А Фат, просто с ума сойдешь.

– Она живет здесь?

– О да, да, конечно, но сейчас она пошла за покупками. Ее комната в конце коридора. Посмотрите квартиру, если хотите. Я скоро.

Исполненный любопытства, Бартлетт потихоньку вышел. Прекрасная столовая с круглым столом на восемь персон. Спальня в белых и розовых тонах, светлая и воздушная, мягкие занавеси, свешивающиеся с потолка вокруг огромной кровати, превращали ее в королевское ложе о четырех столбиках с пологом. Со вкусом составленный букет цветов. Современная ванная комната, где все подобрано в тон и даже полотенца под цвет плитки. Вторая спальня, здесь – книги, телефон, электронная аппаратура, кровать поменьше, аккуратно и стильно.

«Кейси до нее далеко», – отметил про себя Бартлетт, вспомнив беспшабашный холостяцкий беспорядок в маленьком домике посреди глубокой котловины, вольный хаос, на который хозяйка не обращала внимания: красная кирпичная кладка, везде стопки книг, вертел для барбекю, тут же телефон, копировальный аппарат и электрическая пишущая машинка. Смущенный тем, что подобное пришло ему в голову, что он, похоже, автоматически сравнивает двух женщин, Бартлетт, бесшумно ступая, прошел мимо комнаты *ама* назад к кухне. Сосредоточенная на кофеварке, Орланда не замечала, что американец смотрит на нее. Ему это доставляло удовольствие.

Сегодня, очень обеспокоенный, он позвонил ей рано утром и разбудил, желая напомнить, чтобы она – так, на всякий случай – показала врачу. Когда после всей суматохи прошлой ночью Бартлетт, Кейси и Данросс оказались на берегу, Орланда уже уехала домой.

– О, Линк, благодарю за звонок. Как это любезно с вашей стороны! Нет, у меня все в порядке. – Счастливая, она тараторила, торопясь хоть что-то сказать. – Во всяком случае, сейчас. А вы как себя чувствуете? Как Кейси? О, не знаю, как вас и благодарить. Я просто окаменела от ужаса... Вы спасли мне жизнь, вы и Кейси...

Они весело поболтали, она пообещала, несмотря ни на что, показаться врачу, и тогда он спросил, не хочет ли она позавтракать. Она тут же сказала «да», и он поехал на гонконгскую сторону, наслаждаясь проливным дождем и приятной прохладой. Завтрак на крыше отеля «Мандарин», яйца «бенедикт», тосты и кофе, великолепное настроение, лучающаяся Орланда, которая не переставала выражать признательность ему и Кейси.

– Я думала, мне конец. Я знала, что утону, Линк, но мне было слишком страшно, и я не могла кричать. Если бы вы не проделали это так быстро, я никогда бы... Как только я погрузилась в воду, там уже была милая Кейси. Я и сообразить ничего не успела, как уже снова жила и опасность была позади...

У него в жизни не было такого замечательного завтрака. Она укутала его мягким коконом заботы, передавала тост, наливала кофе, поднимала упавшую салфетку, и об этом не нужно было просить. Она развлекала его и давала развлекать себя. Уверенная и женственная, она заставляла его чувствовать себя сильным и мужественным. А однажды, будто невзначай, накрыла его руку своей ладонью – длинные пальцы, изящные ногти, – и это прикосновение он чувствовал до сих пор. Потом он проводил ее домой, подвел к тому, чтобы она пригласила его подняться, и вот теперь он здесь и, скользя по ней взглядом – шелковая юбка и сапоги в русском стиле, блузка навыпуск, обтягивающая осиную талию, – наблюдает, как она хлопочет на кухне.

«Господи, – подумал он, – лучше будь поосторожнее».

– О, я вас не заметила, Линк. Для мужчины вашего роста вы ходите так тихо!

– Прошу прощения.

– Не нужно извинений, Линк! – Пар уже шипел вовсю, и капли кофе стали наполнять чашки. – Корочку лимона?

– Да. Спасибо. А вы?

– Нет. Я предпочитаю капучино.

Великолепный аромат кофе уже разносился вокруг, и под тонкое гудение кофеварки она подогрела молоко и отнесла поднос в уголок для завтрака. Серебряные ложки, прекрасный фарфор. Воздух был словно наэлектризован, но оба делали вид, что не замечают этого.

Бартлетт смаковал напиток маленькими глотками.

– Чудесный кофе, Орланда! Такого я еще не пил. И вкус у него какой-то необычный.

– Я добавила немного шоколада.

– Вам нравится готовить?

– О да! Очень. Квиллан говорил, что я хорошая ученица. Люблю заниматься домашним хозяйством, собирать гостей, и Квиллан всегда... – Она чуть нахмурилась и теперь смотрела ему прямо в глаза. – Похоже, я постоянно упоминаю о нем. Прошу прощения, но это по-прежнему... по-прежнему получается как-то автоматически. Он был первым в моей жизни, и единственным, поэтому стал частью меня, и от этого не избавиться.

– Не нужно объяснять, Орланда, я пони...

– Я знаю, но мне хочется объяснить. Настоящих друзей у меня нет, и я никогда ни с кем не говорила о нем, но почему-то... почему-то, ну, мне нравится быть с вами, и... – На ее лице вдруг расцвела широкая улыбка. – Конечно! Я забыла! Теперь вы отвечаете за меня! – Засмеявшись, она захлопала в крошечные ладошки.

– Что вы имеете в виду?

– Вы встали на пути джосса, или судьбы. Таков китайский обычай. О да. Вы вмешались в промысел богов. *Вы* спасли мне жизнь, потому что без вас я, несомненно, погибла бы – вероятно, погибла бы, – но на то была бы воля богов. Но вы вмешались и взяли *их* ответственность на себя, так что теперь вам придется заботиться обо мне всегда! Вот какой прекрасный, мудрый китайский обычай! – В глазах у нее заплясали чертики. Он никогда не видел таких белых белков, такой ясной карей радужки, такого привлекательного лица. – Всегда!

– Заметано! – рассмеялся он вместе с ней. Радость ее была так велика, что просто обволакивала.

– О, прекрасно! – воскликнула она, а потом, уже чуть серьезнее, тронула его за руку. – Это лишь шутка, Линк. Вы такой галантный, а я не привыкла к галантности. Я официально освобождаю вас – моя китайская половина освобождает вас от этого долга.

– А может, я не хочу, чтобы меня освобождали.

Он тут же заметил, как широко раскрылись ее глаза. Всю грудь у него сжало, сердце забилося. Аромат ее духов вызывал просто танталовы муки. И тут взаимное влечение накрыло их обоих огромной волной. Рука Бартлетта коснулась ее волос, таких шелковистых, тонких

и чувственных. Коснулась в первый раз. И стала ласкать. Легкая дрожь, и они уже слились в поцелуе. Мгновение – и ее губы ответили, мягкие, чуть влажные, без помады, такие свежие и приятные на вкус.

Желание обоих росло. Его рука оказалась у нее на груди, и она чувствовала тепло ладони через шелковую ткань. По ней снова прокатилась дрожь, она попыталась отстраниться, но он крепко держал ее, нежно поглаживая, и сердце у него колотилось. Тогда ее руки легли к нему на грудь и, продлив немного это прикосновение, надавили. Она прервала поцелуй, но не отстранилась, тяжело дыша, опьяненная, как и он, с тем же бешено колотящимся сердцем.

– Линк... ты...

– С тобой так хорошо, – тихо проговорил он, прижимая ее к себе. Он наклонился, чтобы поцеловать ее еще раз, но она увернулась.

– погоди, Линк. Сначала...

Он поцеловал ее в шею и попытался еще раз поцеловать в губы, чувствуя, как ей этого хочется.

– Линк, погоди... сначала...

– Сначала поцелуй, потом «погоди»!

Она рассмеялась. Напряжение спало. Он обругал себя за ошибку. Им и так владело огромное желание, а встречный порыв возбудил его еще больше. Теперь момент прошел, и они снова ходили вокруг да около. Закипевшая было злость не успела овладеть им, потому что Орланда прильнула к нему в поцелуе. Злоба тут же прошла. Осталось лишь тепло.

– Ты слишком сильный для меня, Линк. – Голос у нее был хриплый, руками она обвивала его шею, хоть и несмело. – Слишком сильный, и слишком притягательный, и слишком милый, и я на самом деле, действительно обязана тебе жизнью. – Лаская его шею, она глянула на него снизу вверх так, что он весь напрягся: все ее оборонительные порядки выстроены, крепкие и неприступные. «Наверное», – подумал он. – Сначала поговорим, – попросила она, отстраняясь, – а потом, возможно, поцелуемся еще.

– Хорошо, – кивнул он и тут же устремился к ней.

Но она приложила палец к губам, и его надеждам не дано было сбыться.

– Мистер Бартлетт! Американцы все такие?

– Нет, – не задумываясь, ответил он, но ее было непросто сбить с толку.

– Да. Я знаю. – Голос теперь звучал серьезно. – Я знаю. Именно об этом я и хотела поговорить с тобой. Хочешь кофе?

– Да, конечно, – сказал он. И стал ждать, не зная, как быть дальше, оценивая ее, желая, не в силах что-то понять в этой неразберихе, очарованный ситуацией и Орландой.

Она аккуратно налила кофе. Он был такой же вкусный, как и в первый раз. Бартлетт уже овладел собой, хотя сладкая боль не проходила.

– Пойдем в гостиную, – предложила она. – Я принесу твою чашку.

Он поднялся и обнял ее за талию. Она не возражала, и он почувствовал, что ей тоже нравится его прикосновение. Он опустился в одно из глубоких кресел.

– Сядь сюда. – Он похлопал по ручке кресла. – Пожалуйста.

– Потом. Сначала я хочу поговорить. – С чуть застенчивой улыбкой она устроилась на диване напротив. Диван, обитый темно-синим бархатом, подходил к китайскому коврику на сияющем паркетном полу. – Линк, я знакома с тобой всего несколько дней, и я... я не девочка, с которой проводят время. – Произнеся это, Орланда покраснела и продолжала, торопясь предупредить то, что он собирался сказать: – Извини, но я не такая. Квиллан был у меня первым и единственным, и просто интрижка мне не нужна. Мне не хочется безумных или просто приятных «кульбитов» в постели и застенчивых или болезненных расставаний. Я научилась жить без любви, я просто не смогу пройти через все это снова. Я действительно любила Квиллана, а сейчас не люблю. Мне было семнадцать, когда мы... когда у нас это началось, а сейчас два-

дцать пять. Мы врозь почти три года. Три года все уже кончено, и я больше не люблю его. Я не люблю никого, и извини, извини, но я не девочка для развлечений.

– Я никогда не считал тебя такой, – промолвил он, хотя в глубине души признавал, что лжет, и проклинал судьбу за невезение. – За кого ты, черт возьми, меня принимаешь?

– Я принимаю тебя за прекрасного человека, – тут же ответила она со всей искренностью. – Но в Азии девушка – любая девушка – очень быстро понимает, что мужчины думают лишь о постели и что на самом деле это все, что им нужно. Извини, Линк, просто переспать – это не для меня. Может, когда-нибудь это и станет моим, но сейчас это не мое. Да, я евразийка, но я не... ты понимаешь, о чем я говорю?

– Конечно, – ответил он. И добавил, прежде чем смог остановиться: – Ты говоришь: «Вход воспрещен».

Она уже не улыбалась, а лишь неотрывно смотрела на него. От ее грустного вида сердце сжалось.

– Да, – медленно вставая и чуть не плача, проговорила она. – Да, видимо, так и есть.

– Господи, Орланда. – Он подошел к ней и взял за плечи. – Я не это имел в виду. Я не хотел тебя обидеть.

– Линк, я не пытаюсь дразнить тебя, или играть в какие-то игры, или вредни...

– Я понимаю. Черт возьми, я не мальчик, и я не домогаюсь или... я тоже не занимаюсь тем, что ты говоришь.

– О-о, я так рада! На какой-то миг... – Она подняла на него глаза, и от ее невинного взгляда он просто растаял. – Ты не сердись на меня, Линк? Я имею в виду, что я... я ведь не зазывала тебя сюда. Вообще-то, ты сам настоял.

– Я знаю, – проговорил он, обнимая ее и думая: «Это правда, как и то, что я хочу тебя. Не знаю, что ты собой представляешь, кто ты, но хочу тебя. Но что мне нужно от тебя? Что мне действительно нужно? Волшебства? Или просто секса? Волшебство ли ты, что я искал всю жизнь, или еще одна шлюха? Какие у тебя преимущества перед Кейси? Соразмерны ли для меня ее преданность и шелковистость твоей кожи? Помнится, Кейси однажды сказала: „Любовь состоит из многого, Линк. Секс лишь одна из ее составных частей. Лишь одна. Подумай обо всех остальных. О женщине следует судить по тому, как она любит, но нужно и понимать, что такое женщина“». Однако тепло Орланды обволакивало, она прижалась лицом к его груди, и его плоть снова ожила. Он поцеловал ее в шею, не желая сдерживать страсть.

– Какая ты, Орланда?

– Я... я могу лишь сказать, какой не являюсь, – произнесла она своим тоненьким голоском. – Я никогда не пристаю. Я не хочу, чтобы ты подумал, будто я пытаюсь дразнить тебя. Ты мне нравишься, ты мне очень нравишься, но я не... я не девочка на одну ночь.

– Я знаю. Господи, отчего ты так думаешь? – Он увидел, что ее глаза заблестели от слез. – А вот плакать ни к чему. Совсем ни к чему. О'кей?

– Хорошо. – Она отстранилась, открыла сумочку и, достав салфетку, вытерла слезы. – *Айийя*, я веду себя как девчонка, которой нет и двадцати, или как непорочная весталка. Извини, но это получилось так внезапно. Я была не готова к... Я чувствовала, что мне плохо. – Она глубоко вздохнула. – Приношу свои смиренные извинения.

– Не принимается, – усмехнулся он.

– Слава богу! – Она пристально смотрела на него. – Вообще-то, Линк, обычно я без проблем справляюсь и с сильными, и с кроткими, и с хитрыми – даже очень хитрыми. Думаю, мне известны самые разные женские подходы. Сам собой вырабатывается некий план игры, чтобы противостоять им еще до того, как они начнут. Но с тобой... – Подумав, она добавила: – Извини, но с мужчинами почти всегда одно и то же.

– Это плохо?

– Нет, но представь себе: тыходишь в комнату или в ресторан и ощущаешь на себе эти плотоядные взгляды. Я всегда думала: интересно, как бы на моем месте чувствовал себя мужчина? Вот ты молодой и симпатичный. Что бы ты делал, если бы женщины так встречали тебя, куда бы ты ни пошел? Скажем, идешь ты сегодня по холлу «Ви энд Эй» и видишь, как женщины всех возрастов – включая древних бабулек со вставными челюстями, старых мегер в париках, толстых, безобразных и вульгарных, – откровенно пялятся на тебя, раздевают глазами, пытаются подобраться поближе, погладить тебя по заднице, таращатся на твою грудь или ширинку. У большинства дурно пахнет изо рта, от них несет потом и другой какой-то гадостью. И ты знаешь, что они представляют, как ты с готовностью и с удовольствием кувыркаешься с ними в постели.

– Мне бы это совсем не понравилось. Кейси, когда она стала работать со мной, говорила то же самое, но другими словами. Я понимаю, что ты хочешь сказать, Орланда. По крайней мере, могу представить. Но ведь так устроен мир.

– Да, и порой это просто ужасно. О, я не хочу быть мужчиной, Линк. Я очень довольна тем, что я женщина, но иногда это на самом деле просто ужасно. Понимать, что в тебе видят какое-то вместилище, которое можно купить, что после всех этих «удовольствий» ты должна сказать жирному старому развратнику с тошнотворным запахом изо рта: «Большое спасибо», принять свои двадцать долларов и ускользнуть в ночь, как воришка.

– Куда это нас занесло и как? – нахмурился он.

Она засмеялась:

– Ты поцеловал меня.

Он ухмыльнулся, довольный, что им так хорошо вместе.

– Верно. Значит, я, видимо, заслужил лекцию. Признаю себя виновным. Ну а как насчет обещанного поцелуя?.. – Он даже не двинулся с места. Бартлетт зондировал почву, закатывал пробные шары. «Теперь все переменялось. Конечно, я хотел – как она это назвала? – переспать. Ну да. И по-прежнему хочу, даже больше, чем раньше. Но теперь у нас все переменялось. Теперь мы играем в другую игру. Не знаю, хочется ли мне в нее играть. Правила стали другими. Раньше было просто. Теперь, может быть, еще проще». – Ты такая красивая. Я говорил тебе, что ты красивая? – сказал он, стараясь уйти от вопроса, который ей не терпелось обсудить открыто.

– Я хотела поговорить об этом поцелуе. Видишь ли, Линк, честно говоря, я просто не была готова к тому – что уж тут скрывать – к тому, что меня так захлестнуло. Думаю, это самое подходящее слово.

Он дал этому слову повисеть в воздухе.

– Это хорошо или плохо?

– И то и другое. – Она улыбнулась, и у глаз появилась сеточка морщин. – Да, меня захлестнуло мое собственное желание. Вы, мистер Бартлетт, не такой, и это тоже очень плохо – или очень хорошо. Я... я целовалась с наслаждением.

– Я тоже. – Он снова ухмыльнулся, глядя на нее. – Можешь называть меня Линк.

Она помолчала.

– Я никогда не испытывала такого желания, которое захлестывало бы меня всю, и поэтому очень испугалась.

– Не надо бояться, – усмехнулся Бартлетт. А сам раздумывал, как быть. Инстинкты говорили: уходи. Инстинкты говорили: останься. Мудрость предлагала помалкивать и выжидать. Слышно было, как бьется сердце и как стучит в окна дождь. «Лучше уйти», – подумал он.

– Орланда, думаю, что аб...

– У тебя есть время поговорить? Совсем недолго? – спросила она, почувствовав его нерешительность.

– Да. Да, конечно.

Ее пальцы отвели волосы с лица.

– Я хотела рассказать о себе. Мой отец работал у Квиллана в Шанхае. Мне кажется, я знала Квиллана всю жизнь. Он помог оплатить мое образование, в частности в Штатах, и всегда был добр ко мне и моей семье. У меня четыре сестры и брат – я самая старшая, – и они все теперь в Португалии. Когда после окончания колледжа я вернулась из Сан-Франциско в Шанхай, мне было семнадцать, почти восемнадцать, и... Ну, он ведь человек привлекательный, привлекательный для меня, хотя иногда очень жестокий. Очень жестокий.

– Как это проявляется?

– Он верит в личную месть, считает, что мужчина – если он настоящий мужчина – имеет право мстить. В Квиллане очень сильно мужское начало. Он всегда был добр ко мне. И сейчас добр. – Она изучающе посмотрела на него. – Квиллан до сих пор помогает мне деньгами, до сих пор платит за эту квартиру.

– Ты не обязана рассказывать мне это.

– Я знаю. Но мне хотелось бы – если ты готов выслушать. Тогда ты сможешь принять решение.

Он оценивающе посмотрел на нее:

– Хорошо.

– Видишь ли, отчасти это оттого, что я евразийка. Большинство европейцев здесь нас презирает – открыто или тайно, – в частности англичане. Линк, просто выслушай меня до конца. Большинство европейцев презирает евразийцев. Евразийцев презирают все китайцы. Поэтому нам всегда приходится защищаться, нас почти всегда в чем-то подозревают, почти всегда считают, что мы вне закона, что мы – дешевые подстилки. Господи, какое отвратительное американское выражение! Какая это на самом деле гнусность, вульгарщина и дешевка. И как это наглядно характеризует американского мужчину – хотя, как ни странно, именно в Штатах я обрела чувство собственного достоинства и преодолела свой евразийский комплекс вины. Квиллан многому научил меня и во многом сформировал. Я ему признательна. Но я не люблю его. Вот что я хотела сказать. Хочешь еще кофе?

– Да, спасибо.

– Я сварю. – Орланда встала, походка у нее была чувственная, хоть это получалось само собой, ненамеренно, и он снова выругался про себя, кляня судьбу.

– Почему же ты рассталась с ним?

Она с грустным видом рассказала про Макао.

– Я позволила этому парню уложить себя в постель и спала в ней, хотя между нами ничего не было, ничего: бедняга выпил лишнего и ни на что не годился. На следующий день я сказала ему, что он был великолепен. – Это прозвучало спокойно и прозаично, но Бартлетт почувствовал скрытую за внешней невозмутимостью боль. – И все как бы ничего, но кто-то донес Квиллану. Как и следовало ожидать, он был взбешен. А я не нашла что сказать в свою защиту. Это случилось... Квиллан тогда был в отъезде. Я понимаю, это не оправдание, но я уже научилась получать удовольствие в постели и... – По ее лицу пробежала тень. Она пожала плечами. – Джосс. Карма. – Таким же негромким голосом она поведала о мести Квиллана. – Он такой, Линк. Ему было от чего прийти в бешенство, я провинилась.

Под шипение пара стали падать первые капли кофе. Не переставая говорить, она нашла чистые чашки, свежее домашнее печенье и новую накрахмаленную скатерть, но мысли обоих были сосредоточены на любовном треугольнике.

– Я по-прежнему иногда вижусь с ним. Так, поговорить. Мы теперь только друзья, и он относится ко мне хорошо, а я делаю что хочу, встречаюсь с кем хочу. – Она выключила пар и повернулась к нему. – Мы... четыре года назад у нас родился ребенок. Я хотела его, а Квиллан нет. Он сказал, что я могу рожать, но должна сделать это в Англии. Девочка сейчас

в Португалии с моими родителями: отец на пенсии, и она живет с ними. – По щеке у нее скатилась слеза.

– А это он придумал, что ребенок должен оставаться там?

– Да. Но он прав. Раз в год я езжу туда. Родители... моя мать так хотела, чтобы у меня был ребенок, она умоляла оставить его. Квиллан великодушен по отношению к ним тоже. – Слезы уже ручьем катились у нее по лицу, но плакала она беззвучно. – Так что теперь ты знаешь все, Линк. Я никому этого не рассказывала, кроме тебя. Теперь ты знаешь, что я... я не была верной возлюбленной и что я... я никудышная мать...

Он подошел к ней, прижался вплотную и почувствовал, как она тает, стараясь сдерживать всхлипывания, ухватившись за него, вбирая в себя его тепло и силу. Он успокаивал ее, она льнула к нему всем телом, тепло и нежно.

Успокоившись, она встала на цыпочки, поцеловала его – поцелуй был легкий, но удивительно нежный – и посмотрела в глаза.

Он тоже поцеловал ее.

Они смотрели друг на друга, словно пытаясь что-то увидеть, потом поцеловались снова. Страсть нарастала, и казалось, это будет длиться вечно, но, увы, оба почти одновременно услышали, как открывается входная дверь. Они отстранились друг от друга, пытаясь отдышаться и прислушиваясь к биению своих сердец, а из прихожей донесся грубый голос *ама*:

– Вэйй?

Орланда слабым движением пригладила волосы и полупожала плечами, как бы извиняясь.

– Я на кухне, – крикнула она на шанхайском диалекте. – Иди, пожалуйста, в свою комнату и не показывайся, пока я тебя не позову.

– Вот как? А что, этот заморский дьявол еще здесь, да? А продукты? Я тут кое-что принесла!

– Оставь у двери!

– О-хо-хо, хорошо, Молодая Хозяйка. – *Ама* с ворчанием ушла. Дверь за ней с грохотом захлопнулась.

– Они всегда так хлопают дверями? – спросил Линк. Сердце у него еще колотилось.

– Да, похоже, что так. – Ее рука уже опять была у него на плече, а пальцы ласкали ему шею. – Извини.

– Извиняться не за что. Как насчет ужина?

Она задумалась.

– Если ты будешь с Кейси.

– Нет. Только с тобой.

– Линк, я думаю, лучше не стоит. Нам сейчас ничего не грозит. Давай просто попрощаемся.

– Ужин. В восемь. Я заеду за тобой. Выбери ресторан. Шанхайскую кухню.

Она покачала головой:

– Нет. И так уже все слишком стремительно. Извини.

– Я заеду за тобой в восемь. – Бартлетт слегка поцеловал ее и направился к двери. Она сняла с вешалки его плащ и помогла надеть. – Спасибо, – тихо поблагодарил он. – Нам ничего не угрожает, Орланда. Все будет хорошо. До встречи в восемь. О'кей?

– Лучше не стоит.

– Может быть. – Он как-то странно улыбнулся. – Какой уж будет джосс – карма. Про богов забывать нельзя, а? – Она промолчала. – Я буду здесь в восемь.

Она закрыла за ним дверь, медленно подошла к креслу и села в глубоком раздумье, гадая, не отпугнула ли его, и с ужасом допуская, что так оно и есть. Придет ли он в восемь? А если

придет, то как удержать его на расстоянии? Как, играя, довести до того, чтобы от желания он потерял голову? Потерял голову настолько, чтобы жениться на ней.

От тревожных мыслей ее даже подташнивало.

«Нужно спешить. Кейси крепко взяла его в оборот, обвила, как змея своими кольцами. Я могу противопоставить этому лишь хорошую кухню, домашний уют и любовь. Любить, любить и любить, давать ему все, чего не может дать она. И никакой постели. Кейси заполучила его именно таким путем. Я должна действовать так же. И тогда он будет мой».

Орланду охватила слабость. «Все прошло отлично», – решила она. Потом снова вспомнила сказанное однажды Горнтом: «По закону вечности в ловушку брака попадается каждый мужчина. В силу вожделения или жажды кем-то обладать, из-за алчности, ради денег, из страха, по лености – так или иначе, но попадается. И ни один мужчина никогда не женится по своей воле на любовнице».

«Да. Квиллан опять прав. Но он ошибается на мой счет. Меня половина вознаграждения не устроит. Я постараюсь получить все. Я хочу, чтобы у меня был не только „ягуар“ и эта квартира со всем ее содержимым, но и дом в Калифорнии, а самое главное, богатство в Америке, а не в Азии, где я буду уже не евразийка, а просто женщина, не хуже, чем любая другая, – красивая, беззаботная и любящая.

О, я буду ему самой лучшей женой, какая только может быть у мужчины. Я стану прислуживать ему во всем, делать все, что он пожелает. Я ощутила его силу, со мной ему будет хорошо, со мной ему будет чудесно».

– Он ушел? – Бесшумно появившаяся А Фат стала автоматически наводить порядок, болтая по-шанхайски: – Хорошо, очень хорошо. Приготовить чаю? Ты, должно быть, очень устала. Чаю приготовить, *хейя*?

– Нет. Да-да, А Фат, приготовь.

– Чаю приготовить! Работа, работа, работа! – Шаркая ногами, старуха пошла на кухню. Черные мешковатые штаны, белая блузка, волосы, собранные в свисающую на спину длинную косичку. Она ходила за Орландой с самого рождения. – Я его хорошо разглядела внизу, когда вы приехали. Для нецивилизованного человека выглядит вполне прилично, – рассуждала она вслух.

– Вот как? А я тебя не заметила. Где ты была?

– Внизу у лестницы, – хихикнула А Фат. – И-и-и, я постаралась спрятаться получше, но больно мне хотелось взглянуть на него. Ха! Бедные мои старые кости... Посылаешь вот свою бедную старую рабыню на дождь, хотя какая разница, здесь я или нет? А кто подаст сласти и чай или напитки в кровать, когда вы закончите свои труды, *хейя*?

– Ой, замолчи! Замолчи!

– А ты не затыкай рот своей бедной старой Матери! Она знает, как ухаживать за тобой! Ай, Маленькая Императрица, ведь на вас было просто написано, что *ян* и *инь* готовы вступить в битву. А довольные оба, словно коты в бочке рыбы! Но мне-то какая была нужда уходить?

– Заморские дьяволы не такие, А Фат. Я хотела остаться с ним здесь наедине. Заморские дьяволы стеснительные. А теперь приготовь чай и помолчи, не то снова пойдешь на улицу!

– Он будет новым Хозяином? – с надеждой спросила А Фат. – Пора уже тебе занять Хозяина, негоже жить без «дымящегося стебля» у «нефритовых врат». Твои «врата» увянут и станут сухими, как пыль, от заброшенности! Ох, забыла рассказать тебе новости. Их две. Говорят, Вервольфы вроде не здешние, а из Макао; якобы они снова заявят о себе до наступления новой луны. Такая идет молва. Все божатся, что так оно и есть. А другая новость, ну, Старый Ворчун Ток из рыбной лавки говорит, что у этого заморского дьявола из Золотой Горы золота больше, чем у евнуха Дуна! – По легенде, евнух Дун, служивший при императорском дворе

в Запретном городе Пекина¹⁶, питал такую великую страсть к золоту, что утолить ее не мог весь Китай. Его настолько ненавидели в стране, что вступивший на престол император приказал осыпать евнуха всем добытым несправедливыми путями золотом, и слитки задавили Дуна насмерть. – Ты моложе не становишься, Маленькая Матушка! Нам нужно отнестись к этому серьезно. Это будет он?

– Надеюсь, – медленно проговорила Орланда.

«О да», – лихорадочно думала она, чуть не теряя сознание от тревоги и понимая, что Бартлетт – единственный и самый важный шанс, выпавший ей в этой жизни. Она вдруг опять застыла от ужаса при мысли, что переиграла и что он никогда не вернется. И разрыдалась.

Восемью этажами ниже Бартлетт прошел через небольшой вестибюль и, выйдя на улицу, присоединился к очереди из шести человек, нетерпеливо ожидавших такси. Ливень шел уже не переставая, и низвергавшаяся с бетонного выступа вода становилась частью бурлящего потока, который несся маленькой рекой вниз по Коутуолл-роуд, перехлестывая через канавы, через давно забившиеся люки ливневой канализации, увлекая за собой с расположенных выше склонов и откосов камни, грязь и растительность. Поднимая тучи брызг, легковые машины и грузовики с трудом пробирались вверх и вниз по крутой дороге через большие и маленькие лужи, с запотевшими стеклами и повсюду работающими стеклоочистителями.

На другой стороне дороги местность резко повышалась, и там вода ручьями лилась с высоких бетонных конструкций, которые укрепляли склон холма. Из расщелин тянулась трава. Раскисший кусок почвы отвалился, и его понесло вместе с другим мусором, камнями и грязью. С одной стороны к бетонному сооружению примыкал обнесенный стеной гараж, с другой, выше по склону, виднелся наполовину скрытый, затейливо украшенный китайский особняк с зеленой черепичной крышей и драконами на фронтонах. Рядом поднимались строительные леса и копали котлован для многоэтажного дома. Около стройплощадки вырисовывался еще один многоквартирный дом, уходящий в низко нависшие облака.

«Сколько строят, – отметил про себя Бартлетт. – Может, стоит заняться здесь строительством? Когда на такую прорву людей приходится так мало земли, это сулит прибыль, огромную прибыль. И вложения окупаются за три года, подумать только!»

Разбрызгивая лужи, подлетело такси. Одни пассажиры вылезли, другие, ворча, забрались в машину. Вышедшая из дома китайская чета – громогласная матрона, с огромным зонтом, в дорогом плаще поверх *чунсама*, в сопровождении кроткого и тихого мужа – пробралась мимо американца и остальных в начало очереди. «Вот уж хрен тебе, детка! – сказал про себя Бартлетт. – Передо мной тебе проскочить не удастся». И он занял более удобную позицию. Часы показывали 10:35.

«Что дальше? Хватит отвлекаться на Орланду!

„Струанз“ или Горнт?

Сегодня стычка; завтра, в пятницу, день будет непростой; в выходные – перегруппировка сил. В понедельник – последний штурм, к трем часам дня у нас должен выявиться победитель.

Кого бы я хотел видеть победителем? Данросса или Горнта?

Горнту везет – везло, – размышлял он. – Господи, ведь Орланда – это что-то. Расстался бы я с ней на его месте? Конечно. Конечно расстался бы. А может, и нет – ведь ничего не было. Но я женился бы на ней, как только представилась бы такая возможность, и не отослал бы *нашего* ребенка в Португалию – негодный сукин сын этот Горнт. Или чертовски хитрый. Что из двух?

---

¹⁶ Расположенный в центре Пекина Запретный город служил дворцом императорам династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912).

Выложила все напрямик – совсем как Кейси, но по-другому. Хотя результат тот же. Теперь все запутано. Или просто. Что из двух?

Хочу ли я жениться на ней? Нет.

Хочу ли я бросить ее? Нет.

Хочу ли я завлечь ее в постель? Конечно да. Ну так начинай кампанию, и в постель ее без всяких обещаний. Не надо играть по женским правилам, все средства хороши в любви и на войне. Что вообще такое любовь? Это как Кейси говорила, и на сексе все не заканчивается.

Кейси. А с ней как? Ждать ее теперь уже недолго. А потом что: постель, или свадебные колокола, или до свидания? Чтобы я снова женился – да будь я проклят! Мы уже это проходили, и так все паршиво получилось. Странная вещь, как долго я уже не вспоминал о *ней*.

Когда в сорок пятом Бартлетт вернулся с Тихого океана, он встретил ее в Сан-Диего, через неделю женился и, полный любви и амбициозных планов, с головой окунулся в начало строительного бизнеса на юге Калифорнии. Момент для этого подобрался удачный, строительная индустрия шла в гору. Через десять месяцев появился первый ребенок, через год – еще один, а еще через десять месяцев – третий; и все это время он работал без выходных, с удовольствием; он был молод, полон сил и добивался больших успехов, но с женой они потихоньку отдалялись. Потом пошли ссоры, нытье и все эти «ты совсем не бываешь с нами», «пошел он, этот бизнес», «мне наплевать на этот бизнес, я хочу во Францию и в Рим», и «почему ты не приходишь домой пораньше», «ты что, девицу завел», «я знаю, у тебя есть девица...».

Но никакой девицы не было, была лишь работа. А потом, в один прекрасный день, письмо от адвоката. Вот так, по почте.

«Черт, – досадовал Бартлетт, – так и не проходит эта боль. Но ведь я лишь один из миллионов, такое случалось и будет случаться. И тем не менее *тебе* письмо или звонок по телефону приносит боль. Приносит боль и приносит расходы. Расходы немаленькие, и большую часть получают адвокаты, получают значительную часть и умело раздувают вражду между нами, чтобы заработать на этом, черт побери. Еще бы. Они живут за твой счет, живут за счет всех нас. От колыбели и до, черт возьми, могилы адвокаты раздувают ссоры и кормятся на пролитой тобой крови. Проклятье. Адвокаты – просто чума для добрых старых „Соединенных Штатов А“. За всю жизнь встретил лишь четырех хороших, а остальные? Паразитируют на нас. И никому от этого не уйти!

Да. Этот ублюдок Стоун! Такой куш на мне сорвал, сделал из нее сущую фурию, навсегда настроил против меня и ее, и детей. Я из-за него чуть не разорился и едва не потерял бизнес. Чтоб тебе гнить целую вечность, урод!»

Бартлетту стоило немалых усилий оторваться от этой саднящей, зияющей раны. Дождь напомнил ему, что все свелось к денежным потерям, что он свободен, и это ощущение свободы восхитительно.

«Господи! Я свободен, и есть Кейси и Орланда.

Орланда.

Господи, – думал он (боль от неудовлетворенного желания так и не прошла), – как же мне этого хотелось. И Орланде тоже. Черт побери, с Кейси все плохо, а тут еще и с другой такая же история».

Он не был с женщиной уже месяца два. Последний раз это произошло в Лондоне – случайное знакомство, ужин вместе, потом постель. Она жила в том же отеле. Разведенная, никаких проблем. «Как это выразилась Орланда? Приятно покувыркались и застенчиво расстались? Да. Так оно и вышло. Только та штучка застенчивой не была».

Он стоял в очереди с ощущением счастья и необычайного прилива сил, смотрел на потоки воды и вдыхал поднимающийся от земли запах дождя. По дороге, усеянной камнями и шматками грязи, несся поток, который переливался через длинную и широкую трещину в асфальте, чтобы взметнуться вверх, как на речных порогах.

«Этот дождь принесет немало хлопот, – думал он. – И с Орландой, кореш, хлопот не оберешься. Это уж как пить дать. Но должен же быть какой-то способ затащить ее в постель. Что в ней такого, от чего голова идет кругом? Ну, отчасти лицо, отчасти фигура, отчасти взгляд, отчасти... Господи, да взгляни ты правде в глаза: она на сто процентов женщина и на сто процентов – беда. Лучше забудь про Орланду. Будь мудрее, будь мудрее, старик. Кейси была права: эта шлюха просто динамит!»

Глава 43

10:50

Дождь шел уже почти двенадцать часов, и вся земля в колонии пропиталась влагой, хотя резервуары для дождевой воды оставались почти пустыми. Потрескавшаяся почва жадно принимала дар небес. Большая часть выпавших осадков стекала с затвердевшей от жары поверхности, превращая грунтовые дороги в трясину, а строительные площадки – в озера. Часть воды просочилась глубоко в грунт. Для разбросанных по склонам холмов поселков переселенцев это обернулось настоящей бедой.

Сооруженные из подручного материала – картона, досок, гофрированного металла, штакетника, брезента, – с трехслойными стенами и крышами у тех, кто побогаче, шаткие жилища лепились друг к другу, вырастали одно на другом, ряд за рядом, вниз и вверх по холмам. Вода залила земляные полы и темные проулки, где было полно отбросов, огромных луж и вымоин, и ходить там стало просто опасно. Дождь сочился через крыши, и мокло постельное белье, одежда и все остальное, скопленное за жизнь, но люди, которые теснились в своих лачугах, зажатых среди других халуп, лишь стойчески пожимали плечами и ждали, когда дождь кончится. Строили эти бидонвили как попало, без всякого плана, с единственным намерением втиснуть в крохотный кусочек пространства еще одну семью беженцев или нелегальных переселенцев, которые в действительности не были здесь чужими, потому что здесь был Китай. Стоило любому китайцу пересечь границу, как он в соответствии со старинным указом правительства Гонконга становился легальным поселенцем и мог оставаться в Благоухающей Гавани сколь угодно долго.

Преимуществом колонии всегда был избыток дешевой и безропотной рабочей силы. Потому что в обмен на предоставление постоянного убежища от поселенцев требовали одного – мирного труда по действующим на данный момент расценкам. В Гонконг никогда не зазывали иммигрантов – люди всегда приходили из Китая сами. Они прибывали сюда и днем и ночью, по воде, пешком, на носилках. Границу переходили каждый раз, когда в Китае случался голод или какое-нибудь потрясение, переходили целыми семьями – мужчины, женщины, дети, – переходили на время, чтобы рано или поздно вернуться домой, потому что Китай всегда оставался домом, даже через десять поколений.

Однако не всегда беженцы считались желанными гостями. В прошлом году наплыв людей просто захлестнул колонию. По какой-то до сих пор не выясненной причине и без предупреждения пограничники КНР ослабили жесткий контроль, и целую неделю люди шли через границу тысячами. Они беспрепятственно перебирались, в основном ночью, через поставленное для вида ограждение из шести полос колючей проволоки в один ряд, разделявшее Новые Территории и соседнюю китайскую провинцию Гуандун.

Полиция была бессильна противостоять людскому валу. На помощь пришлось призвать военных. В мае за одну ночь арестовали почти шесть тысяч человек из этого полчища нелегалов. Их накормили и на следующий день отправили обратно через границу. Однако многие тысячи сумели проскользнуть через раскинутую на рубеже сеть и стать законными гражданами.

Эта катастрофа продолжалась ночь за ночью, день за днем. Счет вновь прибывшим уже шел на десятки тысяч. Вскоре на границе появились толпы обозленных, сочувствующих китайцев, которые пытались помешать депортации.

Депортация была мерой вынужденной, потому что нелегалы просто погребли под собой колонию. Не представлялось никакой возможности прокормить их, дать крышу над головой

и принять, так резко увеличилось население. Ведь требовалось заботиться и о тех четырех с лишним миллионах жителей, которые, за небольшим исключением, тоже когда-то были нелегалами.

Потом людская река иссякла так же внезапно, как и нахлынула. Границу закрыли. Опять без какой-либо видимой причины.

В течение шести недель было арестовано и отправлено обратно в Китай почти семьдесят тысяч человек. От ста до двухсот тысяч – точной цифры никто не знал – избежали ареста и остались. В их числе были и дед с бабкой Очкарика У, а также четверо его дядьев с семьями – всего семнадцать душ. С тех пор они жили в поселке переселенцев высоко над Абердином. Очкарик У все для них устроил.

Это был один из участков земли, которыми с самого начала владел Благородный Дом Чэнь и которые до последнего времени считались бросовыми. Теперь они обрели ценность. Семья Чэнь сдавала эту землю в аренду, фут за футом, всем желающим.

Очкарик У с радостью арендовал клочок земли двадцать на двенадцать футов¹⁷ по цене один гонконгский доллар за фут в месяц и все это время помогал родне собирать строительный материал для двух домиков, в которых до дождя было сухо.

В городке поселенцев на сто семей приходился один водопроводный кран, не было ни канализации, ни электричества, тем не менее бидонвиль разрастался и по большей части там царил порядок.

Один из дядьев уже организовал небольшое производство по изготовлению пластиковых цветов в расположенной ниже по склону лачуге, которую снимал за полтора гонконгских доллара в месяц. Другой арендовал ларек на рынке и торговал пряными рисовыми пирожками и рисом, сваренным по обычаю родной деревни Нинток.

При деле были все семнадцать человек – теперь, с родившимся на прошлой неделе младенцем, приходилось кормить уже восемнадцать ртов. Нехитрые задания поручали даже двухлетним малышам: они сортировали пластиковые лепестки для цветов, которые делали молодежь и старики. Этим поселенцы зарабатывали себе на еду и азартные игры.

«Да помогут мне все боги получить хоть часть вознаграждения за поимку Вервольфов, – обращал к небу свое страстное желание Очкарик У. – Вот бы поспеть к скачкам в субботу. Я бы поставил на Пайлот Фиша. Все знамения свидетельствуют, что этот вороной жеребец наверняка выиграет».

подавив зевок, он побрел босиком дальше по узкому извилистому проулку. Рядом шагала его шестилетняя племянница, тоже босая. От дождя стекла очков У постоянно запотевали. Оба ступали осторожно, чтобы не напороться на валявшиеся повсюду осколки стекла и ржавые обрезки металла. Иногда приходилось идти по щиколотку в жидкой грязи. Штанины у обоих были закатаны, а девочка в своей соломенной шляпе казалась совсем крошечной. У был в гражданском платье с чужого плеча, порядком поношенном. Единственные свои туфли он нес в пластиковом пакете под дождевиком, чтобы не промочить. Перешагнув через опасную вымоину, Очкарик чуть не потерял равновесие.

– Эти их, все эти случайности, – выругался он.

«Слава богам, что я живу не здесь, а возле полицейского участка в Восточном Абердине. Снимаю комнатку на двоих с матерью. Там сухо, и мы не зависим от причуд богов погоды, как здешние бедолаги. И слава всем богам, что мне не нужно каждый день проделывать такое путешествие. От моей одежды просто ничего бы не осталось, и тогда прости Эс-ай! Там любят опрятных и пунктуальных. О боги, пусть настанет этот великий день!»

Навалилась усталость. Втянув голову в плечи, Очкарик чувствовал, как по шее скатываются капельки дождя. Всю ночь он провел на дежурстве. А когда рано утром уходил, ему ска-

---

¹⁷ 6,2 × 3,72 м.

зали, что намечается облава на квартиру старой *ама* А Там, которая связана с Вервольфами и которую он нашел и выследил. «Значит, – сказал он себе, – нужно поторапливаться. Вот навещу деда – что-то старик расхворался, не сегодня завтра помрет – и сразу назад».

Он бросил взгляд на часы. Времени еще вполне достаточно, чтобы пройти мило до участка. Успокоившись, он зашагал дальше, обогнул кучу мусора и оказался в проулке побольше, который шел вдоль стока ливневой канализации. Этот сток глубиной пять футов обычно использовали, чтобы спускать туда нечистоты или стирать белье и мыть посуду – в зависимости от уровня воды в нем. Сейчас он был переполнен, и бурлящий поток не обещал ничего хорошего тем, кто жил ниже.

– Будь осторожна, Пятая Племянница, – сказал У.

– Хорошо. О да, Шестой Дядя. Можно я дойду до конца? – спросила счастливая малышка.

– Только до киоска со сладостями. Смотри, осторожнее! Вон еще кусок стекла!

– Досточтимый Дедушка умрет?

– Это решать богам. Время умирать назначают боги, а не мы. Чего же нам беспокоиться, *хейя*?

– Да, – с важным видом согласилась она. – Да, боги есть боги.

«Да оберегают все боги Досточтимого Деда и уладят остаток жизни его, – помолился он, а потом добавил на всякий случай: – Слава Матери Божией Марии и Иосифу, благословен будь старый Дед. Кто знает, есть ли христианский Бог и существуют ли даже настоящие боги? – думал он. – Лучше по возможности умиловить их всех. Это ничего не стоит. Возможно, они помогут. А может, они спят или ушли пообедать, но тут уж ничего не поделаешь. Жизнь есть жизнь, боги есть боги, деньги есть деньги, законы нужно выполнять, и сегодня мне нужно держать ухо востро».

Вчера вечером он выезжал с главным сержантом Моком и Змеей. Его в первый раз взяли в один из их особых рейдов. Они наведались в три игорных притона, но, что интересно, оставили без внимания пять еще более процветающих, хотя те располагались на том же этаже того же многоквартирного дома. Очкарик даже слышал стук фишек для мацзяна и возгласы крупье при игре в фань-тань.

«*Цзю ни ло мо*, вот бы мне часть этого отката, – сказал он про себя, а потом добавил: – Отступись, сатана! Гораздо больше я хочу оказаться в особой разведслужбе. Тогда у меня будет надежная, важная работа на всю жизнь. Я получу доступ к разным секретам, которые послужат мне защитой, а потом, когда я выйду на пенсию, позволят разбогатеть».

Они повернули за угол и дошли до киоска со сладостями. Минуту-другую У торговался с пожилой беззубой женщиной, потом уплатил два медяка, и продавщица вручила девчужке сладкий рисовый пирожок и завернутую в газетный кулек добрую щепотку мелко нарезанных и высушенных на солнце горько-сладких и пряных апельсиновых корочек, которые так вкусно жевать.

– Спасибо тебе, Шестой Дядя. – Малышка улыбнулась ему во весь рот из-под своей шляпы.

– Надеюсь, тебе понравится, Пятая Племянница, – ответил он с любовью, радуясь, что она такая хорошенькая.

«Если боги смиростивятся к нам, она вырастет очень красивой, – довольно думал он. – Тогда мы сможем продать ее девственность за большие деньги и она послужит на благо семьи».

Очкарик У был очень горд тем, что смог так много сделать для своих родственников, когда они нуждались в помощи.

«Все устроены и сыты. К тому же с процентов от мастерской Девятого Дяди, насчет которых я терпеливо вел такие трудные переговоры, можно будет, если повезет, через год-два вносить арендную плату и бесплатно есть три раза в неделю добрый вареный рис по-нинтокски.

Это поможет пополнить мой бюджет, избавив от необходимости брать откат. Получать его нетрудно, но он может поставить крест на моем будущем.

Нет. Пусть все боги будут свидетелями! Я не стану брать откат, пока есть шанс попасть в Эс-ай. Однако до чего неразумно платить нам так мало. Как мне, например: триста двадцать гонгонгских долларов после двух лет службы. *Айийя*, варваров просто невозможно понять!»

– Ну, давай беги, а я буду завтра, – сказал он. – Смотри будь осторожна по дороге.

– О да!

Он наклонился, и девочка обняла его. У тоже обнял малышку и ушел. Девочка направилась вверх по склону холма, засунув часть рисового пирожка в рот. Он был клейкий и приторный, но такой вкусный.

Дождь лил и лил, ничуть не ослабевая. Вода из переполненного стока выносила к попадавшимся на ее пути лачугам обломки и мусор, но девчушка двигалась вверх осторожно, завороченно обходя стороной поток. Порой на пути воды встречались углубления, а там, где склон поднимался покруче, она бурлила, как река на перекатах. Неожиданно вода вынесла прямо на девочку пятигаллоновую бочку с острыми зубринами, которая промчалась всего в нескольких дюймах от ребенка и, врезавшись в картонную стену, пробила ее насквозь.

Девочка в испуге застыла на месте.

– Проваливай, здесь красть нечего! – донесся голос разъяренного жильца. – Ступай домой! Нечего здесь делать. Ступай домой!

– Да... да.

Она попыталась прибавить шаг, хотя забираться в гору стало труднее. В это время чуть ниже по склону земля подалась, и начался оползень. Сотни тонн жидкой грязи, камней и земли ухнули вниз, заваливая все на своем пути. В считанные секунды вся эта масса сдвинулась на пятьдесят или больше ярдов¹⁸, разметав хлипкие строения, разбросав мужчин, женщин, детей, кого-то похоронив, кого-то изувечив и оставив там, где был поселок, сочащуюся грязью просеку.

Потом оползень остановился. Так же внезапно, как и начался.

На склоне холма воцарилось мертвое безмолвие, которое нарушали лишь звуки дождя. И вдруг тишины не стало. Послышались крики, мольбы о помощи. К ним добавились вопли выскочивших из не тронутых оползнем хижин мужчин, женщин и детей, которые благословляли богов за то, что остались живы. Друзья помогали друзьям, соседи – соседям, матери искали детей, дети – родителей, но подавляющее большинство стоявших поблизости под дождем лишь благодарили судьбу за то, что оползень обошел их стороной.

Девчушка застыла на краю внезапно разверзшейся пропасти. Она смотрела вниз и не верила глазам. Там, где в одиннадцать футов от нее несколько мгновений тому назад была твердая земля, из жидкой грязи острыми клыками торчали камни, там притаилась смерть. Край обрыва осыпался, в пропасть вместе с водой из ливневки рушились небольшие лавины грязи и камней. Она почувствовала, что ноги соскальзывают, и нерешительно шагнула назад, но тут пришел в движение еще один пласт земли, и она замерла в ужасе, крепко зажав ручонками остатки рисового пирожка. В попытке удержать равновесие пальцы ног глубоко ушли в мягкую почву.

– Не двигайся, – посоветовал какой-то старик.

– Отойди от края! – крикнул другой.

Остальные лишь смотрели и, затаив дыхание, ждали, какое решение примут боги.

И тут земляной карниз шириной десять футов рухнул и повалился в пропасть, увлекая за собой и девочку. Ее засыпало немного. Лишь по колени. Она убедилась, что рисовый пирожок в целостности и сохранности, а потом расплакалась.

---

¹⁸ Около 50 м.

Глава 44

11:30

Машина суперинтендента Армстронга, направлявшаяся к полицейскому участку Восточного Абердина, пробиралась через толкущиеся толпы обозленных людей, которые заняли даже проезжую часть около банка «Хо-Пак». Такие же толпы в этом районе запрудили улицы, где были расположены все другие банки – и крупные, и мелкие, – толпа собралась даже у банка «Виктория» через дорогу от «Хо-Пак». Все с нетерпением ждали, когда смогут войти и забрать свои деньги.

Настроение везде было взрывоопасное, а от проливного дождя напряжение только возрастало. У заграждений, поставленных, чтобы упорядочить вход в банки и выход из них, дежурили многочисленные – по двадцать на каждую тысячу человек – полицейские, такие же озабоченные и раздраженные. Оружия у них не было, только дубинки.

– Слава богу, что дождь, – пробормотал Армстронг.

– Что вы сказали, сэр? – Голос водителя заглушался раздражающим скрипом неотрегулированных стеклоочистителей.

Армстронг повторил громче и добавил:

– Будь сейчас жара и высокая влажность, в этом чертовом местечке уже началось бы вооруженное восстание. Этот дождь просто послан Богом.

– Да, сэр. Так оно и есть.

Через некоторое время машина остановилась у полицейского участка. Армстронг поспешил внутрь. Старший инспектор С. С. Смит поджидал его. Левая рука у Змеи была на перевязи.

– Прошу прощения, что так долго, – извинился Армстронг. – Везде, черт возьми, пробки на целые мили.

– Ничего страшного. Извини, старина, но народу у меня не хватает. Помогают из Западного Абердина и Сентрал, но у них тоже проблемы. Проклятые банки! Нам для поддержки придется обойтись одним полицейским – он уже там на случай, если мы вспугнем кого-то из преступников, – и остаемся только одни мы и Очкарик У. – Смит изложил Армстронгу свой план.

– Прекрасно.

– Ну так что, пойдём? Не хочется отлучаться надолго.

– Конечно. На улицах, похоже, довольно опасно.

– Будем надеяться, этот чертов дождь не кончится, пока банки не закроются или не выплатят все до последнего пенни. Ты сам-то уже ликвиден?

– Шутишь! У меня там такие гроши, что какая разница? – Армстронг потянулся: болела спина. – А Там у себя?

– Насколько нам известно. Работает она на семью Чжун. Глава семьи – мусорщик. Там может оказаться и один из преступников, так что нужно войти очень быстро. У меня есть разрешение комиссара иметь с собой револьвер. Тебе нужен?

– Нет. Нет, спасибо. Ну что, пойдём?

Смит был ниже Армстронга ростом, но хорошо сложен, и форма ему шла. Он взял свой плащ – из-за руки это у него получилось неловко – и шагнул к выходу, но вдруг остановился.

– Черт, забыл! Извини, звонили из Эс-ай, Брайан Квок. Позвони ему, пожалуйста. Можешь из моего кабинета.

– Спасибо. Кофе у тебя там нет? Я бы от чашечки не отказался.

– Сейчас будет.

Кабинет был аккуратно прибранный, в строгом деловом стиле, ничем не примечательный, хотя Армстронг обратил внимание на дорогие стулья, письменный стол, радиоприемник и другие вещи.

– Подарки от благодарных клиентов, – беззаботно произнес Смит. – Я оставлю тебя на пару минут.

Армстронг кивнул и набрал номер.

– Да, Брайан?

– О, привет, Роберт! Как у тебя? Старик говорит, что ты должен доставить ее в Главное управление, а не проводить расследование в Восточном Абердине.

– Хорошо. Мы как раз сейчас выходим. В Главное управление, говоришь? А в чем причина?

– Не сказал, но он сегодня в хорошем настроении. Похоже, нынче вечером у нас будет «шестнадцать дробь два».

Интерес Армстронга обострился. «Шестнадцать дробь два» на языке Эс-ай значило, что раскрыт агент или агенты противника и будет произведен арест.

– Это имеет какое-то отношение к нашей проблеме? – осторожно спросил Армстронг, имея в виду «Севрин».

– Возможно. – Пауза. – Помнишь, что я говорил о нашем лазутчике? Я убежден больше, чем когда-либо, что был прав. – Брайан Квок перешел на кантонский, используя на случай, если его подслушивают, туманные выражения и косвенные намеки.

Армстронг слушал с растущим беспокойством: его лучший друг рассказывал об имевшей место на ипподроме продолжительной встрече Кросса и Суслева.

– Но это еще ничего не значит. Кросс знаком с этим типом. С ним даже я пил пару раз, пытаюсь что-нибудь вывести.

– Возможно. Но если лазутчик – Кросс, было бы вполне в его духе обмениваться информацией у всех на виду. *Хейя?*

От тревожного предчувствия Армстронга стало подташнивать.

– Сейчас не время, дружище, – проговорил он. – Потолкуем, как только я приеду в Главное управление. Может, побеседуем за ланчем.

Последовала еще одна пауза.

– Старик хочет, чтобы ты явился к нему, как только доставишь эту *ама*.

– Хорошо. До скорого.

Армстронг положил трубку. Вернулся Смит и задумчиво вручил ему чашку кофе.

– Плохие новости?

– Ничего, кроме неприятностей, черт возьми, – буркнул Армстронг, отхлебывая кофе. Чашка была из прекрасного фарфора, а кофе свежий, дорогой и очень вкусный. – Хороший кофе! Очень хороший. Кросс хочет, чтобы я доставил ее не сюда, а прямо в Главное управление.

У Смита взлетели вверх брови.

– Господи, что такого особенного в старой карге? – резко спросил он. – Она на моей территории...

– Откуда мне знать? Ведь не я же даю эти... – Здоровяк погасил свою вспышку. – Извини, последние несколько дней почти не спал. Я эти указания не даю. Кросс велел привезти ее в Главное управление. Никаких объяснений. Он может отменить чьи угодно указания. Полномочия Эс-ай превышают любые другие. Ты же знаешь, как это делается!

– Бесцеремонный ублюдок! – Смит допил свой кофе. – Слава богу, я не в Эс-ай. Я бы не смог иметь с этим типом дело каждый день.

– Я тоже не в Эс-ай, но он по-прежнему мне докучает.

– Это не насчет лазутчика?

Армстронг поднял на него глаза:

– Какого лазутчика?

Смит рассмеялся:

– Да ладно тебе, ради бога! Среди Драконов прошел слух, что нашим бесстрашным предводителям дали задание найти этого типа, и очень быстро. Похоже, сам министр устраивает губернатору разносы! В Лондоне все в такой ярости, что присылают сюда главу Эм-ай-6. Полагаю, ты знаешь, что Синдерс прибывает завтра рейсом «Бритиш оверсиз».

Армстронг вздохнул:

– Откуда, черт возьми, они получают всю эту информацию?

– От телефонных операторов, *ама*, уборщиков улиц – не все ли равно. Но что мне известно наверняка, парень, так это то, что по крайней мере один из них знает все. Ты знаком с Синдерсом?

– Нет, никогда не встречался с ним. – Армстронг прилебывал кофе, наслаждаясь отменным вкусом, крепким, приятным ароматом, который придавал сил. – Если они все знают, то кто же лазутчик?

Смит помолчал.

– Такого рода информация будет стоить недешево. Могу я спросить сколько?

– Да. Спроси. – Армстронг поставил чашку. – Тебя ведь этот лазутчик не беспокоит, верно?

– Нет, ничуть. Я выполняю свою работу, благодарю покорно. В мои обязанности не входит беспокоиться о лазутчиках или пытаться ловить их. Как только вы уличите и схватите этого типа, вместо него завербуют или поставят другого. И мы поступим с ними так же, кто бы эти *они* ни были. Если бы не вся эта проклятая суматоха вокруг «Хо-Пак», мой участок был бы лучшим, а Восточный Абердин – самым спокойным местом в колонии. И это все, что меня заботит. – Смит вынул дорогой золотой портсигар и предложил сигарету: – Закуришь?

– Нет, спасибо, бросил.

– Молодец. Нет, если меня не будут трогать те четыре года, что остались до пенсии, я сочту, что все в этом мире замечательно. – Он закурил, щелкнув золотой зажигалкой, и Армстронг возненавидел его чуть больше. – Кстати, я считаю, с твоей стороны глупо не брать конверт, который каждый месяц оставляют у тебя в столе.

– Ты и сейчас так считаешь? – Лицо Армстронга напряглось.

– Да. Для этого тебе ничего не нужно делать. Абсолютно ничего. Гарантия.

– Но если хоть раз возьмешь, дело твое дрянь.

– Нет. Здесь Китай, здесь все по-другому. – Взгляд голубых глаз Смита тоже стал жестче. – И ты это знаешь лучше меня.

– Это попросил сказать мне один из твоих «друзей»?

Смит пожал плечами:

– Я слышал еще одну вещь. Твоя доля в вознаграждении Драконов за Джона Чэня составляет сорок тысяч гонконгских долларов и...

– Это не я нашел его! – не проговорил, а проскрежетал Армстронг.

– Даже если так, сегодня вечером в твоем столе будет лежать конверт. Вот что мне довелось узнать, старина. Это, конечно, всего лишь слухи.

Мозг Армстронга анализировал полученную информацию. Суммы в сорок тысяч гонконгских долларов как раз хватило бы, чтобы выплатить не терпящий отлагательства давнишний долг, который нужно было вернуть к понедельнику, его проигрыш на фондовой бирже. «Ну, вообще-то, старина, нужно заплатить. Уже прошло больше года, и у нас, вообще-то, правила. Я на тебя не давя, но мне действительно нужно закрыть этот вопрос...»

«Смит опять прав, – без горечи подумал Армстронг. – Эти ублюдки знают все и без труда могли выяснить, сколько у меня долгов. Так что, брать или не брать?»

– Всего сорок? – криво улыбнулся он.

– Насколько я понимаю, этого достаточно, чтобы решить твою самую насущную проблему, – процедил Смит, глядя на него теми же колючими глазами. – Так ведь?

Армстронг не сердился на Змею за такую осведомленность.

«Я о нем знаю не меньше, хотя мне и неизвестно, сколько у него денег и где они спрятаны. Но ведь это без труда можно выяснить, расколоть его, если захочется. Запросто».

– Спасибо за кофе. Давно такого не пил. Пойдем?

Смит неуклюже накинул форменный дождевик поверх ловко пригнутой формы, поправил поудобнее руку на перевязи, надел фуражку, как обычно под лихим углом, и пошел первым. По дороге Армстронг предложил У рассказать о том, что произошло, и что говорил юнец, заявивший, будто он один из Вервольфов, и что наплела старая *ама*.

– Очень хорошо, У, – одобрил Армстронг, когда молодой человек закончил рассказ. – Наблюдение и расследование проведены отлично. Отлично. Главный инспектор Смит говорит, что ты хочешь служить в Эс-ай?

– Да, сэр.

– Почему?

– Это важный участок, важная часть особого подразделения, сэр. Меня всегда занимала служба безопасности и то, как колония оберегается от врагов. Я думаю, это очень интересно и важно. Мне хотелось бы по мере сил внести свой вклад, сэр.

На какой-то миг их слух сосредоточился на отдаленном завывании пожарных сирен, доносившихся сверху, с холма.

– Еще один тупой ублюдок, наверное, опрокинул печку, – мрачно прокомментировал Смит. – Господи, слава богу, что идет дождь!

– Да, – согласился Армстронг, а потом добавил, обращаясь к У: – Если все окажется именно так, как прозвучало в твоём докладе, я замолвлю за тебя слово в Эс-би или Эс-ай.

Очкарик У не смог сдержать широкой улыбки.

– Да, сэр, благодарю вас, сэр. А Там действительно из моей деревни. Да, сэр.

Они свернули в нужный переулок. На них из-под зонтов и брезентовых навесов с угрюмой подозрительностью таращились толпы покупателей, владельцев ларьков и лавок: Смит был *гуйлао*, которого в Абердине все знали и боялись.

– Вот здесь, сэр, – шепнул У.

Следуя уговору, Смит как ни в чем не бывало остановился у ларька возле входа, якобы для того, чтобы глянуть на овощи, и хозяин палатки тут же пришел в ужас. Армстронг с У прошли мимо входа, потом резко повернули, и уже вместе все трое быстро поднялись по ступенькам. Двое полицейских в форме, которые следовали за ними на безопасном расстоянии, материализовались будто из воздуха и блокировали вход. Как только он оказался под контролем, один из копов быстро проследовал по узкому проулку к задней части дома, убедился, что агент в штатском, охранявший там единственный выход, на месте, и рванул назад на помощь немногочисленным стражам порядка, что охраняли заграждения перед банком «Виктория».

Внутри многоквартирный дом был таким же блеклым и грязным, как снаружи, на каждой площадке валялся мусор. Шедший впереди Смит остановился на площадке третьего этажа, расстегнул кобуру револьвера и отступил в сторону. Армстронг, ни минуты не колеблясь, навалился на хлипкую дверь и, сломав замок, быстро вошел. Смит тут же последовал за ним, а нервничавший У остался сторожить дверь. В сереньком помещении с потертыми диванами, ветхими стульями и засаленными шторами висел сладковато-кислый запах опиума и растительного масла для жарки. Плотная сложенная матрона среднего возраста устала на них, раскрыв рот и уронив газету. Полицейские стали проверять другие помещения. Открыв одну из дверей, Смит обнаружил обшарпанную спальню, за следующей дверью был грязный унитаз и ванна, за третьей – еще одна спальня, куда каким-то чудом втиснули четыре кровати, теперь

неубранные. Последнюю дверь распахнул Армстронг. В загроможденной и грязной крошечной кухне А Там склонилась над грудой белья, которое стирала в засаленной раковине. Она подняла на полицейского недоуменный взгляд. За ней виднелась еще одна дверь. Армстронг тут же протиснулся мимо А Там и рывком открыл дверь. Никого. Это была скорее кладовая, чем комната: без окон, с прорезанной в стене вентиляционной отдушиной, и места там хватало лишь для небольшой пружинной кровати без матраса и ломаного комода.

Армстронг прошел назад в гостиную. А Там шаркала за ним. Дышал он ровно, и сердце успокаивалось. Все это заняло считанные секунды, тем временем Смит вынул документы и мило проговорил:

– Извините, что потревожили, мадам, но у нас ордер на обыск.

– *Што?*

– Переводи, У, – приказал Смит, и юный констебль повторил сказанное, начав, как было условлено, играть роль переводчика при двух тупых полицейских-*гуйлао*, не говорящих по-кантонски.

У женщины отвисла челюсть.

– Обыск! – взвизгнула она. – Какой обыск? Мы люди законопослушные. Мой муж – правительственный служащий. У него есть важные друзья. А если вы ищете место, где обучают азартным играм, то мы здесь ни при чем. Это на четвертом этаже, в заднем углу. И мы ничего не знаем о вонючих шлюхах из шестнадцатой, что устроили там целое заведение и вкалывают день и ночь, а из-за них мы, циви...

– Довольно! – резко оборвал ее У. – Мы из полиции, и у нас важные дела. Эти господа из полиции – очень важные люди! Ты жена мусорщика Чжуна?

– Да, – угрюмо подтвердила она. – Что вам от нас нужно? Мы не сделали ниче...

– Хватит! – рявкнул по-английски Армстронг с нарочитой надменностью. – Это А Там?

– Эй, ты! Ты А Там?

– А, я? *Што?* – Старая ама нервно теребила подол фартука. У она не узнала.

– Значит, ты А Там! Ты арестована.

А Там побелела, а ее хозяйка, дама среднего возраста, выругавшись, тут же сказала:

– А, значит, они по твою душу! Ха, мы про нее и знать ничего не знаем. Несколько месяцев назад подобрали на улице, дали ей кров и зара...

– У, скажи, чтобы она заткнулась!

Тот перевел, не выбирая выражений. Мусорщица повиновалась с еще более угрюмым видом.

– Эти господа хотят знать, есть ли здесь кто-нибудь еще.

– Конечно нет! Они что, слепые? Сами ведь ворвались в мою квартиру, словно душегубы какие, и сами все осмотрели, – огрызнулась хозяйка. – А я ничего не знаю и знать не хочу.

– А Там! Эти господа спрашивают, где твоя комната.

Ама пришла в себя, и у нее прорезался голос:

– Что вы от меня хотите, Досточтимый Полицейский? Я ни в чем не виновата. Живу здесь на законных основаниях, у меня бумаги с прошлого года. Я ни в чем не виновата. Я человек законопослушный и цивилизованный и работала всю жи...

– Где твоя комната?

– Там, – показала хозяйка и добавила раздражающе визгливым голосом: – Где еще может быть ее комната? Конечно там, рядом с кухней! Совсем у этих заморских дьяволов соображения нету! Где еще могут жить слуги? А ты, тварь старая! Навлекать беду на честных людей! Что она такое сотворила? Если овощи воровала, я тут ни при чем!

– А ну уймись, или мы сейчас отвезем тебя в Главное управление и судья точно решит, что тебя нужно держать под арестом! Уймись!

Мусорщица начала было ругаться, но прикусила язык.

– Ну так и что... – проговорил Армстронг.

Тут он заметил, что в комнату заглядывают с площадки несколько любопытных китайцев. Суперинтендент тоже уставился на них, а потом вдруг сделал шаг в их сторону. Зевак как ветром сдуло. Он закрыл дверь, скрывая удовольствие.

– Теперь спроси у обеих, что им известно про Вервольфов.

Хозяйка уставилась на У, разинув рот. А Там посерела еще больше.

– Кому, мне? Про Вервольфов? Ничего! Почему я должна что-то знать об этих паршивых похитителях? Какое они имеют ко мне отношение? Ничего, абсолютно ничего!

– А тебе, А Там?

– Мне? Абсолютно ничего, – проворчала старуха. – Я уважаемая *ама*, выполняю свою работу, и больше ничего!

У перевел их ответы. Армстронг и Смит отметили, что переводит он аккуратно, быстро и без труда. И тот и другой хранили спокойствие, продолжая игру, которую им неоднократно приходилось вести раньше.

– Скажи, пусть рассказывает все как есть, и побыстрее, – сердито глянул на старуху Армстронг.

Он, как и Смит, не испытывал к А Там никакой неприязни. Просто им хотелось узнать правду и выяснить, кто скрывается за кличкой Вервольфы. Чем быстрее этих негодяев вздернут за убийство, тем лучше. Закопослушные граждане, в том числе и они сами, смогут наконец заниматься своими делами, зарабатывать деньги и весело проводить время – ходить на скачки или развлекаться с девочками. «Да, – думал Армстронг, – жаль старуху. Двадцать долларов против сломанной шляпной булавки, что эта мегера, госпожа мусорщица, не знает ничего. Но А Там знает больше, чем когда-нибудь нам расскажет».

– Мне нужна правда. Скажи ей! – распорядился он.

– Правда? Какая правда, Досточтимый Господин? Я старая женщина, и кем мне быть, кроме как...

Армстронг театрально поднял руку.

– Довольно! – Это был еще один заранее согласованный сигнал.

Очкарик У тут же перешел на нинтокский диалект, который, как ему было известно, кроме него с А Там, не понимал никто:

– Старшая Сестра, мой тебе добрый совет: говори быстро и ничего не скрывай. Мы уже все знаем!

А Там уставилась на него, разинув рот и обнаружив два последних кривых зуба.

– Что, Младший Брат? – пролепетала она, застигнутая врасплох, на том же диалекте. – Что ты хочешь от меня?

– Правду! Я все про тебя знаю!

Она всматривалась в него, но не могла признать.

– Какую правду? Я и знать-то тебя не знаю!

– Неужто не помнишь меня? На рынке, ты еще курицу помогла мне купить. Потом мы с тобой чай пили. Вчера дело было. Припоминаешь? Ты говорила о Вервольфах, что они обещали тебе большое вознаграждение...

Все трое заметили промелькнувшую в глазах старухи искру понимания.

– Вервольфы? – запричитала она. – Да быть такого не может! Это был кто-то другой! Напраслину на меня возводишь. Скажи Благородным Господам! Я в глаза не видела...

– А ну уймись, ведьма старая! – резко оборвал ее У и обругал, не стесняясь в выражениях. – Ты работала на У Тинтопа. Твою хозяйку звали Фан-лин. Она умерла три года назад. У них была аптека на перекрестке! Я прекрасно знаю это место!

– Неправда... неправда...

– Она говорит, что все это неправда, сэр.

– Прекрасно. Скажи, что мы отвезем ее в участок. Там она заговорит.

А Там затряслась.

– Пытать? Станете пытать старую женщину? О-хо-хо...

– Когда должен снова прийти этот Вервольф? Сегодня днем?

– О-хо-хо... Не знаю я... Он сказал, что еще встретится со мной, но так и не пришел, ворюга проклятый. Я ему еще пять долларов одолжила, чтобы он мог добраться до дома и...

– Где он живет?

– А? Кто? Ох, он... он сказал, что приходится родней какому-то... Я не помню. Вроде он упоминал Норт-Пойнт... Не помню ничего...

Армстронг терпеливо задавал вопросы, но вскоре стало ясно: старуха мало что знает, хотя она уходила от ответа и врала все затейливей.

– Мы заберем ее в любом случае, – объявил Армстронг.

Смит кивнул:

– Ты справишься, пока я пришлю пару ребят? Думаю, мне на самом деле пора возвращаться.

– Конечно. Спасибо.

Смит ушел. Армстронг велел У скомандовать обеим женщинам, чтобы сидели тихо, пока он проводит обыск. Те, перепуганные, повиновались. Он вышел на кухню и закрыл за собой дверь. А Там тут же дернула себя за длинную жидкую косичку.

– Младший Брат, – зашептала она, зная, что хозяйка не понимает нинтокского диалекта, – я ни в чем не виновна. Только встретила этого молодого черта, как вот тебя. Я ничего дурного не совершила. Односельчане должны держаться вместе, *хейя*? Такому симпатичному парню, как ты, нужны деньги – на девочек или на жену. Ты женат, Досточтимый Младший Брат?

– Нет, Старшая Сестра, – вежливо ответил У, стараясь разговаривать с ней, как ему было приказано.

Армстронг стоял в дверном проеме крохотной комнатухи А Там и в миллионный раз задавался вопросом, почему китайцы так плохо обращаются со слугами, почему те должны работать в таких нищенских, жутких условиях, верно служить всю жизнь взамен на жалкие подачки, не удостоиваясь в награду ни уважения, ни любви.

Он вспомнил, как задал этот вопрос своему наставнику. Старый полицейский сказал тогда: «Не знаю, парнишка. Думаю, это из-за того, что слуги становятся частью *семьи*. Обычно они нанимаются на всю жизнь. Их собственная семья становится частью хозяйской семьи. Слуга делается *своим*, и *хаочу* – преимуществ – в таком порядке вещей немало. Само собой разумеется, что слуги имеют определенный процент со всех денег, выделяемых на ведение хозяйства, со всех продуктов, всех напитков, всего, что требуется для уборки, и прочего. Неважно, у богатых они работают или у бедных. И конечно, все это происходит с полного ведома и одобрения хозяев, если не выбивается за привычные пределы. Иначе кто возьмется работать за такую мизерную плату, не имея возможности приварить на стороне?»

«Может, это и есть ответ на мой вопрос, – думал Армстронг. – Действительно, прежде чем взяться за работу, каждый китаец очень тщательно взвешивает все *хаочу*, и то, во что эти *хаочу* выливаются, всегда определяет решение».

В комнатухе стояла вонь, и он старался зажимать нос, чтобы не чувствовать ее. Из вентиляционной отдушины разлетались капли дождя, который хлестал по-прежнему. Вся стена была покрыта плесенью и потеками от тысячи других ливней. Армстронг продолжал искать методично и тщательно, на это были нацелены все его чувства. Что-то спрятать в каморке было почти что негде. Кровать и постельное белье относительно чистые, хотя в углах спального места множество клопов. Под кроватью ничего, кроме вонючего ночного горшка с отбитыми краями и пустого чемодана. В нескольких старых кошелках и хозяйственной сумке – ничего. В ящиках комода немного одежды, дешевые украшения, нефритовый браслет сомнительного качества.

Под одеждой спрятана вышитая дамская сумочка, довольно изысканная. В ней несколько старых писем. Вырезка из газеты. И две фотографии.

И тут сердце замерло.

Через секунду Армстронг прошел в кухню, где света было побольше, и снова стал всматриваться в фотографии: нет, он не ошибся. Суперинтендент читал вырезку из газеты, а голова его шла кругом. На вырезке и на одной из фотографий были проставлены даты.

А Там сидела на табурете посреди просторной звукоизолированной комнаты в разбитом на ячейки подвале Главного управления полиции. Ярко освещенная комната была сплошь белой: белые стены и потолок, белый пол и одностворчатая белая дверь заподлицо, почти незаметная на фоне стены. Даже табурет был белого цвета. Она сидела в комнате одна, окаменев от страха, и говорила теперь более охотно.

– Что тебе известно о варваре на заднем плане этой фотографии? – донесся из скрытого динамика ровный металлический голос У, изъяснявшегося на нинтоке.

– Я уже говорила и говорила, и нету... Я не знаю, Господин, – хныкала она. – Я хочу домой... Я уже говорила, что толком этого заморского дьявола и не видела... Насколько я знаю, он только в тот раз и приезжал к нам, Господин. Я не помню, это было так давно. О, можно я пойду... Я уже рассказала вам все, все...

Армстронг наблюдал за ней через установленное под углом зеркало из погруженной в полумрак комнаты наблюдателей. У сидел рядом. Лица у обоих были напряженные и взволнованные. Хотя кондиционер работал исправно, навевая приятную прохладу, на лбу У выступили капли пота. Бесшумно крутились бобины магнитофона. За их спинами были размещены микрофоны и комплект электронного оборудования.

– Думаю, она сказала все, что нам нужно, – проговорил Армстронг, которому было жаль старуху.

– Да, сэр. – У старался не выдать нервозности. Впервые в жизни он присутствовал при допросе в Эс-ай. Очкарик испытывал страх и возбуждение, болела голова.

– Спроси еще раз, откуда у нее эта сумочка.

У выполнил приказание. Голос его звучал спокойно и повелительно.

– Но я же рассказывала про это. И не один раз, – скулила старуха. – Пожалуйста, можно я по...

– Скажи еще раз, и тогда можешь идти.

– Хорошо... хорошо... я скажу еще раз... Это была сумочка моей хозяйки. Она подарила мне ее, когда умирала. Она подарила ее мне, клянусь, и...

– Последний раз ты сказала, что она подарила ее тебе за день до смерти. Так что же правда?

А Там в волнении вертела в руках свою похожую на крысиный хвост косичку.

– Я... я не помню, Господин. Она была у нее... Это было, когда она умерла... Я не помню. – Рот старухи раскрывался, но никаких звуков из него не вылетало, и тут она выпалила в раздражении: – Я взяла ее и спрятала после того, как она умерла, и там были эти старые фотографии... У меня нет фотографии моей хозяйки, так что я взяла их тоже. И еще там был один серебряный таэль. Его мне хватило, чтобы оплатить часть пути в Гонконг во время голода. Я взяла все это, потому что никто из ее гнусных детей и остальных членов семьи, которые ненавидели ее и ненавидели меня, не дал бы мне ничего. Так что я взяла сумочку, когда никого не было... Она подарила мне ее перед смертью, и я ее просто спрятала. Она моя, хозяйка подарила ее мне...

Они слушали, старуха не умолкала, и они давали ей выговориться. Часы на стене показывали 13:45. Допрос продолжался уже полчаса.

– Пока хватит, У. Через три часа допросим ее снова на всякий случай, но думаю, что она рассказала нам все. – Суперинтендент устало поднял трубку и набрал номер. – Армстронг. Можете отвести ее обратно в камеру, – сказал он в трубку. – Проследите, чтобы ей было комфортно, чтобы о ней позаботились, и пусть ее осмотрит доктор. – В Эс-ай было принято осматривать задержанных до и после каждого допроса. Доктор сказал, что у А Там сердце и давление двадцатилетней.

Через какое-то время белая, почти невидимая дверь открылась и одетая в форму сотрудница Эс-ай доброжелательно позвала А Там. Та, ковыляя, вышла. Армстронг приглушил свет и переключил магнитофон на перемотку. У вытер лоб.

– Ты сработал очень хорошо, У. Схватываешь на лету.

– Благодарю вас, сэр.

Магнитофон перематывал пленку со все нарастающим визгом. Армстронг, который так и не оправился от потрясения, молча смотрел на него. Звук прекратился, и здоровяк вынул бобину.

– Мы всегда отмечаем дату, точное время и точную продолжительность допроса и присваиваем каждому подозреваемому отдельный код. Для надежности и секретности. – Он справился в книге, пометил номер на пленке, а потом стал заполнять бланк. – Проверяем при помощи этого бланка. Мы подписываем его, как проводившие допрос, и ставим вот здесь код А Там – V-11-3. Этот код совершенно секретный и хранится в сейфе. – Взгляд Армстронга стал очень жестким, У еле выдержал его. – Повторяю: тебе лучше запомнить, что в закрытый рот мухи не залетают и что все, в чем тебе сегодня пришлось участвовать, совершенно секретно.

– Да, сэр. Да, вы можете положиться на меня, сэр.

– Тебе также лучше запомнить, что правила для Эс-ай устанавливает только сама Эс-ай, губернатор и министр в Лондоне. И все. Старые добрые английские законы, честная игра, полицейские уставы, хабеас корпус¹⁹, открытое разбирательство и обжалование приговора к особому подразделению или Эс-ай неприменимы. Эс-ай не передает дел в суд, ее действия не подлежат обжалованию, она просто отдает приказ о депортации в КНР или на Тайвань – не знаю, что хуже. Понятно?

– Да, сэр. Я хочу стать частью Эс-ай, сэр, так что вы можете мне верить. Я не из тех, кто утоляет жажду ядом, – заверил У. От переполнявшей душу надежды у него даже голова кружилась.

– Хорошо. Ближайшие несколько дней ты будешь находиться здесь, в Главном управлении.

У разинул рот:

– Но, сэр, мой... Есть, сэр.

Армстронг вышел первым, выпустил Очкарика и закрыл за ним дверь. Ключ и бланк он передал агенту Эс-ай, дежурившему за столом.

– Пленку я пока оставил у себя. Вот расписка.

– Есть, сэр.

– Вы не позаботитесь о констебле У? Он погостит у нас пару дней. Начните собирать его данные – он был очень и очень полезен. Я буду рекомендовать его в Эс-ай.

– Есть, сэр.

Поднявшись в лифте на свой этаж, Армстронг ощутил во рту тошнотворный кисло-сладкий привкус дурного предчувствия. Допросы в Эс-ай были для него просто проклятием. Он терпеть их не мог, хотя проводил их быстро и с неизменным успехом. Ему больше нравилось

---

¹⁹ *Хабеас корпус* (от *лат.* Habeas corpus ad subjiciendum – настоящим предписывается доставить [в суд] особу заключенного) – судебный приказ о передаче арестованного в суд. Британский закон о неприкосновенности личности 1679 г. предписывает представить арестованного в суд в течение установленного срока для надлежащего судебного разбирательства и установления законности ареста.

старомодное состязание умов, требующее терпения, а не всех этих новомодных психологических приемов.

– Это все чертовски опасно, вот что я вам скажу, – бормотал он себе под нос, шагая по коридору.

Он вдыхал еле ощутимый затхлый запах Главного управления, ненавидя Кросса, и Эс-ай, и все, что за этим стоит, ненавидя сведения, до которых докопался. Дверь его кабинета была открыта.

– О, привет, Брайан, – пробурчал он, закрывая за собой дверь.

Брайан Квок сидел, положив ноги на стол, и лениво листал утренние коммунистические газеты на китайском языке. По окну за его спиной бежали струйки дождя.

– Что нового?

– Довольно большой материал про Иран, – сказал Брайан, погруженный в чтение. – Здесь говорится, что «капиталистические правители ЦРУ вместе с тираном шахом подавили народную революционную войну в Азербайджане», «тысячи убитых» и так далее. Во все это я не верю, но похоже, что ЦРУ и Десяносто вторая аэромобильная дивизия сняли напряженность в регионе, и это первый раз, когда янки поступили правильно.

– Добра от этого будет хоть отбавляй!

Брайан Квок поднял на него глаза. Улыбка погасла.

– Что случилось?

– Настроение паршивое. – Армстронг помолчал. – Я попросил принести пару пива, а потом съедим ланч. Как насчет карри? Не против?

– Хорошо, но, если настроение у тебя паршивое, давай обойдемся без ланча.

– Нет, оно не настолько паршивое. Я... я просто терпеть не могу «белые» допросы... Меня от них в дрожь бросает.

Брайан Квок широко открыл глаза:

– Ты допрашивал там старую *ама*? За каким дьяволом?

– Кросс приказал. Ублюдок!

Брайан Квок отложил газету.

– Да, это точно. Уверен, что не ошибаюсь насчет него, – негромко проговорил он.

– Только не сейчас, Брайан. Может, за ланчем, но не сейчас. Господи, как хочется выпить! Чертов Кросс и проклятая Эс-ай! Я здесь давно не работаю, а он ведет себя так, словно я один из его людей.

– Вот как? Но ты же сегодня вечером выходишь на «шестнадцать дробь два». Я понял, что тебя временно прикомандировали.

– Он об этом ничего не говорил. А что такое?

– Если он ничего не сказал, то я тоже лучше помолчу.

– Хорошо. – В Эс-ай подобное было в порядке вещей: для безопасности, чтобы свести к минимуму утечки, всех фактов не сообщали даже самым надежным агентам, которые работали по одному и тому же заданию. – Не хочу я, черт побери, чтобы меня куда-то прикомандировывали, – проворчал Армстронг, зная, что никуда не денется, если это приказ Кросса. – Этот перехват имеет отношение к «Севрину»?

– Не знаю. Надеюсь. – Брайан Квок изучающе посмотрел на него и улыбнулся. – Не вешай нос, Роберт. У меня есть для тебя кое-какие хорошие новости.

Армстронг в который уже раз обратил внимание, как красив его друг: крепкие белые зубы, золотистая кожа, твердый подбородок, живые глаза и эта исходящая от него залихватская уверенность.

– Превосходно выглядишь, мерзавец, – сказал он. – Что за хорошие новости? Ты надавил на друга Одноногого в ресторане «Пара» и он выдал тебе имена первых четырех победителей в субботу?

– Мечтай, мечтай! Нет, это насчет тех папок, что ты утащил вчера из офиса Зубастика Ло и передал в департамент по борьбе с коррупцией. Помнишь? От Фотографа Энга?

– Вот как? О да.

– Похоже, наш ненадежный американо-китайский гость Томас К. К. Лим, который пропадает «где-то в Южной Америке», довольно примечательная личность. Его папкам цены нет. Они просто золотые! К тому же на английском, так что наши борцы с коррупцией промчались по ним как в туалет после слабительного. Ты откопал целое сокровище!

– Он связан с Цу-янем? – Мысли Армстронга сразу заработали в другом направлении.

– Да. И со многими другими людьми. Очень важными людьми, оче...

– С Банастасио?

Брайан Квок улыбнулся одним ртом:

– С самим Винченцо Банастасио. А это прекрасно увязывает Джона Чэня, винтовки, Цу-ян, Банастасио и теоретические выкладки Питера Марлоу.

– Бартлетт?

– Его пока нет. Но Марлоу знаком с кем-то, кто знает слишком много из того, чего не знаем мы. Думаю, нам стоит им заняться. Как ты?

– О да. Что еще в этих бумагах?

– Томас К. К. Лим – католик, американец в третьем поколении. Он как сорока: собирает самую разную взрывоопасную корреспонденцию, письма, записки, меморандумы и тому подобное. – Брайан Квок снова улыбнулся безрадостной улыбкой. – Наши друзья янки оказались еще хуже, чем мы о них думали.

– Например?

– Например, некая очень известная и обладающая широкими связями семья в Новой Англии вместе с некоторыми генералами, американскими и вьетнамскими, занимается строительством очень крупных и абсолютно ненужных американским ВВС баз во Вьетнаме с большой выгодой – для себя.

– Боже правый! Есть имена?

– Имена, звания и личные номера. Если наверху узнают, что друг Томас все это задокументировал, то и Галерея славы²⁰, и Пентагон, и самые различные дорогие прокуренные кабинеты содрогнутся от ужаса.

– Он что, посредник? – хмыкнул Армстронг.

– Называет себя предпринимателем. О, он в очень хороших отношениях со многими известными людьми. Американцами, итальянцами, вьетнамцами, китайцами, и с той и с другой стороны. Эти бумаги – документальное подтверждение всех махинаций. По другой схеме миллионные средства из американского бюджета направляются на липовую программу помощи Вьетнаму. Восемь миллионов, если быть точным. Один миллион уже выплачен. Друг Лим даже обсуждал, как переправить в Швейцарию *сян ю* с этого миллиона.

– Можем ли мы сделать так, чтобы у них это дело не выгорело?

– О да, если мы поймем Томаса К. К. Лима и если захотим, чтобы у них это дело не выгорело. Я спрашивал у Кросса, но он лишь пожал плечами. Мол, это не наше дело, если янки хотят обманывать свое правительство, то пусть их. – Брайан Квок улыбнулся, но глаза его не улыбались. – Это мощная информация, Роберт. Если даже часть ее станет достоянием общественности, поднимется такая страшная вонь, что дойдет до самых верхов.

– Он не собирается передать ее Роузмонту? Организовать утечку?

---

²⁰ Галерея славы [великих американцев] – возведенная в 1900 г. при Нью-Йоркском университете полукруглая колоннада, где между колоннами установлены бронзовые бюсты великих американцев работы известных скульпторов.

– Не знаю. Не думаю. В каком-то смысле он прав. К нам это не имеет никакого отношения. Но ужасно глупо все это замалчивать! Глупо! Они заслуживают того, чтобы получить по первое число! Будет минутка, почитай эти бумаги, просто пальчики оближешь.

– А есть ли связь между Лимом и другими мерзавцами? Зубастиком Ло и еще одним? Они воруют средства КЭР?

– О да, наверняка так и есть, но их папки на китайском, поэтому, чтобы их прищучить, понадобится больше времени. – Потом Брайан Квок добавил каким-то странным голосом: – Любопытно, как Кросс об этом пронюхал. Ну словно знал, что будет такая связь. – Он понизил голос. – Я уверен, что прав насчет него.

Молчание затянулось. Во рту у Армстронга все пересохло и держался тот же отвратительный привкус. Оторвав взгляд от дождя, он взглянул на Брайана Квока.

– Ну что там у тебя?

– Ты знаешь американского вице-консула – гомосека, что продает визы?

– Ну и при чем здесь он?

– В прошлом месяце Кросс с ним ужинал. На *его* квартире.

Армстронг нервно потер лицо:

– Это ничего не доказывает. Слушай, завтра, завтра мы получим эти папки. Завтра Синд...

– Возможно, *нам* не придется их прочитать.

– Мне лично наплевать. Это дело Эс-ай, а я работаю в департаменте уголовного розыска, и поэ...

В дверь постучали, и он осекся. Дверь отворилась. Белозубо улыбаясь, вошел официант-китаец с подносом и двумя кружками холодного пива.

– Добрый день, *сэр*.

Предложив одну кружку Брайану Квоку, а другую – Армстронгу, он вышел.

– Удачи, – проговорил Армстронг, ненавидя себя. Он сделал большой глоток и пошел к сейфу, чтобы запереть кассету.

Брайан Квок изучающе смотрел на него.

– Ты уверен, что с тобой все нормально, старина?

– Да-да, конечно.

– А что сказала старуха?

– Сначала все врал, одно сплошное вранье. А потом выложила правду. Все как есть. Расскажу за ланчем, Брайан. Знаешь, как это бывает: прояви терпение и в конце концов разберешься, где вранье. Я сыт им по горло. – Армстронг допил свое пиво. – Господи, как раз то, что нужно.

– Хочешь и мое тоже? Бери.

– Нет, спасибо, я лучше выпью виски с содовой перед карри и, может быть, еще одну. Допивай и пойдем.

Брайан отставил недопитую кружку.

– Мне хватит. – Он закурил. – Как тебе без курева?

– Тяжело. – Армстронг следил, как приятель глубоко затягивается. – Что-нибудь есть по Воранскому? Или по его убийцам?

– Они просто растворились. У нас есть их фотографии, так что мы их поймем, если они еще не по ту сторону границы.

– Или на Тайване.

Помолчав, Брайан Квок кивнул:

– Или в Макао, или в Северной Корее, или во Вьетнаме, или где-нибудь еще. Министр рвет и мечет, тычет Кроссу Воранским в нос. То же самое творится в Эм-ай-6 и ЦРУ. В Лондоне высокопоставленные цэрэушники проели министру всю плешь, а он передает это по

команде. Нам бы лучше поймать этих типов прежде Роузмонта, или мы потеряем всякую репутацию. На Роузмонта тоже давят, чтобы он добыл их головы. Я слышал, американец бросил всех своих людей на поиски, считая, что это имеет отношение к «Севрину» и авианосцу. Он в ужас приходит от одной только мысли о возможном инциденте с авианосцем. – Брайан Квок добавил, уже более резко: – Какая глупость – дразнить КНР, приводя его сюда. Этот монстр – приманка для всех шпионов в Азии.

– На месте Советов я постарался бы кого-нибудь внедрить на него. Возможно, Эс-ай как раз этим сейчас и занимается. Кросс был бы очень рад иметь на борту своего агента. Почему бы и нет? – Верзила-полицейский следил за выходящим дымком сигареты. – На месте националистов я поставил бы несколько мин и обвинил бы во всем КНР – и то же самое проделал бы на месте красных, только свалил бы все на Чан Кайши.

– Так, скорее, поступило бы ЦРУ, чтобы повесить всех собак на Китай.

– Брось ты, Брайан!

Брайан Квок сделал последний глоток и встал.

– Мне хватит. Пойдем.

– Одну минуту. – Армстронг набрал номер. – Это Армстронг, подготовьте еще один сеанс на семнадцать ноль-ноль для V-11-3. Мне нужно будет... – Он осекся, заметив, что взгляд друга затуманился, а потом остекленел. Армстронг легко поймал его, уже падавшего, и устроил обмякшее тело в кресле. Он был совершенно не в себе и чуть ли не наблюдал за собой со стороны, когда клал трубку обратно на рычаг. Теперь оставалось только ждать.

«Я сделал свое дело», – подумал он.

Дверь открылась. Вошел Кросс. За ним трое агентов Эс-ай в штатском: все англичане, высокого ранга, лица напряженные. Один быстро накиннул на голову Брайана Квока плотный черный чехол, легко поднял его и вышел. Остальные последовали за ним.

Теперь, когда все было кончено, Роберт Армстронг не чувствовал ничего – ни угрызений совести, ни потрясения, ни гнева. Ничего. Разум говорил, что ошибки быть не могло, и в то же время отказывался верить, что друг, которого он, Армстронг, знает почти двадцать лет, агент коммунистов. Но, увы, доказательство было неопровержимое. Найденная Армстронгом улика свидетельствовала, что Брайан Квок – сын У Фан-лин, бывшей хозяйки А Там, в то время как из его свидетельства о рождении и анкетных данных следовало, что его родители носили фамилию Квок и были убиты китайскими коммунистами в Кантоне в сорок третьем году. Одна из фотографий запечатлела Брайана Квока рядом с крошечной китайкой перед аптекой на деревенском перекрестке. Качество фотографии оставляло желать лучшего, позволяя тем не менее прочесть иероглифы на вывеске и распознать лицо, его лицо. На заднем плане была видна старая автомашина. За ней, наполовину отвернувшись, стоял какой-то европеец. Очкарик У признал на снимке нинтоксую аптеку, принадлежавшую семье У. Женщина, по словам А Там, и была ее хозяйкой.

– А мужчина? Кто этот мужчина, что стоит рядом с ней?

– О, это ее сын, Господин. Ее сын, Чу-той. Это ее Второй Сын Чу-той. Теперь он живет у заморских дьяволов за морем на севере, к северу от Страны Золотых Гор, – хныкала старуха из белой комнаты.

– Ты опять неправду говоришь.

– О нет, Господин. Это ее сын, Чу-той. Он ее Второй Сын. Он родился в Нинтоке, и я приняла его собственными руками. Это тот самый второй ее сынок, что уехал еще маленьким...

– Уехал? Куда он уехал?

– В Страну Дождей, а потом в Золотые Горы. У него теперь ресторан и двое сыновей... У него там свое дело, и он приезжал навестить Батюшку... Батюшка тогда был при смерти, и он приехал, как и подобает почтительному сыну, но потом уехал, и Матушка так плакала, так плакала...

– И часто он навещал родителей?

– О, только однажды, Господин, только в тот самый раз. Теперь он живет так далеко, в таких далеких краях, таких далеких краях... Но он приехал, как подобает почтительному сыну, а потом уехал. Я его видела случайно, Господин. Матушка послала меня навестить родственников в ближайшей деревне, но мне стало скучно, я вернулась раньше и увидела его... Он почти сразу уехал. Молодой Хозяин уехал на машине заморских дьяволов...

– Откуда у него машина? Это была его машина?

– Не знаю, Господин. В Нинтоке не было машин. Машины не было даже в деревенском комитете, даже у Батюшки, который в нашей деревне был аптекарем. Бедный Батюшка, он, умирая, так мучился. Он был членом этого комитета... Они нас не трогали, люди председателя Мао, эти чужаки... Да, они нас не трогали, потому что Батюшка, хотя человек образованный и аптекарь, всегда был тайным сторонником Мао, а я никогда и не знала об этом, Господин, клянусь, никогда не знала. Люди председателя Мао нас не трогали, Господин.

– Как его звали, этого сына твоей Хозяйки? Который на фотографии? – спросил он, пытаясь расшевелить ее.

– У Чу-той, Господин. Он был у нее второй... Помню, когда его отправили из Нинтока в... в это гнусное место, в эту Благоуханную Гавань. Ему было лет пять-шесть, и его отправили к какому-то родственнику здесь, и...

– Как звали этого родственника?

– Не знаю, Господин, мне этого не говорили. Помню лишь, что Матушка все плакала и плакала, когда Батюшка отправлял его из дома учиться... Можно я уже пойду домой? Я устала, пожалуйста...

– Когда расскажешь то, что мы хотим узнать. Если скажешь правду.

– О, я расскажу вам всю правду, все, что хотите, все...

– Его отправили учиться в Гонконг? Куда?

– Не знаю, Господин. Моя Матушка никогда не говорила про это. Только, что его отправили учиться. А потом она выкинула его из головы, и я тоже, о да. Так было лучше, потому что он уехал навсегда. Вы ведь знаете, вторым сыновьям всегда приходится уезжать...

– Когда У Чу-той вернулся в Нинток?

– Это было какое-то время тому назад, когда Батюшка был при смерти. Он вернулся только тогда, только однажды, Господин. Разве вы не помните, я же это говорила? Я помню, что я это говорила. Да, как раз когда сделали этот снимок. Матушка очень хотела сфотографироваться, она плакала и умоляла его сфотографироваться с ней... Конечно, когда Батюшки не стало, она почувствовала на себе руку смерти, и ей было так одиноко... Она плакала и плакала, и тогда Чу-той уступил ей, как и положено почтительному сыну. И моей Матушке было так приятно...

– А этот варвар на фотографии, кто он? – Человек стоял вполборота на заднем плане рядом с машиной у аптеки, и не угадаешь, кто такой, если не знать точно. Европейец, высокого роста, в мятой одежде, ничем не примечательный.

– Не знаю, Господин. Он вел машину и увез Чу-тоя, но и члены деревенского комитета, и сам Чу-той не раз кланялись ему и говорили, что человек этот очень важный. Это первый заморский дьявол, которого я вообще видела, Господин...

– А люди на другой фотографии? Кто они? – Фотография была старинная, почти сепия, на ней жених и невеста в неудобных свадебных костюмах смущенно и печально смотрели в объектив.

– О, это, конечно, Батюшка с Матушкой, Господин. Я же говорила, разве не помните? Говорила много раз. Это Матушка с Батюшкой. Его звали У Тинтоп, а его *тайтай*, мою Матушку, – Фан-лин...

– А вырезка?

– Не знаю, Господин. Она была прикреплена к фотографии, я ее так и оставила. Ее прикрепила Матушка, а я оставила. Какое мне дело до всех этих выдумок заморских дьяволов или того, что там написано...

Роберт Армстронг вздохнул. Пожелтевшая вырезка из гонконгской газеты на китайском языке была датирована 16 июля 1937 года, и в ней рассказывалось о трех китайских юношах, настолько отличившихся при сдаче экзаменов, что их отправили учиться за счет правительства Гонконга в одну из частных школ в Англии. Имя Каршунь Квок стояло первым. Кар-шунь было официальным китайским именем Брайана Квока.

– Вы сработали очень хорошо, Роберт, – проговорил наблюдавший за ним Кросс.

– Разве? – отозвался Армстронг из тумана своего страдания.

– Да, очень хорошо. Вы сразу явились ко мне с этой уликой, вы отлично выполнили инструкции, и теперь наш лазутчик благополучно почивает. – Закурив, Кросс уселся за стол. – Я рад, что вы выпили именно то пиво, какое надо. Он что-нибудь заподозрил?

– Нет. Нет, не думаю. – Армстронг пытался взять себя в руки. – Извините меня, пожалуйста, сэр. Я чувствую себя отвратительно. Мне... мне нужно принять душ. Извините.

– Присядьте, пожалуйста, на минуту. Да, вы, должно быть, устали. Очень утомляют такие вещи.

«Господи, – хотелось тоскливо закричать Армстронгу, – все это невозможно! Чтобы Брайан был глубоко законспирированным агентом? Это невозможно, но все сходится. Иначе зачем ему совершенно другое имя, другое свидетельство о рождении? Зачем тщательно составленная легенда – что его родителей убили в Кантоне во время войны, убили коммунисты? Зачем еще ему было идти на такой риск и тайно пробираться в Нинтоки – ведь могло рухнуть все, что тщательно создавалось более тридцати лет, – если его отец действительно не был при смерти? А если эти факты верны, из них автоматически следует другое: чтобы узнать о приближающейся смерти отца, он должен был постоянно поддерживать связь с материком. Он, суперинтендент гонконгской полиции, должен быть на сто процентов персона грата в КНР, иначе кто разрешил бы ему тайно въехать и тайно выехать из страны. А если он персона грата, значит он один из тех, кого годами готовили, обучали».

– Господи, – пробормотал Армстронг вслух, – Брайан же запросто мог стать заместителем комиссара, а может, даже комиссаром полиции!..

– Что вы теперь предлагаете, Роберт? – мягко спросил Кросс.

Армстронг заставил себя вернуться в настоящее: профессиональные навыки оказались сильнее душевных мук.

– Проверить его прошлое. Мы найдем связь. Найдем. Его отец был у коммунистов мелкой сошкой, но тем не менее не последним человеком в Нинтоке. Следовательно, родственник в Гонконге, к которому отправили мальчишку, тоже должен быть таким. Они, по всей видимости, строго контролировали Брайана в Англии, в Канаде, здесь – везде. А это сделать так просто, так просто подпитывать ненависть к *гуйлао*, и так просто для китайца эту ненависть скрывать. Разве они не самые терпеливые и скрытные люди на земле? Да, нужно проверить его прошлое, и в конце концов мы найдем связь и выясним правду.

– Роберт, вы опять правы. Но сначала нужно допросить его.

Армстронг почувствовал, как внутри все похолодело от ужаса.

– Да, – выдавил он из себя.

– Мне приятно сообщить, что эта честь предоставляется вам.

– Нет.

– Вам поручено контролировать допрос. На нем не будет никаких китайцев, только старшие агенты – англичане. За исключением У, Очкарика У. Да, он будет полезен – только он один. Он хорош, этот малый.

– Я не могу... не буду.

Кросс со вздохом открыл большой конверт из плотной коричневой бумаги, который принес с собой.

– Что вы думаете насчет вот этого?

Трясушимися руками Армстронг взял фотографию размером восемь на десять дюймов²¹. Это был увеличенный фрагмент нинтокского снимка – голова европейца на заднем плане рядом с машиной. Лицо вполоборота, расплывающееся от очень сильного увеличения зерно.

– Я... Похоже, он заметил фотоаппарат и отвернулся... или отворачивался, чтобы его не сняли.

– Мне тоже это пришло в голову. Не узнаете, кто это?

Армстронг вглядывался в лицо, стараясь заставить себя мыслить ясно.

– Нет.

– Это не Воранский? Наш мертвый советский друг?

– Может быть. Нет, не думаю.

– А как насчет Данросса, Иэна Данросса?

Еще более потрясенный, Армстронг поднес фотографию к свету.

– Возможно, но... невероятно. Если... если это Данросс, то... Вы считаете, он тайный агент «Севрина»? Этого не может быть.

– Невероятно, но может быть. Они с Брайаном хорошие друзья. – Кросс забрал у него фотографию и стал смотреть на нее. – Кто бы это ни был, лицо знакомое, судя по тому немногому, что здесь можно разглядеть. Но мне никак не соотнести его с каким-то конкретным человеком и не вспомнить, где я его видел. Пока не соотнести. Но ничего. Брайан вспомнит. Вспомнит. – Голос стал вкрадчивым. – О, не беспокойтесь, Роберт. Я Брайана для вас подготовлю, но именно вам предстоит нанести решающий удар. Я хочу узнать, кто этот человек, и очень быстро. На самом деле мне нужно узнать все, что знает Брайан, и очень-очень быстро.

– Нет. Пусть кто-нибудь дру...

– О, Роберт, не надо быть таким занудой! У Чу-той, или Брайан Кар-шунь Квок, – вражеский лазутчик, который годами скрывался от нас, вот и все, – лез в уши Армстронга ненавистный голос Кросса. – Кстати, вы сегодня идете на «шестнадцать дробь два» в полседьмого и к тому же прикомандированы к Эс-ай. Я уже говорил с комиссаром.

– Нет, и я не могу допра...

– Ох, но, дорогуша, вы можете и будете. Вы единственный, кому это по плечу. Брайан слишком умен, чтобы его можно было подловить, как непрофессионала. Конечно, я не меньше вас поражен тем, что он оказался лазутчиком, и губернатор тоже!

– Пожалуйста. Я не...

– Он выдал Фэн-фэна, еще одного вашего приятеля, верно? Должно быть, это он организовал утечку материалов АМГ. Должно быть, он предоставил противнику наши досье и всю остальную информацию. Одному Богу известно, к каким сведениям у него был доступ в штабном колледже. – С ничего не выражающим лицом Кросс затянулся сигаретой. – В Эс-ай у него был допуск к самым секретным материалам, и его готовили к высокой должности – признаюсь, я даже собирался сделать его вторым человеком после себя! Так что нам лучше выяснить о нем все, причем очень быстро. Надо же, мы искали советского агента, а нашли китайского. – Он потушил сигарету. – Я приказал немедленно применить к нему меры воздействия первой степени.

Кровь отлила от лица Армстронга, он уставился на Кросса с неприкрытой ненавистью.

– Ублюдок ты поганый, ети его, ублюдок.

Кросс кротко рассмеялся:

– Верно.

---

²¹ 20 × 25 см.

– Ты еще и педик?

– Возможно. Возможно, но лишь время от времени, когда мне это доставляет удовольствие. Возможно. – Кросс спокойно наблюдал за ним. – Ладно, Роберт, неужели вы действительно думаете, что меня можно шантажировать? Меня? Шантажировать? Неужели вы настолько наивны, Роберт? Насколько мне известно, гомосексуализм – вполне обычное явление, даже среди высокопоставленных лиц.

– Да что вы говорите?

– В наши дни – да, вполне обычное. Некоторые даже считают это модным. О да, да, это так, дорогуша. Этим время от времени балуются повсюду самые широкие слои весьма важных персон. Даже в Москве. – Кросс закурил новую сигарету. – Конечно, нужно быть осторожным, разборчивым и не принимать на себя никаких обязательств. Для человека нашей профессии своеобразные наклонности могут заключать в себе самые различные преимущества. Не так ли?

– Значит, вы оправдываете любое зло, любую чушь собачью, убийство, мошенничество, ложь во имя этой проклятой Эс-ай, так, что ли?

– Роберт, я не оправдываю ничего. Я понимаю, вы в смятении, но думаю, уже хватит об этом.

– Вы не можете вернуть меня в Эс-ай силой. Я слагаю с себя обязанности.

Кросс презрительно рассмеялся:

– Но, дорогуша, а как же быть со всеми вашими долгами? Как насчет сорока тысяч к понедельнику? – Он встал, и его взгляд сделался каменным. Голос почти не изменился, но в нем появились злобные нотки: – Мы оба взрослые люди, Роберт. Расколите его, и сделайте это очень быстро.

Глава 45

15:00

Удар колокола, возвестивший об окончании торгов, потонул среди гама зловонного столпотворения биржевых брокеров, которые сбились в кучу, торопясь заключить последние сделки.

Для «Струанз» день выдался просто катастрофическим. На рынок было выброшено огромное количество акций компании, их осторожно покупали, но старые слухи подкреплялись новыми, и купленные акции снова наводнили рынок, их предложение росло. Цена на них упала с двадцати четырех долларов семидесяти центов до семнадцати долларов пятидесяти центов, а в колонке продаж предлагалось еще триста тысяч. Пошел вниз курс акций всех банков, рынок стал неустойчивым. Все считали, что завтра «Хо-Пак» обанкротится. Сегодня этого не произошло лишь потому, что в полдень сэр Луис Базилио приостановил торговлю ценными бумагами банков.

– Господи, какая подлость! – проговорил кто-то. – Этот чертов колокол спутал все планы.

– Вы только гляньте на тайбаня! – вырвалось у другого. – Боже всемогущий, можно подумать, это сигнал к окончанию обычного дня, а не погребальный звон по Благородному Дому!

– Ему мужества не занимать, нашему Иэну, кто бы сомневался. Ты только посмотри, как улыбается. Господи, его акции падают за день с двадцати четырех семидесяти до семнадцати пятидесяти – и это притом, что они никогда не опускались ниже двадцати пяти с тех пор, как бедняга выставил их на продажу, – а ему хоть бы хны. Завтра у Горнта будет контрольный пакет!

– Точно – или у банка.

– У «Вик»? Нет, у них своих проблем хватает, – присоединился к возбужденной, потной группке еще один.

– Святые угодники, ты думаешь, Горнт действительно на это пойдет? Горнт – тайбань нового Благородного Дома?

– Такое даже представить сложно! – громко проговорил один из брокеров, стараясь перекричать окружающий гул.

– Лучше привыкай, старина. Но я согласен, кто его знает. Иэн попал по самое некуда...

– Давно пора! – выкрикнул кто-то еще.

– Брось ты, тайбань – неплохой парень, а Горнт – самонадеянный ублюдок.

– Оба они ублюдки! – послышалось со стороны.

– Ох, не знаю. Но я согласен, Иэн хладнокровен, это точно. Холодный, как богадельня, а там довольно зябко – «чилли»...

– Но не такой холодный, как бедный старый Вилли, а он, бродяга, мертв!

Все засмеялись, и некто спросил:

– Вилли? Что за Вилли? А?

– О господи, Чарли, это прибаутка такая, стишок! «Вилли» рифмуется с «чилли», вот и все. Как ты сработал сегодня?

– Срубил кучу денег на комиссионных.

– Я тоже огреб немало.

– Просто фантастика. Скинул свои акции на все сто. Слава богу, теперь я полностью ликвиден! Кое-кому из моих клиентов туго придется, но, как говорится, легко получаешь, легко и потеряешь, а они могут себе это позволить!

– А у меня еще пятьдесят восемь тысяч акций «Струанз», и никто не хочет брать...

– *Бож-же мой!*

– Что случилось?

– С «Хо-Пак» все кончено! Они закрылись.

– *Что?*

– Все филиалы до последнего!

– Боже правый, ты уверен?

– Конечно уверен, и говорят, что «Вик» завтра тоже не откроется. Губернатор собирается объявить завтрашний день нерабочим для банков! Сведения из самых надежных источников, старина!

– *Боже милостивый, «Вик» закрывается?*

– О господи, мы все разорены...

– Слушай, я только что говорил с Джонджоном. Паника перекинулась и на них, но, по его словам, они выдюжат – волноваться не стоит...

– Слава богу!

– Он говорит, что полчаса назад в Абердине случились беспорядки, когда там обанкротился филиал «Хо-Пак», а Ричард Кван только что выпустил пресс-релиз. Он «временно закрыл» все филиалы, кроме головного офиса в Сентрал. Не стоит беспокоиться, у него полно денег, и...

– Лгун паршивый!

– ...всем держателям активов «Хо-Пак», которые придут туда с банковскими расчетными книжками, все выплатят.

– А что насчет их акций? Сколько, ты думаешь, они будут стоить при ликвидации? Десять центов на долларе?

– Бог его знает! Но этот крах оставит без штанов тысячи людей!

– Эй, тайбань! Позволите своим акциям падать или будете покупать?

– Благородный Дом стоит прочно, как и всегда, старина, – как ни в чем не бывало отвечал Данросс. – Мой совет вам – покупать!

– Как долго будете выжидать, тайбань?

– С этой незначительной проблемой мы справимся, не волнуйтесь.

Следом за Данроссом шли Линк Бартлетт и Кейси. Данросс проталкивался через толпу к выходу, осыпаясь вопросами. По большей части отшучивался, на некоторые вопросы отвечал. Потом дорогу ему заступил Горнт, и они остановились друг против друга. Наступила мертвая тишина.

– А, Квиллан... Как прошел день? – вежливо спросил Данросс.

– Очень хорошо, спасибо, Иэн, очень хорошо. Мы с партнерами в прибыли на три-четыре миллиона.

– У тебя есть партнеры?

– Конечно. Просто так атаку на «Струанз» не развернешь. Без весьма солидной финансовой поддержки, конечно, не обойтись. – Горнт улыбнулся. – К счастью, немало добрых людей откровенно терпеть не могут «Струанз», и это длится уже сто с лишним лет. С удовольствием сообщаю: я только что приобрел еще триста тысяч акций и буду продавать их с утра. Этого должно хватить, чтобы ваш дом повалился вверх тормашками.

– Мы не Шалтай-Болтай. Мы – Благородный Дом.

– До завтра. Да. Или, может, до послезавтра. Самое позднее до понедельника. – Горнт обернулся к Бартлетту. – Договоренность об ужине во вторник остается в силе?

– Да.

Данросс улыбнулся:

– Квиллан, играя на понижение на таком нестабильном рынке, можно обжечься. – Он повернулся к Бартлетту и Кейси и весело спросил: – Так ведь?

– Вот на что все это, черт возьми, не похоже, так на нашу Нью-Йоркскую фондовую биржу, – ответил Бартлетт, и все вокруг засмеялись. – Случись подобное у нас, вся экономика полетела бы к черту. А, Кейси?

– Да, – смущенно подтвердила та, чувствуя на себе пристальный взгляд Горнта. – Привет, – сказала она, глянув в его сторону.

– Для нас большая честь, что вы здесь, – проговорил Горнт, пустив в ход все свое обаяние. – Разрешите выразить восхищение мужеством, проявленным вами обоими вчера вечером.

– Ничего особенного я не сделал, – смутился Бартлетт.

– И я тоже. – Кейси было неловко: единственная женщина в зале, а теперь еще в центре всеобщего внимания. – Если бы не Линк и Иэн... не тайбань, не вы и не остальные, я бы запаниковала.

– Ах, но вы же не поддались панике. Ваш прыжок был само совершенство, – изрек Горнт, и со всех сторон раздались одобрительные возгласы.

Она ничего не ответила, но эта мысль согрела ее, и уже не впервые. С тех пор как она тогда, не задумываясь, сбросила одежду, жизнь стала какой-то другой. Сегодня утром позвонил Гэваллан, чтобы справиться, как она себя чувствует. И другие тоже. На бирже она остро ощущала на себе чужие взгляды. Было много комплиментов. Немало от незнакомых людей. Она чувствовала, что и Данросс, и Горнт, и Бартлетт помнят об этом, потому что она не обманула их ожиданий. И осталась верной себе. «Да, – думала она, – ты завоевала огромную репутацию перед всеми мужчинами. И заставила еще больше ревновать всех их женщин. Чудно».

– Вы не играете на понижение, мистер Бартлетт? – спросил Горнт.

– Лично я нет. – Бартлетт чуть улыбнулся. – Еще нет.

– А следовало бы, – мило посоветовал Горнт. – Когда рынок падает, можно заработать очень много денег, и вы, вне сомнения, это знаете. Огромное количество денег перейдет из рук в руки и при покупке контрольного пакета «Струанз». – Он снова перевел взгляд на Кейси, в восторге от ее храбрости, от ее тела и от мысли, что она отправляется с ним на яхте в воскресенье одна. – А вы, Сирануш, играете на бирже?

Кейси услышала свое имя и затрепетала от того, как он его произнес. «Будь осторожна, – предупредила она себя. – Этот человек опасен. Да. Как Данросс и Линк. Кто же из них? Боюсь, что мне желанны все трое».

При этой мысли ее бросило в жар.

День был восхитителен, великолепен с того самого момента, когда ей позвонил Данросс. Встав, она не ощутила на себе никаких пагубных последствий пожара или рвотного доктора Тули. Все утро Кейси с удовольствием работала: телеграммы, телексы, телефонные звонки в Штаты, чтобы навести порядок в текущих вопросах обширного холдинга «Пар-Кон», подтвердить слияние, которое уже несколько месяцев стояло на повестке дня, продать с большой выгодой одну компанию и приобрести другую, что обещала стать еще одним подспорьем в попытках «Пар-Кон» закрепиться в Азии – с кем бы они ни вели дело.

Потом ее неожиданно пригласил на ланч Линк... «Милый Линк, такой красивый, уверенный, привлекательный», – думала она, вспоминая этот ланч на крыше отеля «Виктория энд Альберт» в просторной зеленой столовой с окнами на гавань. Сквозь завесу проливного дождя проступали неясные очертания острова Гонконг и морского рейда. Линк был само внимание. Половинка грейпфрута, немного салата, «перрье», все прекрасно сервировано, как раз то, чего хотелось. А потом – кофе.

– Не хочешь посетить фондовую биржу, Кейси? Скажем, в половине третьего? – предложил он. – Иэн нас пригласил.

– Мне еще много надо сделать, Линк, и...

– Но здешняя биржа – место особенное, и то, что сходит с рук этим парням, просто невероятно. Здесь играют, пользуясь внутренней информацией своей фирмы, это у них стиль

жизни и вполне легально. Господи, просто фантастика, чудеса, великолепная система! За то, что они вытворяют каждый божий день на законных основаниях, в Штатах можно получить лет двадцать.

– Отсюда не следует, что это правильно, Линк.

– Конечно, но это Гонконг. Им нравится играть по собственным правилам, это их земля, и они обеспечивают себя сами, а правительство снимает лишь пятнадцатипроцентный налог. Говорю тебе, Кейси, если ты хочешь получить свои «отвальные», их нужно брать здесь.

– Будем надеяться, что ты прав! Иди, Линк, мне действительно нужно обработать еще целую кипу бумаг.

– Это подождет. Сегодня может решиться все. Мы должны присутствовать при захвате добычи.

– Горнт выиграет?

– Конечно, если Иэн не получит солидной финансовой поддержки. Я слышал, что «Виктория» не собирается помогать ему. И «Орлин» не намерен возобновлять заем, как я и говорил!

– Это тебе Горнт сказал?

– Как раз перед ланчем, но в этом городе все знают всё. Такого у меня еще не было.

– Тогда, может быть, и Иэн знает, что ты вложил два миллиона, чтобы подбить Горнта на атаку?

– Может быть. Но это не важно, ведь они еще не подозревают, что «Пар-Кон» скоро станет новым Благородным Домом. Как тебе – тайбань Бартлетт?

Кейси вспомнила, как он вдруг ухмыльнулся, и ее накрыло исходящим от него теплом. Она снова ощутила это тепло теперь, стоя посреди фондовой биржи и пристально глядя на него. Американку окружала целая толпа, но для нее существовали лишь трое: Квиллан, Иэн и Линк. Таких волнующих, живущих полной жизнью мужчин она еще не встречала. Одарив каждого из них одинаково чувственной улыбкой, Кейси сказала Горнту:

– Нет, лично я на рынке не играю. Не люблю этого дела: слишком высокой становится цена моих денег.

– Надо же сморозить такое! – пробормотал кто-то.

Горнт пропустил это мимо ушей, не сводя с нее глаз.

– Мудро, очень мудро. Но бывает и так, что дело верное, бывает, что удастся кого-то завалить. В переносном смысле, конечно²².

– Конечно. Ну, Квиллан, до завтра.

– Эй, мистер Бартлетт, – выкрикнул кто-то, – вы уже заключили сделку со «Струанз» или нет?

– Да, – подхватил другой, – и что думает «Рейдер» Бартлетт насчет рейда по-гонконгски? Снова наступила тишина. Бартлетт пожал плечами.

– Рейд везде рейд, – начал он, осторожно подбирая слова. – Могу сказать, что этот рейд подготовлен и приведен в действие. Но ведь никогда не знаешь, выиграл ты или проиграл, пока не подбиты все итоги. Я согласен с мистером Данроссом. Можно обжечься. – Он снова ухмыльнулся, и его глаза забегали. – Впрочем, я согласен и с мистером Горнтом. Иногда можно «кого-то завалить» в переносном смысле.

Последовал еще один взрыв смеха. Данросс воспользовался этим, чтобы протиснуться к двери. Бартлетт с Кейси последовали за ним. Внизу, забираясь в свой «роллс-ройс» с водителем, Данросс пригласил:

– Садитесь. Мне нужно спешить, но машина доставит вас в отель.

– Нет, ничего страшного, мы возьмем такси...

– Нет-нет, садитесь. В такой дождь вы прождете добрых полчаса.

---

²² Игра слов: английское выражение *make a killing* означает не только «сорвать куш», но и «завалить зверя на охоте».

– Нам только до парома, тайбань, – сказала Кейси. – Мы на нем доберемся. Американцы сели, и автомобиль тронулся, влившись в поток других машин.

– Что вы собираетесь предпринять в отношении Горнта? – спросил Бартлетт.

Данросс усмехнулся, а Кейси с Бартлеттом старались понять, действительно ли у него есть основания для этого.

– Собираюсь выждать, – промолвил он. – Терпеть – старый китайский обычай. Все приходит к тому, кто выжидает. Спасибо, что ничего не сказали про нашу сделку. У вас это получилось довольно естественно.

– Вы объявите об этом завтра после закрытия биржи, как и планировали? – спросил Бартлетт.

– Мне хотелось бы иметь свободу выбора. Я этот рынок знаю, а вы – нет. Возможно, завтра. – Данросс посмотрел им обоим прямо в лицо. – А может, подожду до вторника, когда мы уже все подпишем. Я так понимаю, наша договоренность остается в силе? До полуночи во вторник?

– Да, конечно, – подтвердила Кейси.

– Можно мне оставить решение за собой? Вам я сообщу заранее, но мне, может быть, понадобится рассчитать время для... для маневра.

– Конечно.

– Благодарю вас. Разумеется, если нас «солют», никакой сделки не будет. Я понимаю это вполне четко.

– Горнт может получить контрольный пакет? – спросила Кейси. Оба заметили перемену в шотландце. Улыбка все так же играла у него на губах, но глаза уже не улыбались.

– По сути дела, нет, но, заполучив достаточное количество акций, он, конечно, может войти в совет директоров и сместить весь его нынешний состав. А как только он окажется в совете директоров, ему станет известна большая часть наших секретов, и он примется дробить и разрушать компанию. – Данросс обернулся к Кейси. – Он нацелен на разрушение.

– Из-за прошлого?

– Отчасти. – Данросс улыбнулся, и на сей раз за улыбкой проступила глубоко спрятанная усталость. – Ставки высоки, на карту поставлена репутация, огромная репутация, и это Гонконг. Сильные здесь выживают, слабые гибнут, и правительство никого не защищает, но и не залезает к тебе в карман. Если кому-то не нужна свобода или не нравятся наши правила, а скорее, их отсутствие, нечего сюда приезжать. Вы ведь приехали, чтобы получить прибыль, хейя? – Он наблюдал за Бартлеттом. – И вы получите ее, так или иначе.

– Да, – вежливо согласился Бартлетт, а Кейси подумала, насколько Данросс осведомлен о договоренности с Горнтом. От этой мысли ей стало не по себе.

– Да, наша цель – прибыль, – признала она. – Но не разрушение.

– Это мудро, – оценил он. – Лучше созидать, а не разрушать. О, кстати, Жак спрашивал, не желаете ли вы поужинать с ним сегодня, где-то около половины девятого. Я не могу, у меня официальное мероприятие с губернатором, но попозже можно встретиться, пропустить по одной.

– Спасибо, но сегодня я не могу, – отказался Бартлетт, и голос его прозвучал как ни в чем не бывало, хотя при внезапной мысли об Орланде ему сделалось не по себе. – А ты, Кейси?

– Нет-нет, спасибо. Меня еще ждет целая кipa документов. Тайбань, нельзя ли перенести это на другой раз? – Ее устраивало и то, как мудро поступил тайбань, воздержавшись от комментариев, и такое же мудрое решение Бартлетта притормозить на время со «Струанз». «Да, – мечтала она про себя, отвлекшись, – вот было бы славно поужинать с Линком, только вдвоем. Может, нам даже удастся сходить в кино».

Данросс вошел в свой офис.

– О... о, привет, тайбань! – воскликнула Клаудиа. – Мистер и миссис Кирк внизу в приемной. Заявление Билла Форстера с просьбой об увольнении у вас в лотке «Входящие».

– Хорошо. Клаудиа, мне нужно обязательно встретиться с Линбаром до его отъезда. – Он пристально смотрел на нее и, хотя она изо всех сил старалась скрыть свои эмоции, почувствовал, что ей страшно.

Страх витал во всем здании. Все храбрились, но прежней уверенности уже не было. «Если нет веры в военачальника, – писал Сунь-цзы, – нельзя выиграть ни одной битвы, сколько бы ни было воинов и оружия».

Охваченный беспокойством, Данросс снова стал обдумывать план действий и положение дел. Он понимал, что возможных ходов очень немного, что единственная настоящая защита – это нападение и что без солидных средств перейти в атаку он не может. Сегодня утром на встрече с Ландо Матой он услышал лишь неохотное «возможно».

– Я же говорил, мне нужно сначала посоветоваться с Прижимистым Дуном. Я уже оставлял ему сообщения, но мне никак его не поймать.

– Он в Макао?

– Думаю, да. Сказал, что приедет сегодня, но не знаю, на каком пароме. Я действительно не знаю, тайбань. Если его не будет на последнем пароме в нашу сторону, я вернусь в Макао и немедленно встречу с ним – при условии, что найду. Позвоню тебе сегодня вечером, сразу после встречи с ним. Кстати, ты не подумал еще раз насчет обоих наших предложений?

– Подумал. Я не могу продать вам контрольный пакет «Струанз». И не могу оставить «Струанз», чтобы заниматься игорным бизнесом в Макао.

– С нашими деньгами ты отобьешь атаку Горнта, ты...

– Уступить контрольный пакет я не могу.

– Можно и объединить оба предложения. Мы поддержим тебя против Горнта в обмен на контрольный пакет «Струанз», а ты будешь управлять нашим игорным синдикатом, тайно, если тебе так хочется. Да, можно и тайно...

Данросс заерзал в своем покойном кресле. Он был уверен: Ландо Мата с Прижимистым хотят воспользоваться тем, что он попал в ловушку. «Как и Бартлетт с Кейси, – беззлобно подумал он. – Какая все же интересная женщина. Красивая, смелая и преданная – Бартлетту. Интересно, знает ли она, что Линк сегодня завтракал с Орландой, а потом был у нее в квартире? Интересно, знают ли они, что мне известно об этих двух миллионах из Швейцарии? Бартлетт неглуп, очень неглуп, и ходы делает правильные, но он широко открыт для атаки, потому что предсказуем, и его слабое место – некая азиатка. Может, это Орланда, может, нет, но наверняка какая-нибудь полная молодости мисс Золотистая Кожа. Квиллан неплохо придумал – использовать ее как наживку. Да, Орланда – прекрасная наживка». Потом он вернулся мыслями к Мате с его миллионами. «Чтобы получить эти миллионы, мне придется нарушить клятву, а этого я не сделаю».

– Кто мне звонил, Клаудиа? – спросил он, ощутив вдруг, как похолодело все внутри. Мата с Прижимистым были единственной его козырной картой.

Она задумалась и глянула на список.

– Звонил напрямую из Токио Хиро Тода. Просил перезвонить, когда у вас будет время. А также Аластэр Струан из Эдинбурга, Дэвид Мак-Струан из Торонто, ваш отец из Эра, старый сэр Росс Струан из Ниццы...

– Дядя Трасслер из Лондона, – проговорил он, прерывая ее, – дядя Келли из Дублина, кузен Купер из Атланты, ку...

– Из Нью-Йорка, – поправила Клаудиа.

– Из Нью-Йорка. Плохие вести разносятся быстро, – спокойно попытожил он.

– Да. Потом еще... – У нее в глазах появились слезы. – Что мы будем делать?

– Ну уж точно не плакать, – объявил он, зная, что бо́льшая часть сбережений Клаудиа вложена в акции «Струанз».

– Да! О да. – Она шмыгнула носом и вынула носовой платок, переживая за него и в то же время благодаря богов. Во-первых, за то, что поступила прозорливо и продала свои акции, когда они еще были в цене. А во-вторых, за то, что не последовала совету главы дома Чэнь, когда тот шепнул всем членам клана, что нужно покупать бумаги «Струанз» в больших количествах.

– *Айийя*, тайбань, виновата. Я так виновата, простите меня... да. Но ведь все очень плохо, да?

– Ох, верно, девонька, – пропел он с подчеркнутым шотландским акцентом, – только когда помрешь. Не так ли говаривал старый тайбань? – Старым тайбанем называли сэра Росса Струана, отца Аластэра, первого тайбаня, которого помнил Данросс. – Кто еще звонил?

– Кузен Керн из Хьюстона и кузен Дикс из Сиднея. Из родственников – всё.

– Это все они и есть. – Данросс вздохнул.

Семьи звонивших продолжали контролировать Благородный Дом. У каждой был переданный им пакет акций, хотя по законам дома этими акциями голосовал он один – пока был тайбанем. Активы семьи Данросс, унаследованные от дочери Дирка Струана Уинифред, составляли десять процентов; у Струанов – наследников Робба Струана, сводного брата Дирка, – было пять процентов; у Трасслеров и Келли – отпрысков младшей дочери Кулума и «Карги» Струан – пять процентов; у Куперов, Кернов и Дерби, ведущих свой род от американского коммерсанта Джеффа Купера из компании «Купер-Тиллман», который всю жизнь дружил с Дирком и женился на старшей дочери «Карги» Струан, – по пять процентов у каждого; у Мак-Струанов, которые считались незаконнорожденными потомками Дирка, – два с половиной процента и у Чэней – семь с половиной.

Основная часть акций – пятьдесят процентов, личная собственность и наследство «Карги» Струан, – была оставлена в бессрочное управление действующему тайбаню, кем бы он (или она) ни был. Прибыль от этого ежегодно делится следующим образом: пятьдесят процентов тайбаню, а остальное – каждой семье пропорционально их активам, но только по решению тайбаня — так было написано ее твердым размашистым почерком. Если он решит отказать семье в прибыли от моих акций по любой причине, этот прибыль зачисляется в личный фонд тайбаня и может быть использован на любые цели, какие он сочтет нужными. Но пусть все последующие тайбани знают: Благородный Дом должно передавать из одних надежных рук в другие надежные руки, а все кланы переводить из одной безопасной гавани в другую, как определено самим тайбанем, или, клянусь перед Богом, я добавлю свое проклятие к его и оно падет на того, кто подведет нас...

По спине Данросса пробежал холодок, когда он вспомнил, как в первый раз прочитал ее завещание – такое же властное, как и завет Дирка Струана.

«Почему так действуют на нас эти двое? – снова вопрошал он себя. – Почему мы не можем отрешиться от прошлого? Почему по-прежнему должны повиноваться призракам, к тому же не очень добрым?

Я не повинуюсь, – твердо заявил он себе. – Я лишь стараюсь придерживаться определенных ими стандартов».

Он снова посмотрел на Клаудиа: почтенная матрона, крепкая и очень собранная, сейчас она была очень испугана, испугана впервые. Он знал ее всю жизнь, она служила старому сэру Россу, потом его отцу, потом Аластэру и теперь ему с фанатической преданностью, как Филипп Чэнь.

«Ах, Филипп, бедный Филипп...»

– Филипп звонил? – спросил он.

– Да, тайбань. И Диана. Она звонила четыре раза.

– Кто еще?

– Человек двенадцать или больше. Самые важные – это Джонджон из банка, генерал Жэнь с Тайваня, Гэваллан-рёге²³ из Парижа, Четырехпалый У, Паг...

– Четырехпалый? – переспросил Данросс, окрыленный надеждой. – Когда он звонил?

Она справилась по списку:

– В четырнадцать пятьдесят шесть.

«Может, старый пират передумал?» – завокнулся Данросс.

Вчера днем он ездил в Абердин к У, чтобы просить о помощи, но, как и от Ландо Маты, получил лишь неясные обещания.

– Послушай, Старый Друг, – сказал Данросс Четырехпалому на неуверенном хакка, – я никогда раньше не обращался к тебе за услугой.

– В течение многих лет твои предки, тайбань, просили о многих услугах и получали огромные прибыли с помощью моих предков, – ответил старик, стреляя хитрыми глазками. – Услуги? Эти всех собак, тайбань, у меня нет столько денег. Двадцать миллионов? Откуда столько денег у бедного рыбака?

– Вчера из «Хо-Пак» ушло больше, Старый Друг.

– *Айийя*, эти их всех, кто передает шепотом неверные сведения! Может, я и благополучно изъясил свои деньги, но их уже нет. Они ушли на оплату товара, товара, за который я был должен.

– Надеюсь, не за «белый порошок», – мрачно проговорил Данросс. – «Белый порошок» – ужасный джосс. Ходят слухи, что ты им интересуешься. Как друг, не советую этим заниматься. Оба моих предка – Старый Зеленоглазый Дьявол и «Карга» Струан с Дурным Глазом и Зубами Дракона – наложили проклятие на тех, кто имеет дело с «белым порошком», не на опиум, а на все «белые порошки» и на всех, кто имеет с ними дело. – Он, конечно, чуть добавил от себя, зная, как суверен старик. – Советую не иметь дела с «убивающим порошком». Ведь твой бизнес с золотом, вне сомнения, более чем прибылен.

– Я ничего не знаю про «белый порошок». – Старик выдавил из себя улыбку, показав десны и несколько кривых зубов. – И не боюсь проклятий, даже от них!

– Хорошо, – похвалил Данросс, зная, что это ложь. – А пока помоги мне получить кредит. Пятьдесят миллионов на три дня – это все, что надо!

– Я поспрашиваю друзей, тайбань. Может, они и помогут или мы вместе. Но не думай, что можно набрать воды из пустого колодца. Под какой процент?

– Под высокий процент, если завтра.

– Невозможно, тайбань.

– Уговори Прижимистого, ты же его компаньон и старый друг.

– У Прижимистого только один, эти его, друг – сам Прижимистый, – угрюмо ответил старик и продолжал стоять на своем...

Данросс потянулся за телефонной трубкой.

– Какие еще были звонки, Клаудиа? – спросил он, набирая номер.

– Джонджон из банка, Филлип и Диана... О, про них я уже говорила... Суперинтендент Кросс, потом все наши значительные акционеры и все управляющие директора всех дочерних компаний, большая часть членов Скакового клуба... Травкин, ваш тренер. Ну просто конца нет...

– Минуточку, Клаудиа. – Справившись с волнением, Данросс произнес в трубку на хакка: – Это тайбань. Мой Старый Друг у себя?

– Конечно, конечно, мистер Данросс, – вежливо ответили ему по-английски с американским акцентом. – Спасибо, что перезвонили. Сейчас он подойдет, сэр.

– Мистер Чой, мистер Пол Чой?

---

²³ Отец (*фр.*).

– Да, сэр.

– Ваш дядя рассказал мне все про вас. Добро пожаловать в Гонконг.

– Я... вот он, сэр.

– Спасибо. – Данросс сосредоточился. «Почему Пол Чой сейчас с Четырехпалым, а не внедряется вовсю в дела Горнта? Почему звонил Кросс? И почему Джонджон?»

– Тайбань?

– Да, Старый Друг. Ты хотел поговорить со мной?

– Да. Можем... можем встретиться сегодня вечером?

«Ты что, передумал?» – хотелось закричать Данроссу. Но приличия не позволяли, да и китайцы не жаловали разговоры по телефону, предпочитая им личные встречи.

– Конечно. Около восьми склянок, в ночную вахту, – как ни в чем не бывало предложил Данросс. Около полуночи. – Раньше никак не смогу, – добавил он, вспомнив, что в 22:45 встречается с Брайаном Квоком.

– Хорошо. Моя пристань. Будет ждать сампан.

Данросс положил трубку. Сердце колотилось.

– Клаудиа, сначала Кросса, а потом пригласите Кирков. Затем пройдемся по списку. Договоритесь о конференции по телефону с моим отцом, Алостэром и сэром Россом, назначьте ее на пять, у них это девять и десять в Ницце. Дэвиду и остальным в Штатах я позвоню сегодня вечером. Не стоит поднимать их среди ночи.

– Хорошо, тайбань. – Клаудиа уже набирала номер. Она попросила Кросса, передала трубку Данроссу и вышла, закрыв за собой дверь.

– Да, Роджер?

– Сколько раз вы были в Китае?

Вопрос застал Данросса врасплох.

– Это все зафиксировано. Вы легко можете проверить.

– Да, Иэн, но не могли бы вы припомнить сейчас. Пожалуйста.

– Четыре раза в Кантоне, на ежегодной ярмарке, – это за последние четыре года. А один раз в Пекине с торговой комиссией в прошлом году.

– Вам когда-нибудь удавалось выезжать за пределы Кантона или Пекина?

– А что?

– Удавалось?

Данросс задумался. У Благородного Дома было немало давних связей с Китаем и много старых, облеченных доверием друзей. Некоторые стали убежденными коммунистами. Другие, присягнув на верность новой идеологии, внутри оставались стопроцентными китайцами, то есть дальновидными, скрытными и осторожными людьми, не склонными вмешиваться в политику. Все они занимали различное положение, а один даже состоял в Президиуме. И, будучи китайцами, все эти люди понимали, что история повторяется; что эры сменяют друг друга очень быстро; что сегодня утром ты император, а после полудня – *цзоу гоу*, раболепствующий прихвостень; что одна династия уступает место другой по прихоти богов; что, забираясь на «драконовый трон», основатель очередной династии не может не замарать рук в крови; что всегда нужно изыскивать путь для бегства, а еще что некоторые варвары остаются Старыми Другами, которым можно доверять.

Но самое главное, все китайцы – люди практичные. Китаю нужны товары и помощь. Без товаров и помощи он будет незащищен перед лицом традиционного и единственного настоящего врага – России.

Благодаря особому доверию, оказываемому Благородному Дому, к Данроссу неоднократно обращались, официально и неофициально, но всегда тайно. У него намечалось немало сделок с самой разной дефицитной техникой и товарами, в том числе контракт на поставку целого флота реактивных авиалайнеров. Он часто бывал там, куда не пускали других. Однажды

ездил на встречу в Ханчжоу, самое красивое место в Китае. На этой неофициальной, закрытой встрече его и других членов «Клуба-49» угощали на славу как почетных гостей Китая. В «Клуб-49» входили компании, продолжавшие торговать с Китаем после 1949 года, в основном английские фирмы. Великобритания признала правительство Мао Цзэдуна правительством Китая вскоре после бегства Чан Кайши с материка на Тайвань. Несмотря на это, отношения между правительствами двух стран оставались напряженными. Но, по определению, отношения между *Старыми Друзьями* такими не были, если только Старый Друг оправдывал доверие и не начинал жульничать.

– О, у меня было несколько отклонений от маршрута, – беззаботно сказал Данросс, не желая лгать шефу Эс-ай. – Ничего особенного. А что?

– Пожалуйста, не могли бы вы сказать, куда ездили?

– Конечно, Роджер, если выразитесь поконкретнее. – Голос его зазвучал жестче. – Мы торговцы, а не политики и не шпионы. Благородный Дом занимает особое положение в Азии. Мы здесь уже много лет. Именно благодаря торговцам «Юнион Джек» развевается над... развевался над половиной мира. Что вы имели в виду, старина?

Последовала длинная пауза.

– Ничего, ничего особенного. Очень хорошо, Иэн. Я подожду, пока мы будем иметь удовольствие прочитать бумаги, а потом буду говорить конкретно. Спасибо, извините за беспокойство. Пока.

Встревоженный Данросс пристально смотрел на телефон. Что надо этому Кроссу? Нет сомнения, что многие сделки, которые он, Данросс, заключил и будет заключать, не укладываются в рамки официальной правительственной политики Лондона или тем более Вашингтона. Ясно, что его краткосрочные и долгосрочные планы в отношении Китая совершенно отличны от их намерений. То, что они считали контрабандой, он не считал таковой.

«Ну что ж, пока я тайбань, – твердо сказал он себе, – будь что будет. Наши связи с Китаем не прервутся, и всё на этом. Большинство политиков в Лондоне и Вашингтоне просто не понимают, что китайцы прежде всего китайцы, а потом уже коммунисты. А Гонконг – жизненно важный для мира центр Азии».

– Мистер и миссис Джейми Кирк, сэр.

У Джейми Кирка, маленького человечка педантичного вида, было розовое лицо и розовые руки. Говорил он с милым шотландским акцентом. Жена его оказалась рослой крупной американкой.

– О, нам так приятно по... – начал было Кирк.

– Да, нам очень приятно, мистер Данросс, – перебив Кирка, добродушно загудела его жена. – Давай ближе к делу, Джейми, милый. Мистер Данросс – человек очень занятой, а нам еще нужно кое-что купить. У моего мужа пакет для вас, сэр.

– Да, он от Алана Медфорда Гра...

– Он знает, что пакет от Алана Медфорда Гранта, милый, – снова радостно перебила она. – Передай ему пакет.

– О... О да, и еще есть...

– Письмо, тоже от него. Мистер Данросс очень занят, поэтому передай это все ему, и мы можем идти по магазинам.

– О... Да, хорошо... – Кирк передал Данроссу пакет. Примерно четырнадцать дюймов на девять и с дюйм толщиной. Коричневый, какого-то неопределенного вида и весь обмотанный лентой. Конверт был опечатан красным сургучом. Данросс узнал печать. – Алан сказал пе...

– Вручить его вам лично и передать наилучшие пожелания, – снова улыбнулась жена Кирка и встала. – У тебя все так медленно, радость моя. Ну, спасибо, мистер Данросс, пойдем, мил...

Она испуганно осеклась, потому что Данросс повелительным жестом поднял руку и спросил абсолютно вежливо, но властно:

– Что бы вам хотелось купить, миссис Кирк?

– А? О, что-нибудь из одежды... э-э... мне нужно кое-что из готовой одежды, а Джейми – кое-какие рубашки и...

Данросс снова поднял руку и нажал на кнопку. Появилась Клаудиа.

– Сейчас же проводите миссис Кирк к Сандре Ли. Она должна немедленно отвести нашу гостью вниз к Ли Футапу. И ради господ бога, скажите ему, чтобы не думал взвинчивать цены, иначе я позабочусь, чтобы его депортировали! Мистер Кирк присоединится к супруге через минуту! – Он взял миссис Кирк под руку, и не успела она понять, в чем дело, как уже, удовлетворенная, оказалась вне комнаты, где Клаудиа внимательно выслушала, что она хотела бы купить.

Кирк молча вздохнул. Вздох был глубокий и выстраданный.

– Вот бы мне так, – мрачно проговорил он, а потом просиял: – Ох да, тайбань, вы во всем такой, как рассказывал Алан.

– Вот как? А что я такого сделал? Ведь ваша жена хотела пойти по магазинам, верно?

– Да, но... – Кирк помолчал. – Алан сказал, что вы должны... э-э... вы должны прочитать письмо в моем присутствии. Я... я ей этого не говорил. Вы считаете, нужно было?

– Нет, – добродушно сказал Данросс. – Послушайте, мистер Кирк. Прошу прощения за плохие новости, но, видите ли, какое дело, АМГ погиб в прошлый понедельник, управляя мотоциклом.

У Кирка раскрылся рот:

– Что?

– Извините, что приходится говорить такое, но я подумал, что вам лучше знать.

Кирк сидел, задумчиво уставившись на струйки дождя на оконном стекле.

– Какой ужас, – через некоторое время произнес он. – Проклятые мотоциклы, гиблое дело. Его сбила машина?

– Нет. Его просто нашли на дороге рядом с мотоциклом. Извините.

– Ужасно! Бедный старина Алан. Боже, боже мой! Я рад, что вы не сказали этого при Фрэнсис. Она... она тоже очень хорошо к нему относилась. Я... э-э... я... может, вы лучше прочтаете письмо, и тогда... Не то чтобы они с Фрэнсис были большие друзья, так что я не... бедный старина Алан!

Чтобы дать Кирку время, Данросс вскрыл письмо. В нем говорилось:

Дорогой мистер Данросс, рекомендую Вам моего старого школьного друга Джейми Кирка и его жену Фрэнсис. Пакет, который привезет Джейми, прошу открыть без свидетелей. Я хотел, чтобы он благополучно попал в Ваши руки, и Джейми любезно согласился сделать остановку в Гонконге. Ему можно доверять, насколько в наши дни вообще кому-то можно доверять. И пожалуйста, не обращайтесь на Фрэнсис. На самом деле она человек неплохой, хорошо относится к моему старому другу и довольно обеспечена за счет своих прежних мужей, что дает Джейми необходимую ему свободу посидеть и подумать – редкая, очень редкая привилегия в наше время. Кстати, они не имеют к моей работе никакого отношения, хотя знают, что я историк-любитель и у меня свои источники.

Здесь Данросс улыбнулся бы, если бы не знал, что автора письма уже не было в живых. Далее было написано:

Джейми – геолог, он занимается морской геологией и в своей области один из лучших в мире специалистов. Поспрашивайте его о работе, особенно последних лет, желательно в отсутствие Фрэнсис: не то что она не в курсе, просто немного несдержанна. У него есть несколько интересных теорий, которые, возможно, будут полезны для Благородного Дома и вашего планирования непредвиденных обстоятельств. С самыми добрыми пожеланиями, А. М. Г.

Данросс поднял глаза от письма:

– По словам АМГ, вы старые школьные друзья?

– О да. Да, мы учились вместе в школе. В Чартерхаусе²⁴. Потом я пошел учиться дальше в Кембридж, а он – в Оксфорд. Да. Мы... э-э... все эти годы поддерживали контакт друг с другом, при случае, конечно. Да. А вы... э-э... давно с ним знакомы?

– Около трех лет. Он мне тоже нравился. Может, вы не хотите сейчас говорить?

– О... О нет, ничего. Я... я, конечно, потрясен, но что поделаешь, жизнь должна идти дальше. Старина Алан... он такой смешной, верно? Со всеми этими его бумагами и книгами, трубкой и пеплом и домашними тапочками. – Кирк печально переплел пальцы рук. – Полагаю, мне следовало сказать, он *был*. И все же, наверное, неправильно говорить о нем в прошедшем времени... Но, полагаю, нам следует так говорить. Да. Он всегда носил домашние тапочки. Мне кажется, всякий раз, когда я навещал его, он непременно был в домашних тапочках.

– Вы имеете в виду его квартиру? Я там никогда не был. Мы всегда встречались в моем лондонском офисе, хотя однажды он приезжал в Эр. – Данросс порылся в памяти. – Не припомню, чтобы он носил там домашние тапочки.

– Ах да! Он рассказывал об Эре, мистер Данросс. Да, он мне рассказывал. Это был... э-э... светлый момент в его жизни. Вы... вам повезло, что у вас такое поместье.

– Эвисьярд-Касл мне не принадлежит, мистер Кирк, хотя моя семья владеет им уже больше сотни лет. Его приобрел для жены и своей семьи Дирк Струан – дом на природе, так сказать. – Как и всегда, Данросс вдруг ощутил волнение, вспомнив об этих прелестных местах: мягкая покатость холмов, озера, пустоши, леса, поляны, шесть тысяч акров или даже больше, есть где пострелять, поохотиться, Шотландия во всей своей красе. – Тайбань у нас по традиции является и лэрдом Эвисьярда – пока он тайбань. Но конечно же, все семьи, и особенно дети разных семей, прекрасно знают это место. Летние каникулы... У нас замечательная традиция собираться в Эвисьярде на Рождество. Зажаренная целиком овца и говяжья грудинка, хаггис²⁵ на Новый год, виски и ревущее пламя огромных костров, звуки волынки. Замечательное место. А еще действующая ферма, коровы, молоко, масло и винокуренный заводик Лох-Вэй! Хотел бы я проводить там больше времени. Только сегодня туда уехала моя жена, чтобы приготовить все для рождественских каникул. Вам знакомы те места?

– Немного. Шотландское нагорье я знаю лучше. Моя семья из Инвернесса²⁶.

– А, тогда вы должны заехать к нам, когда мы будем в Эре, мистер Кирк. АМГ в своем письме говорит, что вы геолог, один из лучших в мире?

– О... О, он слишком любезен – был слишком любезен. Моя... э-э... специализация – морская геология. Да. С особенным акцен... – Он вдруг осекся.

– Что случилось?

– Ох... э-э... ничего, вообще-то, ничего. Но как вы считаете, с Фрэнсис все будет в порядке?

– Абсолютно. Вы хотите, чтобы я сказал ей про АМГ?

– Нет. Нет, я могу сделать это позже. Нет, я... я тут поразмыслил, мистер Данросс, и думаю, что буду вести себя так, будто он не умер. Вам не нужно было говорить мне, и тогда мне не пришлось бы портить ей праздник. Да. Так будет лучше всего, как вы считаете? – Лицо Кирка немного просветлело. – Тогда мы сможем узнать эту плохую новость, когда вернемся домой.

– Как скажете. Так что вы говорили? С особенным акцентом на...

---

²⁴ *Чартерхаус* – одна из привилегированных английских школ близ Лондона.

²⁵ *Хаггис* – традиционное шотландское блюдо; бараний рубец, начиненный потрохами со специями.

²⁶ *Инвернесс* – город на Шотландском нагорье в устье реки Несс, которая вытекает из расположенного неподалеку знаменитого озера Лох-Несс.

– О да!.. На петрологию, а это, конечно, общее изучение скальных пород, включая их расшифровку и описание. В рамках петрологии область моих интересов с недавних пор сузилась до осадочных скальных пород. Последние несколько лет я... э-э... был консультантом в одном проекте по изучению осадочных пород палеозойской эры, пористых осадочных пород. Да. Эти изыскания касались в основном морского шельфа у восточного побережья Шотландии. АМГ считал, что вас это могло бы заинтересовать.

– Конечно. – Данросс подавил нетерпение. Ему было не оторвать глаз от лежащего на столе пакета. Хотелось вскрыть его, позвонить Джонджону и заняться десятком других неотложных дел. Еще так много нужно было сделать. И какую связь усмотрел АМГ между Благородным Домом и Кирком? – Звучит интригующе, – заметил он. – А какую практическую цель преследуют эти изыскания?

– А? – Кирк удивленно уставился на него. – Углеводороды. – Увидев, что Данроссу это ничего не говорит, он торопливо добавил: – Углеводороды находят лишь в пористых осадочных скальных породах палеозойской эры. Нефть, мистер Данросс, сырая нефть.

– О! Вы занимались поисками нефти?

– О нет! Целью исследовательского проекта было определение вероятности залегания углеводородов на дне моря. У берегов Шотландии. Рад сообщить, что, по моему мнению, там их будет в избытке. Не у берега, а дальше, в Северном море. – Розовое лицо маленького человека еще больше порозовело, и он вытер лоб. – Да. Да, я считаю, что там будет найдено довольно много хороших месторождений нефти.

Данросс недоумевал, по-прежнему не видя связи.

– Что ж, я немного знаю о добыче нефти в открытом море на Ближнем Востоке и в Техаском заливе, но в Северном море? Боже мой, мистер Кирк, это же самое неблагоприятное для плавания море. Вероятно, самое непостоянное в мире. Там всегда шторм и громадные волны. Как там можно бурить? Как обезопасить буровые установки, организовать их снабжение, как доставлять нефть наливом на берег, даже если она будет обнаружена? Боюсь, ее стоимость окажется чрезмерно велика.

– О, совершенно верно, мистер Данросс, – согласился Кирк. – Все, что вы говорите, совершенно верно, но я коммерцией не занимаюсь, я лишь ищу наши трудноуловимые, чрезвычайно ценные углеводороды. – И он с гордостью добавил: – Мы первые пришли к заключению, что они там могут быть. Конечно, все это пока лишь теория, моя теория, – никогда нельзя знать наверняка, пока не произведено бурение. Я еще отчасти занимался анализом сейсмической активности, то есть изучением волн, возникающих при вызванных чем-то взрывах, и мой подход к последним открытиям несколько неортодоксален...

Данросс слушал теперь вполуха, по-прежнему пытаясь разгадать, почему АМГ счел все это заслуживающим внимания. Он позволил Кирку еще какое-то время поговорить, а затем вежливо вернул его к действительности.

– Вы убедили меня, мистер Кирк. Я вас поздравляю. Вы долго пробудете в Гонконге?

– Ох... О, только до понедельника. Затем... э-э... затем мы отправляемся в Новую Гвинею.

Весьма озабоченный, Данросс сосредоточился.

– Куда именно в Новой Гвинее?

– В одно место под названием Суканапура, на северном побережье, это в той части, что недавно стала индонезийской. Я был... – Кирк улыбнулся. – Извините, вы, конечно, знаете, что в мае президент Сукарно²⁷ взял в свои руки управление голландской Новой Гвинеей²⁸.

---

²⁷ Сукарно (1901–1970) – первый президент Индонезии (1945–1967).

²⁸ В 1949 г. большая часть голландской Ост-Индии, куда входила Новая Гвинея, стала независимой под названием Индонезия, а в декабре 1961 г. ее войска вторглись в западную Новую Гвинею. После вооруженного конфликта с голландцами и двухлетней администрации ООН в мае 1963 г. западная Новая Гвинея передана Индонезии.

– Проще говоря, он прибрал к рукам эту территорию. Если бы не дополнительное неразумное давление со стороны США, голландская Новая Гвинея осталась бы голландской и, как мне кажется, процветала бы куда больше. Я считаю, ехать туда сейчас – далеко не лучшая идея. Там все очень непросто, политическая ситуация нестабильна, и президент Сукарно относится к нам недружелюбно. Индонезия инспирировала и поддерживает восстание на Сараваке²⁹. Сукарно настроен очень враждебно к странам Запада, ко всей Малайзии³⁰ и выступает за своих марксистов³¹. Кроме того, в Суканапуре, в этом паршивом порту, очень жарко и неудобно, а помимо всех остальных напастей там еще полно всевозможных болезней.

– О, вам не стоит беспокоиться, у меня конституция шотландца, и мы приглашены правительством.

– Я хочу сказать, что в настоящее время правительственное влияние там очень невелико.

– Ах, но там есть кое-какие очень интересные осадочные породы. Им хотелось бы, чтобы я взглянул на них. Вам не стоит беспокоиться, мистер Данросс, мы, геологи, к политике отношения не имеем. Все уже подготовлено – собственно, за этим мы туда и направляемся, – и волноваться не стоит. Ну, мне пора.

– Будет... я устраиваю небольшой прием с коктейлями в субботу вечером. Не желаете прийти с женой? Тогда мы могли бы продолжить разговор о Новой Гвинее.

– Ох, о, это так любезно с вашей стороны. Я... э-э... мы с удовольствием. Где...

– Я пришлю за вами машину. А теперь вы, наверное, хотели бы присоединиться к миссис Кирк. Я не буду говорить об АМГ, если вы действительно того хотите.

– Ох! О да. Бедный Алан. На какой-то момент за всеми этими осадочными отложениями я и забыл про него. Забавно, верно, как быстро все забывается?

Отослав его с другим помощником, Данросс закрыл дверь. Он осторожно сломал печати на пакете АМГ. Внутри был конверт и еще один пакет. На конверте было написано: *Иэну Данросу, лично в руки*. В отличие от другого, аккуратно написанного от руки, это письмо было отпечатано на машинке:

Уважаемый мистер Данросс, посылаю это письмо с оказией, через моего старого друга Джейми. Я только что получил кое-какие весьма неприятные известия. Где-то в нашей системе, британской или американской, случилась еще одна серьезная утечка информации, и становится ясно, что масштаб тайных нападков наших противников растет. Кое-что из этого может выплеснуться и на меня, и даже на вас – отсюда и мое беспокойство. На вас, потому что раскрыто существование серии наших сверхсекретных документов. Если со мной случится что-нибудь непредвиденное, прошу позвонить в Женеву по телефону 871-65-65. Спросите госпожу Рико Грессерхофф. Для нее я – Ганс Грессерхофф. Ее настоящее имя – Рико Андзин. Она говорит по-немецки, по-японски, по-английски и немного по-французски, и если мне причитаются какие-то деньги, прошу вручить их ей. Она передаст вам кое-какие бумаги, некоторые для пересылки. Прошу вручить их лично, когда это вам будет удобно. Как я уже упоминал, очень редко находишь человека, которому можно доверять. Вам я доверяю. Вы единственный

---

²⁹ *Саравак* – бывшая английская колония, один из двух штатов Малайзии на северо-западе острова Калимантан (Борнео). Видимо, имеется в виду восстание в Брунее (см. ниже).

³⁰ Индонезия, одна из провинций которой – Калимантан – занимает южную часть Борнео, выступала против включения бывших английских колоний на острове в состав Федерации Малайзия (образована в сентябре 1963 г.). В декабре 1962 г. в Брунее, тогда английском протекторате, при поддержке Индонезии т. н. Национальная армия Северного Калимантана предприняла попытку захвата султана Брунея, нефтяных месторождений и заложников-европейцев. К апрелю 1963 г. восстание подавили английские войска.

³¹ После 1956 г. Сукарно, расширивший связи с Китаем и допустивший коммунистов в правительство, стал все больше опираться на армию и компартию и рассматривать КНР и КНДР как союзников. Прокоммунистические воззрения Сукарно и связи с Китаем и СССР могли стать причиной его свержения. В результате начавшихся после переворота 1965 г. преследований коммунистов было убито полмиллиона индонезийцев и пострадало немало этнических китайцев.

человек на земле, кто знает о ней и знает ее настоящее имя. Помните: жизненно важно, чтобы ни это письмо, ни мои предшествующие бумаги не попали от вас никому.

Сначала объясню про Кирка. Я считаю, что лет через десять арабские страны предадут забвению свои разногласия и используют реальную власть, которой обладают, не против Израиля непосредственно, а против всего западного мира и поставят нас в невыносимую ситуацию: или мы отказываемся от Израиля... или переходим на «голодный паек». В качестве орудия шантажа они используют нефть.

Если горстка шейхов и феодальных правителей Саудовской Аравии, Ирана, государств Персидского залива, Ирака, Ливии когда-нибудь сможет действовать заодно, в их власти будет прекратить поставки в страны Запада и в Японию единственного сырья, без которого нельзя обойтись. Они могут прибегнуть даже к еще одному более изощренному приему: поднять цены на беспрецедентную высоту и требовать выкупа от наших стран. Для арабского мира нефть – последнее оружие. И нам, пока мы зависим от их нефти, противопоставить этому нечего. Отсюда мой живой интерес к теоретическим выкладкам Кирка.

На сегодняшний день стоимость подъема на поверхность в арабской пустыне одного барреля нефти составляет около восьми американских центов. В Северном море доставка одного барреля до берега в Шотландию, при оптовых поставках, будет стоить семь долларов. А если стоимость арабской нефти подскочит на мировом рынке от сегодняшних трех долларов за баррель до девяти... Уверен, вы сразу поймете, к чему я веду. Добыча нефти в Северном море тут же представляется очень даже возможной и становится одним из источников пополнения британских национальных богатств.

Джейми утверждает, что нефтяные месторождения расположены к северу и востоку от Шотландии. Будет логично переваливать нефть на берег в порту Абердина³². Человек мудрый начал бы присматриваться в Абердине к причалам, недвижимости, аэропортам. Насчет плохой погоды беспокоиться не надо: связь с нефтяными вышками будет осуществляться вертолетами. Дорого – да, но практически осуществимо. Далее, если вы принимаете мой прогноз, что из-за скандала с Профьюмо на следующих выборах победят лейбористы...

Материалами об этом деле были заполнены все газеты. Шесть месяцев назад, в марте, военный министр Джон Профьюмо официально отрицал связь с печально известной «девушкой по вызову» Кристин Килер – одной из нескольких девиц, которые вместе со своим сводником Стивеном Уордом (до этого он был известен в высшем обществе Лондона лишь как остеопат) вдруг прогремели по всему миру. Стали циркулировать неподтвержденные слухи, что эта особа одновременно поддерживала связь с советским атташе, известным агентом КГБ, капитаном первого ранга Евгением Ивановым, который в декабре предыдущего года был отозван в Россию. В результате поднявшегося скандала Профьюмо подал в отставку, а Стивен Уорд покончил жизнь самоубийством.

Интересно, что сведения об этой связи были раскрыты для прессы в самый благоприятный для Советов момент. У меня нет доказательств, пока, но, по моему мнению, это не просто совпадение. Вы же знаете, что Советы уже взяли себе за правило сначала разделять страны – Северная и Южная Корея, Восточная и Западная Германия и так далее, – а потом заставлять напичканных их теориями сателлитов работать за них. Поэтому я думаю, что просоветски настроенные социалисты помогут разделить Британию на Англию, Шотландию, Уэльс и Южную и Северную Ирландию (если присмотреться как следует к Эйре³³ и Северной Ирландии, то Советам уже есть где разгуляться).

---

³² *Абердин* – морской порт на северо-востоке Шотландии. Из-за большого объема добычи нефти в Северном море его сейчас называют «нефтяной столицей Европы».

³³ *Эйре* – официальное название острова и государства Ирландия в 1936–1948 гг. В 1949 г. провозглашена независимая Республика Ирландия.

Теперь что касается предлагаемого мной плана номер один для Благородного Дома на случай непредвиденных обстоятельств: относиться к Англии с оглядкой, выбрав в качестве основной базы Шотландию. Нефть Северного моря сделает Шотландию более чем самостоятельной в экономическом отношении. Население там небольшое, люди закаленные и националистически настроенные. Шотландия сейчас на практике может стать самостоятельным государством, способным обороняться, – с богатыми запасами нефти, которую можно экспортировать. Сильная Шотландия, вероятно, могла бы склонить чашу весов в свою сторону и помочь обветшавшей Англии... нашей бедной стране, мистер Данросс! Я сильно опасаюсь за Англию.

Возможно, это еще одна из моих надуманных теорий. Однако рассмотрите Шотландию, Абердин еще раз, в свете нового Северного моря.

– Это просто смешно! – взорвался Данросс, на миг оторвавшись от чтения. Мысли обуревали, но он предостерег себя: не заводишься с полуоборота!

«У АМГ иногда кое-что притянута за уши, он склонен к преувеличению, он крайне правый, империалист, под каждой кроватью ему мерещатся по пятнадцать красных. Но то, что он говорит, возможно. А если возможно, то это нужно непременно обдумать. Если и впрямь дойдет до глобального нефтяного кризиса, а мы будем к нему готовы, сможем заработать целое состояние, – говорил себе Данросс, и его возбуждение росло. – Сейчас купить недвижимость в Абердине не составит труда, и начать планомерное отступление из Лондона без всякого ущерба несложно. В Эдинбурге есть все неперенные атрибуты современного делового мира – банки, коммуникации, морские порты и аэропорты, – которые понадобятся нам для эффективной работы. Шотландия для шотландцев и огромные запасы нефти на экспорт? Абсолютно осуществимо, но без отделения, а в составе сильной Британии. Но если лондонский Сити, парламент и Треднидл-стрит будут отданы на откуп левым...»

Волосы у него на загривке встали дыбом при мысли о том, что левый социализм станет для Британии погребальной пеленой, саваном. «А Робин Грей? Или Джулиан Бродхерст? – спрашивал он себя, холодея. – Эти, без сомнения, все национализируют, заграбастают нефть Северного моря, если она будет найдена, а Гонконг положат под топор – сказали уже, что так и поступят».

Сделав над собой усилие, он отложил невеселые мысли на потом, перевернул страницу и стал читать дальше.

Далее: думаю, я выяснил личности троих агентов «Севрина» у вас. Эту информацию я получил не задешево – может быть, до Рождества мне потребуются дополнительные средства – и не совсем уверен в ее достоверности (я сразу стал перепроверять полученные сведения, понимая, насколько они важны для вас). Этими агентами якобы являются: Джейсон Пламм из компании «Эйшн пропертиз», Лайонел Тьюк из телефонной компании и Жак де Вилль из «Струанз»...

– Но это невозможно! – вырвалось у Данросса. – АМГ сошел с ума! И насчет Пламма невозможно, и насчет Жака абсолютно невозможно. Они ну никак не могут...

Зазвонил его личный телефон. Он автоматически снял трубку.

– Да?

– Это оператор международной связи. Мистера Данросса, пожалуйста.

– Извините, кто звонит? – рявкнул он.

– Согласен ли мистер Данросс оплатить звонок из Сиднея, Австралия, от некоего мистера Дункана Данросса?

Сердце тайбаня замерло.

– Конечно! Привет, Дункан... Дункан?

– Отец?

– Привет, сынок. У тебя все нормально?

– О да, сэр, абсолютно все! – услышал он голос сына, и волнение оставило его. – Извини, что звоню посреди рабочего дня, отец, но на мой рейс в понедельник все билеты проданы и...

– Проклятье, у тебя же подтвержденный заказ, парнишка. Я попрошу...

– Нет, отец, спасибо, ничего страшного нет. Я купил билет на рейс пораньше. Это шестой рейс Сингапурских авиалиний, он прибывает в Гонконг в полдень. Встречать меня не надо, не беспокойся, я возьму такси и...

– Ищи нашу машину, Дункан. Тебя будет ждать Ли Чой. Но перед тем как ехать домой, заскочи в офис, хорошо?

– Хорошо. Я оформил билеты и все остальное.

Сын говорил это с гордостью, и у Данросса стало тепло на душе.

– Хорошо. Молодец. Кстати, завтра на рейсе «Кантас» в двадцать ноль-ноль по вашему времени прилетает кузен Линбар. Он тоже остановится в доме. – С 1900 года у «Струанз» был дом в Сиднее, а с 1880-х годов – постоянный офис. «Карга» Струан стала тогда партнером чрезвычайно богатого фермера по имени Билл Скрэггер, который выращивал пшеницу, и их компания процветала до краха 1929 года. – Хорошо провел каникулы?

– О, потрясающе! Потрясающе. Да, я хочу снова приехать на будущий год. Отец, я познакомился с потрясающей девушкой.

– Вот как? – Данросс хотел улыбнуться, но другой половине его существа было никак не отрешиться от кошмарной возможности того, что Жак – предатель. Если это так и он входит в «Севрин», то не он ли выдал тайны из тайн компании Линку Бартлетту? «Нет, Жак не мог этого сделать. Он никак не мог знать о наших банковских активах. Кто знает об этом? Кто мог...»

– Отец?

– Да, Дункан.

Сын сначала колебался, а потом выпалил единым духом:

– А ничего, если у парня девушка немного старше?

Губы Данросса тронула улыбка, и он уже собрался отшутиться, потому что сыну было лишь пятнадцать, но потом вспомнил Изящную Яшму и себя: тогда ему не исполнилось и пятнадцати, но мужского в нем было больше, чем в Дункане. «Да не настолько уж и больше, – честно признался он себе. – Дункан – мальчик высокий, он растет, мужских качеств ему не занимать. И разве я не любил ее до безумия в том году и на следующий год? Ведь я чуть не умер на следующий год, когда она пропала».

– Ну что ж, – сказал он как равный равному, – вообще-то, все зависит от того, что это за девушка, сколько лет мужчине и сколько лет девушке.

– О... – Последовала длинная пауза. – Ей восемнадцать.

Данросс почувствовал огромное облегчение. «Значит, достаточно взрослая, чтобы не делать глупостей».

– Я сказал бы, это то, что надо, – произнес он тем же тоном. – Особенно если парню около шестнадцати, если он высокий, сильный и знает, что к чему в жизни.

– О... О, я не... ох! Я не стал бы...

– Я не развожу критику, парнишка, а лишь отвечаю на твой вопрос. Мужчине нужно быть осторожным в этом мире и подружек выбирать с умом. Где вы познакомились?

– Она была на ферме. Ее зовут Шейла.

Данросс постарался не выдать, что улыбается. «Шейла» в Австралии – имя нарицательное, примерно то же, что «берд» – «деваха», «бабенка» – в Англии.

– Милое имечко, – похвалил он. – И как ее фамилия?

– Шейла Скрэггер. Она племянница старого мистера Тома и приехала из Англии. Она учится на медсестру в Больнице Гая³⁴. Она все время так относилась ко мне, просто супер, и в Палдуне тоже просто супер.

Палдун, ферма Скрэггера, или «стейшн», как называют в Австралии овцеводческие хозяйства, была единственным имуществом, которое ему удалось спасти от краха. Она находилась в пятистах милях к юго-западу от Сиднея, близ реки Мюррей, где в Австралии выращивают рис. Шестьдесят тысяч акров земли, две тысячи акров под пшеницей, тридцать тысяч голов овец и тысяча – крупного рогатого скота. Замечательное место отдыха для молодого человека: работаешь весь день от восхода до захода солнца, пасешь овец или коров верхом; хоть двадцать миль скачи галопом в любом направлении, все равно будешь на своей земле.

– Передай от меня привет Тому Скрэггеру и не забудь перед отъездом послать ему бутылочку виски.

– О, я послал ему ящик, ничего?

Данросс усмехнулся:

– Ну, парнишка, довольно было бы и бутылки, ну а ящик – это просто замечательно. Позвони, если перенесут рейс. Молодец, что организовал все сам, очень хорошо. О, кстати, мама с Гленной и тетей Кэти улетели сегодня в Лондон, так что тебе придется возвращаться в школу одному и...

– О, так это просто блеск, отец! – радостно воскликнул сын. – В конце концов, я уже теперь мужчина и скоро поступлю в университет!

– Да-да, ты прав. – Данросс сидел в своем высоком кресле, объятый приятной грустью, держа в руке письмо АМГ, но забыв о нем. – С деньгами у тебя все в порядке?

– О да. На ферме я почти ничего не тратил – только пиво покупал раза два. Отец, не говори матери о моей девушке.

– Хорошо. И Адрион тоже, – пообещал он, и грудь тотчас сжало, когда он вспомнил, что Адрион сейчас с Мартином Хэпли, и о том, как они шли, взявшись за руки. – Адрион скажи лучше сам.

– О, супер, я и забыл про нее. Как она?

– У нее все хорошо, – сообщил Данросс и приказал себе быть взрослым, мудрым и не переживать, потому что мальчишки остаются мальчишками, а девчонки – девчонками, и это вполне нормально. «Да, но, господа, как непросто быть отцом». – Ладно, Дункан, до встречи в понедельник! Спасибо, что позвонил.

– О да, и, отец, Шейла довезла меня до Сиднея. Она... она остается на уик-энд с друзьями и будет провожать меня! Сегодня мы идем в кино – «Лоуренс Аравийский»³⁵, смотрел?

– Да, он только появился в Гонконге. Тебе понравится.

– О, супер! Ну, до свидания, отец, надо бежать... Я люблю тебя!

– И я люблю тебя, – проговорил он, но их уже разъединили.

«Какой же я счастливый – семья, жена, дети, – подумал Данросс и тут же добавил: – Господа, пусть с ними ничего не случится!»

Сделав над собой усилие, он снова взглянул на письмо.

«Разве это возможно, чтобы Джейсон Пламм или Жак были шпионами коммунистов? Они никогда ни словом, ни делом не давали повода для подозрений. Лайонел Тьюк? Нет, и не он тоже. Я знаю его лишь поверхностно. Человек он некрасивый, популярностью не пользуется, держится особняком, но входит в команду по крикету, член Скакового клуба и живет здесь

---

³⁴ Больница Гая, основанная в 1721 г. сэром Томасом Гаем, управляющим Больницы Святого Фомы для неизлечимых больных, в наши дни является крупным учебно-медицинским центром.

³⁵ *Лоуренс Аравийский* (Томас Эдвард Лоуренс, 1888–1935) – английский офицер связи, разведчик, сыграл важную роль в освободительной борьбе арабов против Османской империи в годы Первой мировой войны. Фильм «Лоуренс Аравийский» с Питером О’Тулом в главной роли получил семь «Оскаров», в том числе как лучший фильм 1962 г.

с тридцатых годов. Вроде даже был интернирован, и его держали в тюрьме Стэнли с сорок второго по сорок пятый. Он может быть, но другие двое? Невозможно!

Жаль, что АМГ нет в живых. Я теперь же позвонил бы ему насчет Жака и...

Сначала дочитай письмо, а потом проанализируй его по частям, – скомандовал он себе. – Веди себя правильно, работай продуктивно. Боже милостивый! Дункан и восемнадцатилетняя „шейла“! Слава богу, что еще не младшая дочка Тома Скрэггера. Сколько сейчас Присцилле? Четырнадцать, симпатичная, на вид гораздо старше. Рано, похоже, созревают девчонки „там, внизу“».

Он вздохнул.

«А может, мне следует сделать для Дункана то, что сделал для меня Чэнь-чэнь?»

Далее в письме говорилось:

...Как я уже упоминал, полной уверенности в источнике информации у меня нет.

К сожалению, должен констатировать, что с тех пор, как нами раскрыты и задержаны шпионы Блейк³⁶ и Вэссал – шифровальщик из Адмиралтейства, – а Филби, Бёрджесс и Маклин сбежали, война разведок вспыхнула с новой силой. Всех их, кстати, видели в Москве. Ожидается радикальный рост масштабов шпионской деятельности в Азии. (Нам удалось вычислить Скрипова, первого секретаря советского посольства в Канберре, в Австралии, и в феврале выслать его из страны. Тем самым нарушена его австралийская сеть, которая, как я полагаю, была завязана на ваш «Севрин» и разветвлялась на Борнео и Индонезию.)

Весь свободный мир сейчас обильно нашпигован агентами. Есть подозрение, что они внедрены в Эм-ай-5 и Эм-ай-6. Даже в ЦРУ. Пока мы по наивности всем доверяли, наши противники давно уже поняли, что будущая расстановка сил в мире будет зависеть как от военного, так и от экономического могущества, и принялись добывать – воровать – наши промышленные секреты.

Интересно отметить, как это ни печально, что нигде в средствах массовой информации нашего свободного мира не отмечается, что все советские достижения изначально основаны на украденных у нас изобретениях и технологиях, что без нашего зерна они бы голодали, что без нашей широкой и постоянно растущей финансовой помощи и кредитов на покупку этого самого зерна и этих самых технологий они не смогут питать военно-промышленную инфраструктуру, в рабском повиновении у которой находятся вся их империя и народ.

Рекомендую укреплять ваши связи в Китае. Советы считают Китай врагом номер один, и это убеждение крепнет. Удивительно также и то, что они, похоже, больше не испытывают параноидального страха перед США, мировой сверхдержавой, у которой сегодня самая сильная армия и самая развитая экономика. Китай, который слаб в военном и экономическом отношении и берет лишь числом живой силы, в действительности никакой военной угрозы для них не представляет. И тем не менее заставляет их цепенеть от страха.

Одна из причин в том, что у них пять тысяч миль общей границы. Другая – в общенациональном чувстве вины за поглощенные советской Россией в течение веков обширные участки территории, исторически принадлежавшей Китаю. Еще одна – в понимании того, что китайцы – народ терпеливый и память у них долгая. Настанет день, и китайцы вернут свои земли. Они всегда возвращали свои земли, когда представлялась возможность сделать это силой оружия. Я неоднократно отмечал, что краеугольным камнем советской (империалистической) политики является изоляция и расчленение Китая, чтобы он оставался слабым. Самый кошмарный сон для Советов – это тройственный союз между Китаем, Японией и Соединенными Штатами. Вашему Благородному Дому стоит поработать над тем, чтобы содействовать его созданию. (А также созданию Общего рынка, объединяющего Соединенные Штаты, Мексику и Канаду, что,

---

³⁶ *Джордж Блейк* (Георг Бехар) (р. 1922) – сын голландки и египтянина, натурализованный англичанин, британский разведчик, работавший на советскую разведку. Бежал в СССР. В Англии приговорен к 42 годам тюрьмы.

по моему мнению, абсолютно необходимо для стабилизации обстановки на североамериканском континенте.) Есть ли иной, кроме Гонконга – и, следовательно, вашей компании, – канал, через который может поступать все это следующее в Китай богатство?

И последнее, возвращаясь к «Севрину». Я решился на очень большой риск и вышел на одного из самых ценных наших людей в святая святых сверхсекретного пятого отдела КГБ. И только сегодня получил от него сообщение, что личность «Артура», руководителя «Севрина», настолько засекречена, что даже он не имеет доступа к этой информации. Он сообщил лишь, что этот человек англичанин и один из его инициалов – «Р». Боюсь, тут мало на что можно опереться.

Надеюсь свидеться с вами. Помните, мои бумаги ни при каких обстоятельствах не должны попасть в чужие руки. С почтением, А. М. Г.

Данросс запомнил телефонный номер в Женеве, ввел его шифром в свою адресную книгу и зажег спичку. Бумага для писем, отсылаемых авиапочтой, съежилась и загорелась.

«Р». Роберт, Ральф, Ричард, Робин, Род, Рой, Рекс, Руперт, Ред, Родни и опять назад к Роджеру. И к Роберту. Роберт Армстронг, или Роджер Кросс, или... или кто?

«Боже всемогущий», – думал Данросс, ощущая слабость во всем теле.

– Восемь семь один шесть пять шесть пять в Женеве, «номер с номером», – проговорил он в трубку личного телефона.

Навалилась усталость. Спал он прошлой ночью беспокойно, в снах опять был на войне, в охваченной пламенем кабине своего самолета, в ноздрях стоял запах гари. Проснулся в холодном поту и долго прислушивался к звукам дождя. Через некоторое время осторожно встал. Пенн крепко спала, и во всем Большом Доме царила тишина. Только старая А Тат, как всегда, сразу поднялась, чтобы приготовить ему чай. И снова на дистанцию: гонка целый день, враги, сжимающие кольцо, и ничего, кроме дурных вестей. «Бедный Джон Чэнь, – подумал он, а потом безуспешно попытался стряхнуть усталость. – Может, удастся прикорнуть на часок между пятью и шестью? Вечером голова должна работать очень хорошо».

Оператор соединил, и он услышал длинные гудки.

– Ja?³⁷ – ответил тихий голос.

– Hier ist³⁸ герр Данросс из Гонконга. Фрау Грессерхофф, bitte³⁹, – проговорил он на хорошем немецком.

– О! – Последовала долгая пауза. – Ich bin⁴⁰ фрау Грессерхофф. Тайбань?

– Со дэс! Охаё годзаимас. Аната ва Андзин Рико-сан? (Да! Доброе утро. Вас также зовут Рико Андзин?) – четко выговаривал он японские слова.

– Хай. Хай, додзо. А-а, нихонго ва дэйиу дэс. (Да. О, вы очень хорошо говорите по-японски.)

– Иэ, сукоси, гомэн насай. (Нет, что вы, совсем немного.) – Два года он проработал в токийском офисе компании: это входило в программу его обучения. – Ах, прошу извинить, но я относительно герра Грессерхоффа. Вы уже знаете?

– Да. – Голос был печальный. – Да. Я узнала в понедельник.

– Я только что получил письмо от него. По его словам, у вас есть кое-что для меня? – осторожно спросил он.

– Да, тайбань. Да, есть.

– Можете ли вы привезти это сюда? К моему глубокому сожалению, я к вам приехать не могу.

---

³⁷ Да? (нем.)

³⁸ Это (нем.).

³⁹ Пожалуйста (нем.).

⁴⁰ Я (нем.).

– Да. Да, конечно, – помолчав, сказала она. Ее негромкая речь ласкала слух. – Когда я должна приехать?

– Как можно быстрее. Если через пару часов вы подойдете в наш офис на авеню Берн, скажем, в полдень, там будут билеты и деньги для вас. Мне кажется, есть рейс «Свиссэр», который вылетает сегодня днем – если это возможно.

Снова молчание. Он терпеливо ждал. В пепельнице горело, скручиваясь, письмо АМГ.

– Да, – промолвила она. – Это возможно.

– Я все устрою. Хотите, чтобы вас кто-то сопровождал?

– Нет-нет, благодарю, – проговорила она так тихо, что ему пришлось зажать ухо ладонью, чтобы лучше слышать. – Прошу извинить меня за то, что доставляю вам столько хлопот. Я могу сделать все сама.

– Ну что вы, какие хлопоты, – воскликнул он, довольный тем, что еще может бегло разговаривать по-японски. – Пожалуйста, приходите ко мне в офис в полдень... Кстати, у нас здесь тепло и сыро. А, извините, прошу прощения за такой вопрос, но ваш паспорт будет швейцарский или японский и под каким именем вы поедете?

Последовала еще более долгая пауза.

– Я буду... думаю, что мне следует... Паспорт будет швейцарский, и поеду я под именем Рико Грессерхофф.

– Благодарю вас, фрау Грессерхофф. Жду встречи с вами. *Киёскэттэ* (благополучного путешествия), – пожелал Данросс под конец.

Он задумчиво положил трубку. Остатки письма АМГ догорели, пустив струйку дыма. Он тщательно растолок пепел.

«Как теперь быть с Жаком?»

Глава 46

17:45

Жак де Вилль тяжело поднимался по мраморным ступеням в бельэтаж отеля «Мандарин», где было полно людей, которые еще пили чай.

Скинув плащ, он шел через толпу и чувствовал себя очень постаревшим. Он только что говорил с женой Сюзанной, которая была в Ницце. Специалист из Парижа еще раз осмотрел Аврил и сказал, что внутренние травмы могут быть не такими серьезными, как кажется.

– Он говорит, что нужно иметь терпение, – обрушивался на него парижский говорок Сюзанны. – Но, Матерь Божья, где его взять, это терпение? Бедное дитя в полном смятении и сходит с ума. Она не устает повторять: «Но ведь за рулем была я. Это была я, мама, я! Если бы не я, мой Борж был бы жив, если бы не я...» Я боюсь за нее, *chéri*!

– А она уже знает, что у нее... о внутренних органах?

– Нет, еще не знает. Доктор не велел говорить ей, пока сам не будет уверен. – И Сюзанна расплакалась.

Мучительно переживая, Жак как мог постарался успокоить жену и обещал перезвонить через час. Некоторое время он соображал, как быть, потом сделал кое-какие приготовления и приехал сюда.

Телефонная будка около газетного киоска была занята, поэтому он купил дневной выпуск газеты и пробежался по заголовкам. ДВАДЦАТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПОГИБЛО ПОД ГРЯЗЕВЫМИ ОПОЛЗНЯМИ В АБЕРДИНЕ... ДОЖДИ БУДУТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ... ОТМЕНЯТ ЛИ БОЛЬШИЕ СКАЧКИ В СУББОТУ?.. КЕННЕДИ РЕКОМЕНДУЕТ СОВЕТАМ НЕ СОВАТЬСЯ ВО ВЬЕТНАМ... ФРАНЦИЯ И КИТАЙ ОТВЕРГЛИ ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ИСПЫТАНИЙ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, ПОДПИСАННЫЙ В МОСКВЕ ДИНОМ РАСКОМ⁴¹, АНДРЕЕМ ГРОМЫКО И СЭРОМ АЛЕКОМ ДУГЛАС-ХЬУМОМ⁴²... МАЛАЙСКИЕ КОММУНИСТЫ РАЗВИВАЮТ НАСТУПЛЕНИЕ... УМЕР ПРЕЖДЕВРЕМЕННО РОДИВШИЙСЯ ВТОРОЙ СЫН КЕННЕДИ... ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПОИСКИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИЧАЙШЕГО ОГРАБЛЕНИЯ ПОЕЗДА В АНГЛИИ... СКАНДАЛ С ПРОФЬУМО ДИСКРЕДИТИРУЕТ КОНСЕРВАТИВНУЮ ПАРТИЮ...

– Извините, сэр, вы звонить? – спросила сзади какая-то американка.

– О, о да, благодарю вас, извините! Я не заметил, что телефон освободился. – Зайдя в будку, он закрыл дверь, вставил монету в прорезь и набрал номер. Послышался гудок. Его охватило волнение.

– Да?

– Мистера Лоп-сина, пожалуйста, – сказал он, еще не разобрав, кто это.

– Здесь нет никакого мистера Лоп-тина. Извините, вы ошиблись номером. – Он с облегчением узнал голос Суслева.

– Я хотел бы оставить сообщение.

– Вы ошиблись номером. Справьтесь в телефонном справочнике.

Пароль был закончен правильно, и он начал:

– Прошу прощения за...

– Какой у тебя номер? – грубо прервали его.

Жак тут же назвал.

---

⁴¹ Дэвид Дин Раск (1909–1994) – госсекретарь США (1961–1969) при президентах Джоне Кеннеди и Линдоне Джонсоне.

⁴² Алек Дуглас-Хьюм (1903–1995) – министр иностранных дел Великобритании (1960–1963).

– Это телефонная будка?

– Да. – Телефон мгновенно отключился.

Повесив трубку, де Виль почувствовал, что ладони стали вдруг влажными от пота. Номер Суслева можно было использовать лишь в экстренных случаях, но ведь сейчас именно такой случай. Он не отрываясь смотрел на телефон.

– Прошу прощения, сэр, – крикнула американка, приоткрыв стеклянную дверь. – Разрешите, я позвоню? Я быстро.

– Ох! О я... одну минутку. – Жак смутился. За ней уже выстроилась очередь из трех китайцев, которые нетерпеливо и злобно уставились на него. – Я... всего минутку. – Он снова прикрыл дверь. На спине выступил пот. Он ждал, ждал и ждал, и наконец телефон зазвонил. – Алло?

– В чем срочность?

– Я... я только что получил известия из Ниццы. – Осторожно подбирая слова и не упоминая имен, Жак пересказал Суслеву суть разговора с женой. – Я сейчас же улетаю туда вечерним рейсом и подумал, что лучше сказать вам лично, чтобы...

– Нет, сегодня вечером – слишком скоро. Закажи билеты на завтрашний вечерний рейс. Жаку показалось, что мир рушится.

– Но я несколько минут назад разговаривал с тайбанем, и он не против, если я полечу сегодня вечером. У меня билеты заказаны. Я могу вернуться через три дня, у нее действительно ужасный голос по телефону. Неужели вы...

– Нет! – еще более резким тоном заявил Суслев. – Я позвоню тебе сегодня вечером, как договорились. До этого момента все может подождать. По этому номеру больше не звони! Только в случае действительно экстренной ситуации.

Жак открыл было рот, чтобы горячо возразить, но телефон уже умолк. В голосе Суслева чувствовалась злость.

«Но это же действительно экстренная ситуация, – взбудораженно сказал себе де Виль и стал снова набирать номер. – Я нужен там Сюзанне, и Аврил тоже. И тайбань был не против. Сказал: „Правильно, Жак. Оставайся там, сколько будет нужно. Эндрю тебя прикроет“.

А теперь... Merde, как быть? Суслев ведь мне не надзиратель!

Или надзиратель?»

Покрывшись холодным потом, де Виль перестал набирать номер и повесил трубку.

– Вы закончили, сэр? – крикнула американка с назойливой улыбкой. Ей было за пятьдесят, волосы выкрашены в модный голубой цвет. – Тут уже целая очередь.

– Ох... о да, извините. – Он с трудом открыл дверь.

– Вы забыли газету, сэр, – вежливо напомнила она.

– Ох, благодарю вас. – Протянув руку, Жак де Виль забрал газету и с несчастным видом вышел.

Китайцы – трое мужчин и женщина – тут же рванулись вперед, отпихнув локтями его и американку. Первой к двери пробилась коренастая матрона и захлопнула ее за собой, остальные столпились у двери.

– Эй... сейчас моя очередь, – рассерженно начала американка, но никто и ухом не повел, осыпая ее саму и ее предков изощренными ругательствами.

Суслев стоял посреди неприглядной квартиры в Коулуне, еще одной явки «Артура», и сердце у него колотилось от неожиданного звонка. В помещении пахло сыростью, невымытой посудой, тряпней. Глядя на телефон, Суслев злился на Жака де Вилля. «Вот ведь болван безродный и безмозглый. Жак становится обузой. Сегодня же скажу „Артуру“, что от де Вилля нужно избавляться. И чем быстрее, тем лучше! Да, и чем быстрее ты успокоишься, тем лучше, – одернул он себя. – В гневе люди совершают ошибки. Отставь-ка его в сторону!»

Это далось ему не без усилия, но он постарался успокоиться и, выйдя на полутемную площадку, где краска облезала со стен, запер за собой дверь на ключ. Другим ключом он отпер расположенную рядом дверь Джинни Фу.

– Хочешь водки? – игриво улыбнулась она.

– Да. – Он ухмыльнулся в ответ, с удовольствием оглядывая ее.

Джинни сидела скрестив ноги на старом диване, и, кроме улыбки на лице, на ней ничего не было. Когда раздался звонок, они целовались. Телефонов в квартире было два: ее и еще один, тайный, в буфете, которым пользовался только Суслев. По уверениям «Артура», аппарат был надежный, «левый», он нигде не значился, и в него нельзя было встроить подслушивающее устройство. Тем не менее для срочных звонков Суслев пользовался телефоном в другой квартире.

«Шел бы он подальше, этот Жак!» – думал он. Нервное напряжение от неожиданного и резкого звонка тайного телефона еще не прошло.

– Пить, товарищ, – протянула ему рюмку Джинни. – Потом пить меня, *хейя*?

Он ухмыльнулся в ответ, взял рюмку и с видом знатока провел рукой по ее прелестной маленькой попке.

– Джинни, голубушка, какая ты хорошая девочка!

– Еще бы! Лучше девочки для тебя нет. – Протянув руку, она поласкала ему мочку уха. – Мы «джиг-джиг», *хейя*?

– А что, давай.

Он пил огненную жидкость небольшими глотками, желая растянуть удовольствие. Маленькие проворные пальцы расстегивали ему рубашку. Он остановил ее на секунду и поцеловал. Она с удовольствием ответила на поцелуй.

– Подожди, пока одежды нет, *хейя*? – хихикнула она.

– На следующей неделе я ухожу, а? – Он держал ее в медвежьих объятиях. – Хочешь, пойдем вместе, а? Тот праздник, что я давно обещал?

– О? О, правда? – Она расплылась в улыбке. – *Када? Када?* Ты не шутить?

– Можешь пойти со мной. Зайдем в Манилу, наш первый заход в Манилу, потом на север и через месяц обратно сюда.

– О, целый месяц... о Греги! – Она обняла его изо всех сил. – Я буду лучшая капитанская девушка весь Китай!

– Да, да, будешь.

– *Када* идем... *када* мы идем?

– На следующей неделе. Я скажу когда.

– Хорошо. Завтра я иду получить паспорт...

– Нет, никакого паспорта, Джинни. Тебе его никогда не дадут. Эти ублюдки задержат тебя. Они никогда не разрешат тебе поехать со мной... О нет, голубушка, эти грязные полицейские никогда не разрешат тебе поехать со мной.

– Что я тогда делать, *хейя*?

– Я потихоньку пронесу тебя на борт в сундуке! – Он громко расхохотался. – Или, может, на ковре-самолете. А?

Она смотрела на него снизу вверх, и широко открытые черные глаза были полны нетерпения.

– Правда брать меня? Правда? Один месяц на твоём корабле, *хейя*?

– Месяц по крайней мере. Но никому ни слова. Полиция все время следит за мной, и если они узнают, ты не сможешь поехать. Поняла?

– Все боги свидетели, не скажу ни одной живой душе, даже матери, – страстно поклялась Джинни, а после, переполненная счастьем, снова заключила его в объятия. – И-и-и, я получать огромный репутация жена капитана! – Она еще раз обняла его, потом позволила своим паль-

чикам вольность, и он вздрогнул. Девушка засмеялась и снова принялась раздевать его. – Со мной тебе будет лучше всех, лучше всех.

Она умело и сосредоточенно действовала пальцами и губами, касаясь его тела, принимая к нему и отстраняясь, пока он не вскрикнул – «тучки и дождь» сделали его одним из небожителей. Ее руки и губы старались продлить наслаждение до последнего. Потом она остановилась и свернулась калачиком рядом, прислушиваясь к его глубокому дыханию, очень довольная хорошо выполненной работой. У нее самой до «тучек с дождем» не доходило, хотя она и притворялась, чтобы усилить его удовольствие. За все время знакомства с ним она испытала оргазм лишь дважды, но оба раза была очень пьяна и не могла с уверенностью сказать, случилось это на самом деле или нет. Каждый раз высот блаженства она достигала лишь с Третьим Ночным Поваром по Сэндвичам Током в «Виктория энд Альберт».

«Благословите все боги мой джосс, – думала она, довольная. – Если я поеду на месяц с Грегором и он даст еще денег сверху, если мне повезет и я пробуду с ним еще годик, мы с Током накопим достаточно, чтобы открыть свой ресторан. Я смогу иметь сыновей и внуков, стану просто небожительницей – как боги. О, как мне повезло!»

Она уже подустала – ведь потрудиться пришлось основательно, – поэтому свернулась рядом с ним поудобнее и закрыла глаза. Он ей нравился, и она была благодарна богам, которые помогли ей преодолеть отвращение к его телу, такому большому, белому, как жабья кожа, пахнущему чем-то прогорклым. «Слава всем богам», – подумала она и с этой мыслью, довольная, заснула.

Суслев не спал. Он лишь купался в дреме, отдыхая душой и телом. В чем-то день прошел хорошо, в чем-то – из рук вон плохо. После встречи с Кроссом на ипподроме русский вернулся на судно в ужасе: неужели утечка была с «Иванова»? Запершись в своей каюте, он зашифровал сведения Кросса – об операции «Учебный заход» и всем остальном – и отослал их. В полученных сообщениях говорилось, что с заменой Воранскому придется погодить до следующего захода «Иванова», что специалист по психохимической обработке Коронский может прибыть из Бангкока через двенадцать часов после получения вызова и что ему, Суслеvu, предлагается взять на себя управление «Севрином» и связываться с «Артуром» напрямую. «Копии папок АМГ получить во что бы то ни стало. Неудачи исключаются».

Вспомнилось, как он похолодел от этого «неудачи исключаются». Неудач так мало, успехов так много, но помнят только провалы.

«От кого на „Иванове“ могла произойти утечка? Кто знакомился с папкой АМГ, кроме меня? Только Дмитрий Меткин, мой заместитель. Вряд ли это он. Утечку допустил кто-то другой.

Насколько можно доверять Кроссу?

Слишком доверять ему не стоит, но это, несомненно, самый ценный наш агент во всем капиталистическом лагере Азии, и его нужно защищать любой ценой».

Ощущать рядом спящую Джинни было приятно. Дыхание почти бесшумно вылетало из ровно вздымающейся груди, время от времени девушка чуть вздрагивала. Взгляд Суслева упал через открытую дверь на старомодные часы, стоявшие в углублении на одной из неприбранных кухонных полок среди полупустых бутылей, консервных банок и коробок. Под кухню была приспособлена ниша в гостиной. Здесь, в единственной спальне, стояла огромная кровать почти на всю комнату. Ее купил Суслев, когда они только познакомились, почти три года назад. Кровать была хорошая, чистая, мягкая, хотя и не очень, но все лучше корабельной койки.

Джинни тоже радовала. Уступчивая, покладистая, никаких проблем. Иссиня-черные волосы коротко пострижены, челка падает на высокий лоб, как ему нравится. Ничего общего с Вертинской, его владивостокской любовницей, с ее миндалевидными карими глазами, длинной волнистой каштановой гривой и нравом дикой кошки. Эта была дочь княжны Сергеевой и какого-то лавочника, китайца-полукровки, купившего тринадцатилетнюю девочку-подростка

из знатной семьи на аукционе. Юная княжна оказалась среди детей, бежавших из России в вагонах-«телятниках» после катастрофы семнадцатого года.

«Освобождения, а не катастрофы, – довольный, поправил он себя. – И ведь как славно спать с дочерью княжны Сергеевой, когда ты внук крестьянина, гнувшего спину на сергеевских землях».

Думая о Сергеевых, он вспомнил про Алексея Травкина. И улыбнулся. «Бедняга Травкин, надо же быть таким глупцом! Чтобы княгиню Анастасию, его жену, да отпустили на Рождество в Гонконг? Сомневаюсь. А если и отпустят, бедный Травкин умрет от ужаса, когда увидит эту маленькую старую ведьму из сибирских снегов, беззубую, сморщенную и страдающую артритом. Лучше избавить его от кошмара, – сочувственно думал он. – Травкин – русский, и человек неплохой».

Он снова взглянул на часы. Было 18:20. Суслев снова улыбнулся. В ближайшие несколько часов делать абсолютно нечего: только спать, есть, думать и планировать. Потом тайная встреча с членом английского парламента, а попозже вечером – с «Артуром». Русский хихикнул. Как приятно осознавать, что тебе ведомы секреты, о которых «Артур» и не подозревает.

«Но ведь „Артур“ тебе тоже не все выкладывает, – беззлобно подумал он. – Может, он уже знает об этих членах парламента. Он неглуп, очень неглуп и доверяет мне не больше, чем я ему.

Это великий закон: если хочешь уцелеть и не попасть в лапы противнику, никогда не доверяй другому – будь то мужчина, женщина или ребенок.

Я в безопасности, потому что разбираюсь в людях, умею держать язык за зубами и примирять интересы государства с моими личными жизненными планами.

Сколько еще нужно воплотить удивительных замыслов! Сколько восхитительных переворотов подготовить и принять в них участие! Опять же есть „Севрин“...»

Он снова хихикнул, и Джинни заворочалась.

– Спи, маленькая принцесса, – прошептал он, убаюкивая ее, как ребенка. – Спи.

Она не проснулась, а только убрала волосы с глаз и свернулась поудобнее.

От нее исходило приятное тепло. Суслев закрыл глаза и положил ей руку на бедра. Еще днем он заметил, что льет уже не так сильно. А теперь дождь и вовсе прекратился. Русский зевнул, засыпая: этот шторм еще даст о себе знать.

Глава 47

18:25

Роберт Армстронг выпил пиво одним глотком.

– Еще одно, – якобы заплетающимся языком выговорил он, изображая подвыпившего.

В баре «Гуд лак герлфренд» на набережной в Ваньчае, где он сидел, было шумно, людно и полно моряков с американского атомного авианосца. Работавшие на заведение девицы-китаянки раскручивали клиентов на выпивку. Эти пташки не возражали, когда с ними заигрывали, лапали их, лишь бы навязать посетителю разбавленную выпивку, за которую тут драли втридорога. Время от времени то одна, то другая красотка заказывала настоящий виски и совала под нос облапошенному ухажеру в доказательство того, что его не обманывают.

Над баром располагались номера, но ходить туда морякам не стоило. Не все девушки следили за собой – просто от невежества. К тому же поздно вечером там могли и ограбить, хотя обчищали только очень пьяных. В конце концов, в этом не было особой нужды: моряки были готовы спустить все, что имели.

– Хочешь «джиг-джиг»? – обратилась к Армстронгу накрашенная девочка, почти ребенок.

«Цзю ни ло мо на всех твоих предков, – хотелось ответить ему. – Тебе бы дома за учебниками сидеть». Но суперинтендент смолчал. Ничего хорошего из этого не вышло бы. Вероятнее всего, на работу в бар девчущку устроили родители, да еще были рады: теперь семья сможет жить чуть получше.

– Хочешь выпить? – спросил он вместо этого, не показывая, что умеет говорить по-кантонски.

– Скотч, скотч, – высокомерно выкрикнула девчонка.

– Закажи лучше чаю, а деньги я тебе так и так дам, – мрачно предложил он.

– Эти всех богов и матерей богов, у меня все без обмана! – Девчонка надменно показала грязный стакан, шваркнутый на стол официантом. В нем действительно плескался настоящий виски, хоть и дешевый. Она опрокинула стакан, даже не поморщившись. – Официант! Еще скотч и пиво! Ты пить, я пить, потом мы «джиг-джиг».

Армстронг взглянул на нее.

– Как тебя зовут?

– Лили. Лили Чоп. Двадцать пять доллар короткий время.

– Сколько тебе лет?

– Много. А тебе?

– Девятнадцать.

– Ха, коп всегда врать!

– С чего ты взяла, что я коп?

– Босс сказал. Всего двадцать доллар, хейя?

– Кто твой босс? Который?

– Она. За стойкой. Она мама-сан.

Армстронг стал вглядываться сквозь клубы табачного дыма. Лет пятидесяти с лишком, худая, костлявая и взмокшая, мама-сан усердно работала, выполняя заказы и одновременно поддерживая безостановочную шутиливую беседу с моряками.

– А она откуда взяла, что я коп?

Лили снова пожала плечами:

– Слушай, она говорит, чтобы ты был довольный, или я на улице. Мы теперь идем наверх, *хейя*? За счет заведения, нет двадцать доллар. – Девчушка встала. Теперь было видно, что она боится.

– Сядь, – приказал он.

Она села, охваченная еще бóльшим страхом.

– Если я не нравиться, она выкинуть...

– Ты мне нравишься. – Армстронг вздохнул. Старый трюк. Идешь – платишь, не идешь – платишь, и босс непременно подошлет молоденькую. Он передал ей пятьдесят долларов. – Вот. Иди и передай мама-*сан* с благодарностью от меня. Скажи ей, что сейчас я не могу «джиг-джиг», потому что у меня месячные! Меня посетил «досточтимый красный».

Лили оторопело выпучила на него глаза, а потом захихикала, как старушка.

– И-и-и, эти всех богов, ну молодец! – Она пошла прочь, не без труда передвигаясь на высоких каблуках, и смелый разрез ее *чунсама* бесстыдно оголял тонюсенькие ноги и тощие ягодицы.

Армстронг допил пиво, оплатил счет и встал. На его столик тут же нашлись желающие, а он стал проталкиваться к выходу через толпу потных, галдящих моряков.

– Заходите в любое время, – крикнула мама-*сан*, когда он проходил мимо.

– Непременно зайду, – беззлобно откликнулся он.

Дождь уже чуть моросил, становилось темно. На улице горластых моряков было еще больше: все американцы. Британским матросам капитаны их кораблей приказали первые несколько дней держаться подальше от этого района. В плаще было жарко. Покинув Глостер-роуд и набережную, через минуту полицейский уже шлепал по лужам среди толпы на О'Брайен-роуд. В воздухе чувствовалась свежесть, город выглядел чистым и умытым. На углу он свернул на Локхарт-роуд и наконец нашел переулок, который искал. Там, как и всегда, кипела жизнь: уличные ларьки, лавки, тощие собаки, куры в клетках, свисающие с крюков высохшие жареные утки и куски мяса, овощи и фрукты. У самого начала переулка над небольшой стойкой и высокими табуретками был натянут брезентовый навес от дождя. Он кивнул владельцу, выбрал уголок потемнее, заказал чашку лапши по-сингапурски – тонкой, чуть поджаренной, похожей на вермишель, без бульона, с соусом чили, специями, рублеными креветками и свежими овощами – и стал ждать.

«Брайан Квок.

И опять в голове у тебя Брайан Квок.

И эти сорок тысяч мятыми бумажками, обнаруженные в ящике твоего стола, в ящике, который всегда заперт.

Сосредоточься, – велел он себе, – а то поскользнешься. И совершишь ошибку. Ошибок тебе допускать нельзя!»

Армстронг устал, и ему было не избавиться от ощущения, что он весь замарался так, что не отмыться и горячей водой с мылом. Он с трудом заставил глаза искать добычу, уши – прислушиваться к шумам улицы, а нос – наслаждаться ароматом пищи.

Не успел он доесть лапшу, как в поле его зрения попал американский матрос. Тощий, в очках, он возвышался над пешеходами-китайцами, хотя шел, слегка сутулясь. Одной рукой он обнимал уличную девицу. Держа над ними обоими зонтик, она тянула его за собой.

– Нет, не сюда, бэби, – молила она. – Моя комната другой сторона... понимать?

– Конечно, милочка, но сначала мы зайдем сюда, а потом двинемся в твою сторону. Угу? Пойдем, дорогуша.

Армстронг еще больше сгорбился в тени. Они приближались, а полицейский прикидывал, тот ли это человек. Говорит нараспев, как южанин, на вид около тридцати. Шагая по оживленной улице, моряк вертел головой – пытался сориентироваться. Потом внимание его привлекло ателье на углу переулка под вывеской «Поп-тин. Пошив костюмов» и неболь-

шой ресторанчик напротив, с открытой террасой, освещенной голыми лампочками. К столбику было приколочено написанное корявыми буквами объявление: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, АМЕРИКАНСКИЕ МОРЯКИ! На вывеске над дверью красовались жирные иероглифы: «Ресторан „Тысяча Лет Здравья Мао Цзэдуну“».

– Пойдем, милочка, – просиял матрос. – Давай выпьем здесь пивка.

– Нехороший место, бэби, лучше ходить мой бар, хейя? Луч...

– Мы выпьем пива здесь, черт возьми!

Он зашел на террасу и сел за один из пластиковых столов, нескладный в своем плаще. Она с недовольным видом последовала за ним.

– Пиво. Два пива! «Сан-Мигель», угу? Соображаешь, угу?

Армстронгу со своего места все было отлично видно. За одним из столов четверо кули шумно хлебали суп с лапшой. Они мельком глянули на матроса и его подружку. Один сделал неприличное замечание, остальные захохотали. Девушка покрылась краской и повернулась к ним спиной. Матрос насвистывал какой-то мотивчик, сторожко оглядываясь по сторонам и прихлебывая пиво. Потом он встал, бросив: «Я в галюн», и, уверенно раздвинув засиженную мухами занавеску из нанизанных на веревки шариков, нырнул вглубь помещения. Китаец за стойкой проводил его угрюмым взглядом. Вздохнув, Армстронг расслабился. Мышеловка взведена.

Через минуту матрос вернулся.

– Давай, – сказал он, – пошли отсюда. – Американец допил пиво, расплатился, и парочка удалилась под ручку, как и пришла.

– Желаете еще лапши по-сингапурски? – бесцеремонно обратился к Армстронгу подошедший хозяин ларька. Узкие щелочки глаз на лице с высокими скулами, недружелюбный взгляд.

– Нет, спасибо. Только еще одно пиво.

– Нету пива.

– Эти тебя и всю твою родню, – прошипел Армстронг на прекрасном гортанном кантонском. – Я тебе что, болван из Золотой Горы? Нет, я посетитель в твоём, эти его, заведении. Неси мне сюда, эти его, пиво, или я прикажу своим людям отрезать твой «тайный мешочек» и скормить эти орешки, которые ты называешь сокровищем, первому попавшемуся псу!

Тот не сказал в ответ ни слова. С недовольной миной прошел к ларьку на следующей улочке, купил там бутылку «Сан-Мигеля», принес и поставил на стойку, чтобы открыть. Остальные посетители продолжали пялиться на Армстронга. Он вдруг громко отхаркнулся, сплюнул и уставил взгляд холодных голубых глаз на ближайшего из них. Тот вздрогнул и отвернулся. Другие в смущении уткнулись в свои чашки: им стало не по себе рядом с варваром-полицейским, который был настолько невоспитан, что позволял себе вот так запросто ругаться на их языке.

Армстронг устроился поудобнее на своем высоком табурете, прочесывая взглядом улицу и переулоч, и стал терпеливо ждать.

Ждать пришлось недолго, потому что вскоре показался приземистый человек европейской наружности. Он подошел, держась одной стороны переулочка, и стал разглядывать витрину дешевой обувной лавки за многочисленными ларьками.

«Ага, профессионал», – удовлетворенно отметил Армстронг, понимая, что тот таращится в витринное стекло, разглядывая в нем, как в зеркале, ресторан. Человек не торопился. Бесформенный дождевик из пластика и шляпа, вид ничем не примечательный. На какой-то миг его закрыл проходивший мимо кули с огромными тюками на концах бамбукового шеста. Следя за ногами незнакомца, Армстронг обратил внимание на узловатые, в варикозных венах, ноги кули. Две пары ног пришли в движение, прикрытый кули, человек выбрался из переулочка и, не останавливаясь, зашагал дальше по улице.

«Неплохо, – с восхищением подумал полицейский, не упуская его из виду. – Этот тип здесь не впервые. Грамотный – должно быть, кагэбэшник. Ну что ж, теперь уже недолго осталось, милый друг. Скоро ты окажешься на крючке». Он говорил это про себя беззлобно, как рыбака, заметивший жирную форель, которая примеривается к наживке.

Человек снова разглядывал витрины. «Давай-давай, рыбешка».

Тот действительно вел себя как форель. Сделал несколько заходов, то уходя, то возвращаясь, каждый раз очень осторожно и не привлекая внимания. Наконец он вошел на террасу ресторана, сел и заказал пиво. Армстронг снова вздохнул, теперь он был доволен.

Казалось, прошло бесконечно много времени, прежде чем человек встал, спросил, где туалет, и прошел мимо немногих оставшихся посетителей сквозь занавеску из шариков. Через какое-то время он появился снова и направился к своему столику. Сзади на него тут же набросились четверо обедавших кули. Они связали его и держали так, что он не мог и пошевелиться, пока еще один налаживал ему вокруг шеи высокий жесткий воротник. Остальные, настоящие посетители, а не переодетые агенты Эс-ай, застыли, разинув рот. Один даже уронил палочки для еды, какая-то парочка бегом покинула ресторан, а остальные замерли без движения.

Армстронг лениво поднялся со стула и подошел к ним. Стоявший за прилавком громила-китаец снял фартук.

– Заткнись, ублюдок, – приказал он по-русски задержанному, который осыпал их бранью и тщетно пытался вырваться. – Добрый вечер, суперинтендент, – хитро улыбнулся он Армстронгу. Это был Малкольм Сунь, старший агент Эс-ай и старший из китайцев на этой «шестнадцать дробь два». Именно он организовал перехват и заплатил повару, который обычно работал в эту смену, чтобы занять его место.

– Добрый вечер, Малкольм. Здорово сработано. – Армстронг переключился на вражеского агента. – Ваше имя? – любезно спросил он.

– Кто вы? Отпустите меня... отпустите! – По-английски человек говорил с сильным акцентом.

– Действуй, Малкольм, – распорядился Армстронг.

Сунь тут же выпалил по-русски:

– Послушай, ты, мать твою! Мы знаем, что ты с «Иванова». Знаем, что ты – курьер и только что принял закладку от американца с атомного авианосца. Этого ублюдка мы уже задержали, и можешь не сомневаться...

– Ложь! Вы меня с кем-то спутали, – вопил по-русски задержанный. – Я не знаю никакого американца. Отпустите!

– Как тебя зовут?

– Вы меня с кем-то спутали. Отпустите меня!

Ресторан уже окружала толпа зевак, которые смотрели на происходящее, разинув рот.

Малкольм Сунь повернулся к Армстронгу:

– Матерый, сэр. Не понимает хорошего русского языка. Боюсь, придется нам его приютить, – криво улыбнулся он.

– Сержант, давай сюда «черную марию».

– Есть, сэр.

Еще один агент быстро ушел, Армстронг же подошел поближе. Седоволосый и коренастый, русский смотрел на него маленькими злыми глазками. Его держали грамотно: ни малейшей возможности скрыться, сунуть руку себе в карман или в рот, чтобы уничтожить улики или себя самого.

Армстронг умело обыскал русского. Никакого печатного наставления и никакой пленки в рулоне.

– Куда ты это дел?

– Я не понимать!

Ненависть русского мало трогала Армстронга. Никакой злобы он не испытывал: перед ним был лишь объект, попавший в западню.

«Интересно, кто донес на бедолагу? Напуган до смерти, и есть от чего: пропал теперь для КГБ и своего народа навсегда, все равно что умер. Интересно, почему преуспели мы, а не старина Роузмонт со своими цэрэушниками? Как получилось, что о закладке стало известно нам, а не янки? Как об этом пронюхал Кросс?»

Армстронгу было сказано лишь, где и как будет сделана закладка, а также что произведет ее матрос с авианосца, а принимать будет кто-то с «Иванова».

– Ты отвечаешь за это дело, Роберт. Пожалуйста, не завали его.

– Не завалю. Но пожалуйста, поручите кому-нибудь другому допрашивать Брайана Кво...

– Говорю в последний раз, Роберт: проводить допрос Квока будешь ты. Ты прикомандирован к Эс-ай, пока я тебя не отпущу. А если заскулишь еще раз, сделаю так, что вылетишь из полиции, вылетишь из Гонконга и останешься без пенсии. Вряд ли тебе нужно напоминать, что у Эс-ай длинные руки. Работу ты вряд ли найдешь. А если уйдешь в криминал, то помогай тебе Бог. Теперь все ясно наконец?

– Да, сэр.

– Прекрасно. Брайана готовят для тебя на шесть утра, завтра.

Армстронг поежился.

«То, что мы поймали его, – невероятное везение! Если бы Очкарик У не был родом из Нинтока, если бы старая *ама* не разговорилась с одним из Вервольфов, если бы не отток вкладчиков из банка... Господи, сколько всяких „если“. Но ведь именно так и можно поймать рыбу, большую рыбу. В большинстве случаев это чистое везение, черт побери, чистейшей воды везение. Господи боже, Брайан Квок! Бедняга ты, бедняга!»

Он поежился снова.

– Вы хорошо себя чувствуете, сэр? – спросил Малкольм Сунь.

– Да. – Армстронг оглянулся на русского. – Куда ты дел пленку, рулон пленки?

Тот вызывающе смотрел на него:

– Не понимаю!

Армстронг вздохнул:

– Понимаешь, слишком хорошо все понимаешь.

Через толпу зевак проехал большой черный фургон и остановился. Из него вышли еще несколько сотрудников Эс-ай.

– Давайте его в машину! И не отпускать ни на минуту, – скомандовал Армстронг державшим русскогo.

Толпа живо обсуждала происходящее и проводила задержанного свистом, когда его грубо заталкивали в фургон. Армстронг с Сунем залезли вслед за ним и закрыли за собой дверцу.

– Водитель, пошел, – приказал Армстронг.

– Есть, сэр. – Водитель выжал сцепление, и фургон, пробравшись через толпу, влился в густой поток машин, направляясь в Главное управление.

– Ладно, Малкольм. Можешь начинать.

Агент-китаец вынул острый как бритва нож. Русский побледнел.

– Как тебя зовут? – спросил сидевший на скамье напротив Армстронг.

Малкольм Сунь повторил вопрос по-русски.

– Д-д... Дмитрий Меткин, – пробормотал тот. Его по-прежнему держали, как клещами, четверо, и он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. – Матрос первого класса.

– Ложь, – с готовностью объявил Армстронг. – Давай, Малкольм!

Малкольм Сунь поднес нож к левому глазу моряка, и тот чуть не упал в обморок.

– Это будет потом, шпион, – с леденящей усмешкой пообещал Сунь по-русски.

Ловкими движениями, с подчеркнутой злобой Сунь быстро срезал с моряка плащ. Армстронг тщательно обыскал русского, а в это время умело орудовавший ножом Сунь срезал со шпиона матросскую тельняшку и остальную одежду, ни разу не задев его и не поранив, пока тот не остался нагишом. Неоднократный тщательный обыск ничего не дал. Ничего не было ни внутри туфель, ни в их каблуках, ни в подошвах.

– Если это не микрофотопленка и нам пока ничего не удалось найти, то, должно быть, это у него внутри, – рассудил Армстронг.

Державшие русского перевернули его. Сунь вынул хирургические перчатки и операционный крем и глубоко засунул пальцы в анус. Русский дернулся и застонал. От боли на глазах у него выступили слезы.

– *Цзю ни ло мо*, – произнес довольный Сунь. В руках у него был небольшой, завернутый в целлофановую пленку рулончик.

– Держите его как следует! – рявкнул Армстронг.

Убедившись, что приказ выполнен, он стал осматривать цилиндрический пакетик. Внутри были видны двусторонние кружочки кассеты с пленкой.

– Похоже, «минолта», – задумчиво проговорил он.

Осторожно завернув целлофан в салфетку, он снова уселся напротив русского.

– Мистер Меткин, в соответствии с Законом о неразглашении государственной тайны вам предъявляется обвинение в шпионской деятельности против правительства ее величества и ее союзников. Все ваши показания будут зафиксированы и использованы в качестве улики против вас. Ну вот, сэр, – мило продолжал он, – вы попались. Мы из особой разведслужбы и подчиняемся обычным законам не больше, чем ваш собственный КГБ. Мы не желаем вам ничего плохого, но, если захотим, можем держать вас до скончания века, причем в одиночке. Хотелось бы, чтобы вы пошли на сотрудничество с нами. Ответили на некоторые вопросы. Если вы откажетесь, мы все равно вытянем из вас нужную нам информацию. Мы пользуемся многими методами вашего КГБ, а в чем-то даже вас перещеголяли.

В глазах русского мелькнул страх, но что-то подсказывало Армстронгу, что расколоть этого человека будет непросто.

– Ваше настоящее имя? Ваше официальное имя в КГБ?

Русский лишь смотрел на него не отрываясь.

– Какое у вас звание в КГБ?

Тот по-прежнему смотрел и молчал.

Армстронг вздохнул:

– Если предпочитаете иное, могу передать вас в руки моих китайских друзей, старина. Они совсем вас не жалуют. Ваша Советская армия прошлась по всей деревне Малкольма Суня в Маньчжурии, стерла ее с лица земли и уничтожила всю его семью. Извините, но мне действительно необходимо знать ваше официальное имя в КГБ, ваше звание на «Иванове» и официальную должность.

Снова враждебное молчание.

Армстронг пожал плечами:

– Приступай, Малкольм.

Сунь протянул руку и рывком вытащил из крепления жуткого вида ломик. Четверо китайцев грубо перевернули Меткина на живот, распластали его, а Сунь наживил кончик лома. Русский завопил.

– Подождите... подождите... – вырывались у него из горла английские слова, – подождите... Я – Дмитрий... – Еще один вопль. – Николай Леонов, майор, политический комиссар-а-ар...

– Хватит, Малкольм, – остановил Армстронг, пораженный тем, какую важную птицу они поймали.

– Но, сэр...

– Хватит! – оборвал Армстронг, выступавший в роли доброго следователя.

Сунь, который, напротив, играл следователя злого, шмякнул ломик обратно в крепления.

– Поднимите его, – приказал Армстронг.

Ему было жаль русского и неудобно за такое унижение. Но он не знал случая, чтобы этот трюк не сработал, когда требовалось выяснить настоящее имя и звание. Если применить его сразу. Это был трюк, потому что глубоко вставлять ломик никто не собирался, а первый вопль всегда исторгала не боль, а, скорее, панический страх. Если вражеский агент сразу раскалывался, трюк прекращали и затем, в Главном управлении, подвергали задержанного уже контролируемому допросу по всем правилам. пытки были не нужны, хотя некоторые любители этого дела прибегали к ним, несмотря на запрет.

«Опасная это профессия, – мрачно думал Армстронг. – У КГБ методы более жесткие, а у китайцев другое отношение к жизни и смерти, победителю и побежденному, боли и наслаждению – и к цене вопля».

– Не принимайте это близко к сердцу, майор Леонов, – добродушно произнес он, когда русского подняли и усадили на скамью, по-прежнему крепко удерживая. – Мы не хотим причинить вам вред или позволить вам причинить вред себе самому.

Меткин плюнул на него и стал изрыгать ругательства. По лицу у него текли слезы ужаса, ярости и отчаяния. Армстронг кивнул Малкольму Суню. Тот вытащил приготовленную заранее подушечку и крепко прижал к носу и рту Меткина.

Душное пространство фургона наполнила тяжелая, тошнотворно-сладкая вонь хлороформа. Меткин бессильно дернулся, а потом затих. Армстронг проверил зрачки и пульс, чтобы убедиться, что тот действительно без сознания и не притворяется.

– Теперь можете отпустить, – приказал он. – Молодцы, действовали превосходно. Я позабочусь, чтобы всем была объявлена благодарность с занесением в послужные списки. Малкольм, нам лучше следить за ним хорошенько. Он может пойти на самоубийство.

– Есть. – Сунь сел назад вместе с остальными в качающемся фургоне.

Машина с трудом пробиралась в густом потоке движения, то останавливаясь, то трогаясь с места, и это ужасно раздражало. Через некоторое время Армстронг высказал то, что было на уме у каждого:

– Дмитрий Меткин, иначе Николай Леонов, майор КГБ с «Иванова» и политический комиссар корабля. Почему такой большой человек выполняет такое пустяшное задание?

Глава 48

19:05

Галстук к бледно-голубой рубашке и желто-коричневому костюму Линк Бартлетт подбирал очень тщательно. Остановился на рыжеватом с красной полосой. На комодѣ стояла открытая холодная банка пива, вся в жемчужных капельках испарины. Целый день он обсуждал сам с собой, звонить ему Орланде или нет и говорить ли Кейси.

День прошел замечательно. Сначала завтрак с Орландой, потом поездка в Кай-Так, чтобы проверить самолет и убедиться, что на нем можно слетать с Данроссом в Тайбэй. Ланч с Кейси, потом восхитительное время на бирже. После закрытия биржи они с Кейси сели на паром, чтобы переправиться в Коулун. Натянутые для защиты от дождя штормовые брезентовые тенты заслоняли вид, создавая ощущение замкнутого пространства и несколько портя впечатление от поездки. Но было приятно, что рядом Кейси, и это ощущение усиливалось сознанием того, что есть Орланда и выбор, который ему надо сделать.

– Иэн влип, верно, Линк?

– Думаю, что да, конечно. Но он хитер, и битва еще не закончилась. Это только первая атака.

– Как он сможет выкарабкаться? Его акции продаются уже почти даром.

– По сравнению с прошлой неделей – да, но мы не знаем, каково соотношение цены и прибыли на акцию. Этот фондовый рынок с его стремительными взлетами и падениями смахивает на игрушку «йо-йо»⁴³ – ты сама сказала – и очень опасен. В этом Иэн прав.

– Могу поспорить, он знает о двух миллионах, вложенных в Горнта.

– Возможно. Он и сам поступил бы так же, будь у него такая возможность. Ты встречаешь Сеймура и Чарли Форрестера?

– Да. Рейс «Пан-Ам» прибывает вовремя, и я заказала для них лимузин. Поеду вскоре после того, как мы вернемся. Как думаешь, захотят они ужинать?

– Нет. После перелета из-за разницы во времени они будут никакие. – Он ухмыльнулся. – Надеюсь. – Оба – и их адвокат Сеймур Стайглер Третий, и начальник отдела полиуретанового производства Чарли Форрестер – в общении были люди очень тяжелые. – Когда прибывает их рейс?

– В шестнадцать пятьдесят. Мы вернемся около шести.

В шесть они встретились с Сеймуром Стайглером. Форрестер чувствовал себя неважно и отправился прямо в постель.

У их адвоката, замечательно красивого ньюйоркца, с вьющимися, тронутыми сединой волосами, под карими глазами залегли темные круги.

– Кейси ввела меня в курс дела, Линк, – сказал он. – Похоже, у нас все в порядке.

По предварительной договоренности Бартлетт с Кейси изложили юристу всю суть сделки, за исключением тайного уговора с Данроссом о судах.

– Для вящей безопасности, Линк, я хотел бы включить парочку пунктов, – объявил Стайглер.

– Ладно. Но я не желаю снова обговаривать всю сделку. Нам нужно, чтобы все было готово ко вторнику именно в том виде, как мы изложили.

---

⁴³ «Йо-йо» – игрушка филиппинского происхождения, из двух дисков с веревочкой, которая наматывается на внутреннюю ось между дисками. При запуске игрушки веревка разматывается, раскручивая ее, а затем сматывается, и игрушка возвращается к руке. В 1962 г. эта игрушка имела в США невероятный коммерческий успех.

– А как насчет «Ротвелл-Горнт»? Может, я лучше пощупаю их, а? Можно сыграть на акциях «Струанз».

– Нет, Сеймур, – покачала головой Кейси. – Горнта и Данросса трогать не нужно. – О тайной сделке Бартлетта с Горнтом они Стайглеру даже не заикнулись. – В Гонконге все не так просто, как мы думали. Лучше оставить все как есть.

– Это точно, – согласился Бартлетт. – Предоставь Горнта и Данросса нам с Кейси. Ты будешь иметь дело только с их адвокатами.

– А что собой представляют эти адвокаты?

– Англичане. Самые что ни на есть, – просветила Кейси. – Сегодня в полдень я встречалась с Джоном Доусоном – он у них главный. На встрече должен был присутствовать Данросс, но он прислал вместо себя Жака де Вилля. Это один из директоров «Струанз», занимается у них всеми корпоративными вопросами и отчасти финансами. Жак – прекрасный исполнитель, но всем распоряжается и все решает Данросс. И это самое главное.

– А что, если позвонить этому... э-э... Доусону прямо сейчас? Я встречу с ним за завтраком, скажем в восемь часов, здесь.

Бартлетт с Кейси рассмеялись.

– Ничего не выйдет, Сеймур! – разочаровала она. – Они появляются на работе к десяти, а ланч у них часа на два. Едят и пьют, не думая о том, что будет завтра, и все у них основано на личных связях.

– Тогда я встречу с ним после ланча, когда он будет в хорошем настроении. И может, нам удастся научить его парочке трюков. – Выражение глаз Сеймура Стайглера стало жестче. Он подавил зевок. – Прежде чем лечь спать, мне нужно позвонить в Нью-Йорк. Слушайте, у меня есть все документы по слиянию с Джи-экс-эр.

– Давай их мне, Сеймур, – велела Кейси.

– И я купил пакет из двухсот тысяч акций «Ротвелл-Горнт» по двадцать три пятьдесят. Почему они сегодня?

– По двадцати одному.

– Господи, Линк, тебя опустили на триста тысяч, – обеспокоенно проговорила Кейси. – Может, продать их и выкупить потом? Если и когда потребуется.

– Нет. Эти акции мы оставим. – Убытки на акциях «Ротвелл» Бартлетта не смущали, потому что он имел хороший навар со своей доли в игре Горнта на понижение. – Может, на сегодня закончим, Сеймур? Давайте позавтракаем вдвоем, скажем часов в восемь, если ты встанешь?

– Прекрасная мысль. Кейси, ты договоришься насчет меня с Доусоном?

– Первым делом с утра. Они встретятся с тобой в первой половине дня. Тайбань... Иэн Данросс сказал им, что наша сделка первоочередная.

– Еще бы, – хмыкнул Стайглер. – С нашим авансом Данросс сорвется с крючка.

– Если останется на плаву, – добавила Кейси.

– Сегодня мы есть, а завтра нас нет, так что будем жить по полной!

Это излюбленное выражение Стайглера до сих пор вертелось в голове у Бартлетта. «Сегодня мы есть, а завтра нас нет... как вчерашний пожар. Могло быть и хуже. Можно было разбить себе башку, как бедняга Пенниворт. Никогда не знаешь, когда наступит твой черед, когда угодишь в аварию, или напорешься на пулю, или на тебя обрушится стихийное бедствие. Извне или изнутри. Как было с отцом... Господи, весь бронзовый от загара, почти никогда в жизни не болел, и тут доктор вдруг заявляет, что у отца рак. И через три месяца отец уже весь скукожился, стал смердеть и умер в страшных муках».

На лбу вдруг выступил пот. Скверное было время: он разводился, похоронил отца, мать была в безутешной горе, все разваливалось. А потом завершение развода. Раздел имущества вышел просто ужасным: ему еле удалось оставить за собой контроль над компаниями и ничего

не продать, чтобы расплатиться с женой. Он до сих пор выплачивал ее долю, хотя она снова вышла замуж. И это помимо алиментов на детей и других выплат, ожидающих в будущем. Больно было из-за каждого цента, и не из-за денег как таковых, а из-за несправедливости калифорнийских законов, по которым третью часть получал адвокат, «пока смерть не разлучит нас». Бартлетта «обул» и его собственный юрист, и тот, что представлял интересы жены. «Погодите, я еще вам устрою, – в который уже раз мрачно пообещал Линк. – И вам, и другим проклятым паразитам».

Он не без труда отогнал эти мысли. На сегодня.

«Сегодня мы есть, а завтра нас нет, так что будем жить по полной», – повторил он, отхлебнув пива, повязал галстук и глянул на себя в зеркало. Без тщеславия. Бартлетту нравилось жить в мире с самим собой, отдавая себе отчет в том, кто он есть и к чему стремится. В этом ему помогла война. И пережитый развод. Он вышел из него хоть и сильно ошипанным, но целым, выяснив, что собой представляет супруга, и сжившись с этим. А из хорошего в том году была только Кейси.

«Кейси.

Как быть с Кейси?

Наши правила игры совершенно четкие и всегда были таковыми. Их установила она: если я с кем-то встречаюсь или она с кем-то встречается, мы просто встречаемся, и все – никаких вопросов, никаких упреков.

Почему же я весь изнервничался из-за того, что решил встретиться с Орландой, не сказав об этом Кейси?»

Он глянул на часы. Почти пора.

В дверь нерешительно постучали, и она тут же открылась. Расплывшись в улыбке, на него смотрел Ночной Сун.

– Мисси, – возвестил старик и отступил в сторону.

По коридору с грудой бумаг и записной книжкой в руке приближалась Кейси.

– О, привет, Кейси, – воскликнул Бартлетт. – А я как раз собирался звонить тебе.

– Привет, Линк, – громко произнесла она, а потом, проходя мимо пожилого китайца, проговорила по-кантонски: – *До цзе*⁴⁴. – Уверенной походкой Кейси вступила в люкс с двумя спальнями. – У меня есть кое-что для тебя.

Вручив ему кипу телексов, она прошла к бару и налила себе сухого martini. На ней были серые, элегантно облегающие повседневные брюки до колена, серые туфли на низком каблуке и рубашка с воротником апаш из серого шелка. Волосы она завязала сзади, и единственным украшением служил оставленный в волосах карандаш. Она была в очках, без контактных линз, как обычно.

– Первые два – относительно слияния с Жи-экс-эр. Все подписано, скреплено печатью и отправлено. Мы вступаем во владение второго сентября. Подтверждено, что собрание совета директоров состоится в пятнадцать ноль-ноль по Лос-Анджелесу. Таким образом, у нас уйма времени, чтобы вернуться. Я попрошу...

– Пасытель лязыбилати, Хазяина? – с важным видом перебил ее от двери Ночной Сун.

Бартлетт хотел было сказать «нет», но Кейси уже мотала головой.

– *Ум хо* (Нет, спасибо.), – любезно сказала она по-кантонски, стараясь четко произносить каждое слово. – *Чжа цзыр, до цзе*. (Попозже, пожалуйста.)

Ночной Сун непонимающе уставился на нее:

– *Цто?*

Кейси повторила. Старик раздраженно фыркнул: насколько невоспитанна эта Золотистый Лобок, позволяет себе обращаться к нему на его собственном языке!

---

⁴⁴ Большое спасибо (кит., кантон.).

– Пасытель лязбила, *хейя*? Сичасы, *хейя*? – спросил он на скверном английском.

Кейси повторила фразу на кантонском – никакой реакции не последовало. Она начала было снова, но остановилась и устало проговорила по-английски:

– О, ничего-ничего! Не сейчас. Можете сделать это попозже.

Ночной Сун расплылся в улыбке: он заставил-таки ее потерять лицо.

– Да, Мисси. – И закрыл за собой дверь, хлопнув ею с достаточной силой, чтобы обратить на это внимание.

– Задница, – пробормотала она. – Он должен был понять меня, Линк, я знаю. Я произносила все правильно. Ну почему они прикидываются, что не понимают? Я пробовала на своей горничной, и все, что от нее слышала, было такое же *что*. – Изобразив, как они грубо и гортанно произносят: «*Што* ты говорить, *хейя*?», она не выдержала и рассмеялась.

– Они просто упрямые, – тоже засмеялся Бартлетт. – Но где ты научилась говорить по-китайски?

– Это кантонский. Я нашла учителя – выкроила час сегодня утром. Считаю, что должна уметь, по крайней мере, сказать: «Привет», «Доброе утро», «Принесите, пожалуйста, счет»... Обычные вещи. Проклятье, как это сложно. Все эти тоны. В кантонском семь тонов: одно и то же слово можно сказать семью различными способами. Например, спрашиваешь чек – это будет *май дань*, – но стоит произнести чуть не так, и получится «яичница» – тоже *май дань*. И ставлю один против пятидесяти, что официант принесет яичницу, только чтобы унижить тебя. – Она потягивала маленькими глоточками мартини и добавила еще одну оливку. – Как раз то, что нужно. Хочешь еще пива?

Бартлетт покачал головой:

– Нет, спасибо. – Он уже прочитал все телексы.

Кейси села на диван и открыла записную книжку.

– Звонила секретарь Винченцо Банастиасо, просила подтвердить заказ на люкс для него на субботу и...

– Я не знал, что он приезжает в Гонконг. А ты?

– Мне кажется, он что-то говорил насчет поездки в Азию, когда мы последний раз видели его... На ипподроме в прошлом месяце – в Дель-Мар. Когда там был Джон Чэнь. Ужасная история с Джоном, правда?

– Надеюсь, они поймают этих Вервольфов. Ублюдки... Убить человека да еще оставить на трупе такую записку.

– Я написала от нашего имени записку с выражениями соболезнования его отцу и мачехе, Диане. Помнишь, мы виделись с ней у Иэна и в Абердине? Господи, такое впечатление, что все это было миллион лет назад.

– Да. – Бартлетт нахмурился. – Я все же не помню, чтобы Винченцо что-то говорил. Он будет жить здесь?

– Нет, он хочет остановиться на гонконгской стороне. Я подтвердила по телефону резервирование в «Хилтоне», а завтра сделаю это лично. Он прилетает в субботу утром рейсом «Джапан эрлайнз» из Токио. – Кейси посмотрела на него поверх очков. – Хочешь, чтобы я договорилась о встрече?

– Он надолго?

– На выходные. На несколько дней. Ты же знаешь, он ничего четко не скажет. Может, в субботу после скачек? Мы будем на гонконгской стороне, и, если не удастся взять машину, от Хэппи-Вэлли недалеко и пешком.

Бартлетт хотел сказать: «Давай на воскресенье», но потом вспомнил, что в воскресенье летит в Тайбэй.

– Хорошо, в субботу после скачек. – Тут он заметил, как Кейси смотрит на него. – Что такое?

– Да вот гадаю, что он такое задумал.

– Когда он купил четыре процента акций «Пар-Кон», мы провели эту покупку через Сеймура, через Комиссию по ценным бумагам и кое-кого еще, и все остались довольны: деньги чистые. Его никогда не арестовывали и не предъявляли обвинений, хотя слухов ходило предостаточно. У нас никогда не возникало с ним проблем, он никогда не хотел, чтобы его включили в совет директоров, он не посещает собраний акционеров, всегда присылает мне доверенность и всегда выкладывал деньги, когда они были нам нужны. – Он пристально посмотрел на нее. – Ну, так и что?

– Ну, так и ничего, Линк. Мое мнение о нем ты знаешь. Я согласна: забрать обратно акции мы не можем. Он купил их без залоговых обязательств и обременений и сначала спросил. И мы, черт возьми, конечно, нуждались тогда в его деньгах и вложили их с большой пользой. – Она поправила очки и сделала пометку. – Я организую встречу и буду, как всегда, вежлива. Далее: активизирован счет нашей компании в банке «Виктория». Я положила на него двадцать пять тысяч, вот твоя чековая книжка. У нас там будет возобновляемый фонд, и Первый центральный банк Нью-Йорка готов перевести для начала на этот счет семь миллионов, когда мы об этом попросим. Вот телекс с подтверждением. В этом же банке я открыла и личный счет для тебя. Вот твоя чековая книжка еще на двадцать пять тысяч: двадцать из них на билете Гонконгского казначейства⁴⁵ с ежедневным оборотом. – Она ухмыльнулась. – Этого хватит на пару чашек *чоп сун* и хороший кусок нефрита, хотя я слышала, что здесь поддельный нефрит от настоящего не отличишь.

– Никакого нефрита. – Бартлетту хотелось взглянуть на часы, но он не стал этого делать, а лишь отхлебнул пива. – Что дальше?

– Дальше: звонил Клайв Берски и просил об одной услуге.

– Ты сказала, что он может продуть это дело через свой глушитель?

Она засмеялась. Клайв Берски был главным исполнительным директором их филиала Первого центрального банка Нью-Йорка. Человек очень придирчивый и педантичный, он приводил Бартлетта в бешенство требованиями, чтобы в документах все было точно.

– Он просит, если сделка со «Струанз» состоится, переводить наши средства через... – она справилась в своих записях, – здешний «Ройял Белджэм энд Фар Ист бэнк».

– А почему через них?

– Не знаю. Навожу про них справки. В восемь часов встречаюсь с их здешним исполнительным директором. Первый центральный только что купил этот банк: у него филиалы здесь, в Сингапуре и Токио.

– Поработай с ним ты, Кейси.

– Конечно. Я могу пропустить по рюмочке и уйти. Хочешь, потом поедим? Можно сходить в «Эскоффье»⁴⁶ или в «Девять драконов», а может, пройтись по Натан-роуд⁴⁷ и поесть чего-нибудь китайского. Где-нибудь недалеко: по прогнозу ожидаются еще дожди.

– Спасибо, но не сегодня. Я еду на гонконгскую сторону.

– Вот как? Ку... – Кейси осеклась. – Прекрасно. И когда ты уходишь?

– Скоро. Не спеши.

---

⁴⁵ *Казначейский билет* – правительственная ценная бумага, срок действия которой обычно составляет три месяца, но может достигать и одного года. Выпускается со скидкой и оплачивается по номиналу без процентов.

⁴⁶ Видимо, речь идет об отеле «Ритц-Карлтон». В его ресторанах поддерживаются традиции, заложенные знаменитым французским поваром и ресторатором Огюстом Эскоффье (1846–1935) и не менее знаменитым швейцарским знатоком гостиничного дела Сезаром Ритцем (1850–1918). Став партнерами в 1890 г., они основали ряд известных отелей по всему миру.

⁴⁷ Эта улица, построенная в 1906 г. и названная в честь сэра Мэтьюза Натана, губернатора Гонконга в 1904–1907 гг., главная магистраль Коулуна.

С той же непринужденной улыбкой на лице она прошла по своему списку, но Бартлетт был уверен, что Кейси тут же поняла, куда он собирается, и это его вдруг взбесило. Он старался, чтобы его голос звучал спокойно.

– Что у тебя еще?

– Все остальное может подождать, – проговорила она тем же любезным тоном. – С утра встречаюсь с капитаном Джанелли насчет вашей поездки в Тайбэй. Из офиса Армстронга прислали документы, временно снимающие запрет на использование самолета. Тебе нужно будет лишь подписать бумагу о том, что ты согласен вернуться в Гонконг. Я поставила там вторник. Правильно?

– Да, конечно. Вторник – это день «Д».

Она встала.

– На сегодня это все, Линк. Я займусь банкиром и всем остальным. – Она допила свой martini и поставила стакан назад в бар. – Да, твой галстук, Линк! Голубой подошел бы лучше. Увидимся за завтраком. – Она послала ему обычный воздушный поцелуй, вышла, как делала это всегда, и закрыла дверь с обычным пожеланием: – Приятных снов, Линк!

– С чего я, черт возьми, так взбесился? – сердито пробормотал он вслух. – Кейси ничего не сделала. Сукин ты сын! – Он бессознательно сдвинул в руках пустую банку из-под пива. «Сукин ты сын! И что теперь? Забыть про все это и идти или что?»

Кейси шагала по коридору в свой номер и вся кипела. «Могу жизнью поклясться, что он куда-то собрался с этой проклятой шлюхой. Надо было утопить ее тогда: такая была возможность!»

Тут она увидела Ночного Суна. Тот широко распахнул для нее дверь с улыбкой, в которой читалось откровенное самодовольство.

– Ты тоже можешь продуть это через задницу! – рявкнула она, сама не своя от гнева, захлопнула дверь, швырнула бумаги и записную книжку на кровать и чуть не расплакалась. – Не смей реветь! – громко приказала она себе со слезами в голосе. – Ни одному проклятому мужчине не удастся подкосить тебя. Не выйдет! – Она уставилась на пальцы, дрожавшие от охватившей ее ярости. – О, наплевать на всех мужчин!

Глава 49

19:40

– Прошу прощения, ваше превосходительство, вас к телефону.

– Благодарю вас, Джон. – Сэр Джеффри Эллисон повернулся к Данроссу и остальным. – Извините, я на минуту, джентльмены.

Они находились в Доме правительства, официальной резиденции губернатора, расположенной выше Централ. Высокие стеклянные двери были распахнуты навстречу вечерней прохладе, свежему после дождя воздуху, с деревьев и кустов падали ласкающие взор капли. Губернатор прошел через заполненную гостями приемную, где до начала ужина подавали коктейли и закуски. Он был весьма доволен тем, как проходил вечер. Все, похоже, проводили время очень хорошо. Гости шутили, разговаривали, изредка доносился смех, и никаких трений между тайбаниями Гонконга и членами парламента пока не отмечалось. По его просьбе Данросс старался изо всех сил ублажить Грея и Бродхерста, и даже Грей, похоже, смягчился.

Закрыв за губернатором дверь кабинета, адъютант оставил его наедине с телефоном. В кабинете, оклеенном голубыми обоями с ворсистым рисунком, царил приятная зеленоватая полутьма. Прекрасные персидские ковры, привезенные из Тегерана, куда сэр Джеффри был командирован на два года в посольство, хрусталь и серебро, витрины с превосходным китайским фарфором.

– Аллю?

– Прошу прощения, что беспокою, сэр, – послышался голос Кросса.

– О, привет, Роджер. – Грудь губернатора сжалось. – Нисколько не беспокоите.

– Две довольно неплохие новости, сэр. Нечто важное. Не возражаете, если я заскочу к вам?

Сэр Джеффри взглянул на фарфоровые часы, стоявшие на каминной полке.

– Через пятнадцать минут подадут ужин, Роджер. Вы где сейчас?

– Всего в трех минутах от вас, сэр. С ужином я вас не задержу. Но, как вам будет угодно, я могу сделать это попозже.

– Приходите сейчас, хорошие новости могут оказаться кстати. Со всеми этими банками и фондовой биржей... Если хотите, воспользуйтесь садовой калиткой. Джон вас встретит.

– Благодарю вас, сэр. – Телефон отключился.

Как повелось, у шефа Эс-ай был ключ к железной садовой калитке в окружающей здание высокой стене. Ровно через три минуты Кросс легкой походкой пересек террасу. Земля была очень влажной. Он тщательно вытер ноги и вошел через одну из высоких застекленных дверей.

– Попалась довольно крупная рыба, сэр, агент противника. Пойман на месте преступления, – негромко начал он. – Майор КГБ, политический комиссар с «Иванова». Задержан при осуществлении шпионской деятельности вместе с американским специалистом по компьютерной технике с атомного авианосца.

Лицо губернатора побагровело.

– Проклятый «Иванов»! Боже милостивый, Роджер, майор? Вы представляете, какую это вызовет бурю в дипломатических и политических кругах СССР, Соединенных Штатов и Лондона?

– Да, сэр. Именно поэтому я счел за лучшее сразу посоветоваться с вами.

– Чем, черт возьми, занимался этот тип?

Кросс изложил все в общих чертах. И добавил напоследок:

– Обоим сейчас дали снотворное, и никакой опасности они не представляют.

– Что было на пленке?

– Ничего, сэр, вуаль.

– Что?

– Да. Оба, конечно, не признают, что занимались шпионажем. Матрос говорит, что не знает ни о какой закладке, все отрицает. Клянется, что найденные при нем две тысячи американских долларов выиграл в покер. Зачем лгать, когда тебя взяли с поличным? Ну просто как дети. Только усложняют все дело. Мы ведь в конце концов все равно доберемся до истины. Я подумал, или мы не нашли настоящую пленку, или это была микропленка. Мы еще раз перетрясли их одежду, и я тут же приказал дать им рвотное и проверить стул. Майор... агент КГБ передал настоящие негативы час назад. – Кросс протянул большой конверт из плотной коричневой бумаги, который он держал в руках. – Это отпечатки восемь на десять дюймов, сэр, кадр за кадром.

Открывать конверт губернатор не стал.

– А что на них? В общем?

– На одних – часть наставления к системе наведения корабельных радаров. – Кросс сделал паузу. – На других – фотокопия полного грузового манифеста арсенала авианосца, его боеприпасов, ракет и боеголовок. Количество, марки, номера и места их хранения на корабле.

– Господи Иисусе! Включая ядерные боеголовки? Нет, на этот вопрос, пожалуйста, не отвечайте. – Сэр Джеффри пристально смотрел на Кросса. Помолчав, он произнес: – Ну что ж, Роджер, очень хорошо, что столь важная информация не попала в руки противника. Вас нужно поздравить. Наши американские друзья в равной степени вздохнут с облегчением и будут обязаны вам целым рядом услуг, и весьма значительных. Боже милостивый, имея подобные сведения, специалист без труда оценит ударную мощь этого корабля!

– Да, сэр, – тонко улыбнулся Кросс.

Сэр Джеффри изучающе смотрел на него.

– Но что нам делать с этим вашим майором?

– Я бы немедленно отослал его в Лондон под усиленной охраной на транспортном самолете королевских ВВС. Думаю, лучше, если вопросы будут задавать там, хотя у нас здесь для этого и средств, и опыта побольше. Я беспокоюсь лишь о том, что его руководство, конечно же, узнает о провале через час или около того. Они могут предпринять попытку освободить его либо вывести из строя. Или даже пойти на крайние дипломатические меры и нажать на нас, чтобы мы отпустили майора на «Иванов». Кроме того, когда о задержании офицера такого ранга узнают в КНР и на Тайване, не исключено, что красные или националисты попытаются заполучить его.

– А что с американским матросом?

– Наверное, было бы разумным немедленно передать его ЦРУ вместе с негативом пленки и вот этим – это единственные сделанные мной отпечатки. По очевидным соображениям безопасности я проявлял и печатал сам. Считаю, что лучше всего передать это Роузмонту.

– Ах да, Роузмонт. Он сейчас здесь?

– Да, сэр.

Взгляд сэра Джеффри стал жестче.

– У вас есть копии списков всех приглашаемых ко мне гостей, Роджер?

– Нет, сэр. Полчаса назад я позвонил в консульство, чтобы выяснить, где он. Мне сказали.

Сэр Джеффри снова посмотрел на него из-под косматых бровей. Он не верил Кроссу и считал, что шеф Эс-ай прекрасно осведомлен, кого он приглашает и когда. «Ничего страшного, – раздраженно подумал сэр Джеффри. – Это его работа. И ставлю золотую гинею против жареного пирожка, эти фотографии напечатаны Роджером не в единственном экземпляре, потому что он знает: наше Адмиралтейство с удовольствием взглянет на них, и предоставить им этот материал – его долг». – Может ли это иметь какое-нибудь отношение к делу АМГ?

– Нет. Абсолютно никакого, – ответил Кросс, и губернатору показалось, что в какой-то момент его голос дрогнул. – Не думаю, что есть какая-то связь.

Сэр Джеффри поднялся из своего высокого кресла и некоторое время расхаживал взад и вперед, прикидывая про себя все возможности. «Роджер прав. Китайская разведка по обе стороны „бамбукового частокола“⁴⁸ наверняка разнюхает про это очень скоро, потому что у нас каждый полицейский-китаец симпатизирует или КНР, или националистам. Так что будет разумнее отослать шпиона подальше, за пределы их досягаемости. Тогда ни у кого не возникнет соблазна, а если и возникнет, то, по крайней мере, не здесь».

– Думаю, мне немедленно нужно поговорить с министром.

– Возможно, при данных обстоятельствах, сэр, вы могли бы *проинформировать* министра о том, как я поступил с этим майором – послал его в Лондон в сопрово...

– Он уже отослан?

– Нет, сэр. Но я имею полное право ускорить это – если вы не против.

Сэр Джеффри снова задумчиво посмотрел на часы. Наконец он проговорил с еле заметной улыбкой:

– Очень хорошо. Сейчас в Лондоне время ланча, и я *проинформирую* министра примерно через час. Этого времени будет достаточно?

– О да, благодарю вас, сэр. Все уже подготовлено.

– Я так и подумал.

– Я вздохну гораздо свободнее, когда этот тип будет на пути в Англию, сэр. Благодарю вас.

– Да. А моряк?

– Может быть, вы могли бы *попросить* у министра разрешения на передачу его Роузмунту, сэр?

Сэру Джеффри хотелось задать еще с десяток вопросов, но он не задал ни одного. По долгому жизненному опыту он знал, что врать не горазд, поэтому чем меньше он знает, тем лучше.

– Очень хорошо. Ну а что за вторая из двух «хороших» новостей? Надеюсь, эта будет получше.

– Мы поймали «крота», сэр.

– А-а! Хорошо. Замечательно! И кто это?

– Старший суперинтендент Квок.

– Не может быть!

Кросс постарался не показать, как ему это приятно.

– Согласен, сэр. Тем не менее суперинтендент Квок – агент коммунистов и вел разведывательную деятельность в пользу КНР. – Кросс рассказал, как была раскрыта легенда Брайана Квока. – Я полагаю, суперинтендент Армстронг должен получить благодарность, а также Очкарик У. Я беру его в Эс-ай, сэр.

Потрясенный сэр Джеффри смотрел в окно.

– Господи, спаси мою душу грешную! Молодой Брайан! Зачем? Через год-два он мог стать заместителем комиссара... Надеюсь, это не ошибка?

– Нет, сэр. Как я уже говорил, доказательства неопровержимые. Мы, конечно, еще не знаем ответов на все «как» и «почему», но скоро узнаем.

Ответ был категоричным, и, глядя в это узкое безжалостное лицо и холодные глаза, сэр Джеффри почувствовал, что ему невероятно жаль Квока, он был расположен к Брайану уже много лет.

---

⁴⁸ Китайский аналог «железного занавеса».

– Держите меня в курсе насчет него. Может, нам удастся выяснить, что заставляет людей идти на подобные вещи. Боже милостивый, такой приятный молодой человек, и к тому же классно играет в крикет. Да, держите меня в курсе.

– Конечно, сэр. – Кросс встал. – Интересная вещь. Я никак не мог понять, почему он всегда обнаруживал такую явную неприязнь к американцам – это был его единственный изъян. Теперь-то это очевидно. Я должен был обратить на это внимание. Извините, сэр, и прошу прощения, что испортил вам вечер.

– Вас нужно поздравить, Роджер. Если мы отправляем советского агента в Лондон, может, отправить туда и Брайана Квока? Ведь высказанные вами соображения относятся и к нему.

– Нет, сэр. Я так не считаю. Здесь мы можем разобраться с Квоком гораздо быстрее и эффективнее. Это нам нужно выяснить, что он знает, – в Лондоне этого не поймут. Квок – угроза Гонконгу, а не Великобритании. Он – агент КНР, а тот – советский агент. Их нельзя сравнивать.

Сэр Джеффри тяжело вздохнул, понимая, что Кросс прав.

– Согласен. На самом деле день сегодня совершенно жуткий, Роджер. Сначала эти массовые изъятия вкладов из банков, потом фондовая биржа... Погибшие вчера вечером, бедный сэр Чарльз Пенниworth и жена Токса... И погибшие сегодня утром в Абердине в результате оползня... Благородный Дом пошатнулся... Этот штормовой фронт того и гляди превратится в треклятый тайфун, и придется из-за него отменить скачки в субботу... А теперь еще ваши новости: американский моряк предает свою родину, свой корабль и свою честь за жалкие две тысячи долларов.

– Возможно, для него две тысячи долларов не пустяк, – снова тонко улыбнулся Кросс.

«В ужасные времена мы живем», – хотел сказать сэр Джеффри, но промолчал, прекрасно понимая, что времена здесь ни при чем. Все очень просто: люди есть люди, ими правят тщеславие, зависть, злоба, похоть, а еще больше – страстное стремление к власти или деньгам, и будут править всегда. Большинством людей.

– Спасибо, что пришли, Роджер. Отмечу еще раз, вас нужно поздравить. Я так и передам министру. До свидания.

Он провожал Кросса взглядом: тот шел к калитке – высокий, уверенный в себе и беспощадный. Лишь после того, как адъютант закрыл за ним железную калитку в высокой стене, сэр Джеффри Эллисон позволил снова всплыть на поверхность вопросу, который так и не задал.

«Кто работает на врага у меня в полиции?»

В бумагах АМГ сказано абсолютно четко. Предатель – шпион Советов, а не КНР. Брайана Квока раскрыли случайно. Почему Роджер не отметил очевидного?»

Сэр Джеффри поежился.

«Если уж Брайан оказался агентом, им может быть кто угодно. Кто угодно».

Глава 50

20:17

Не успел он снять палец со звонка, как дверь распахнулась.

– О, Линк, – выдохнула Орланда, сама не своя от счастья, – я уже и не надеялась. Пожалуйста, входи!

– Прошу прощения за опоздание, – проговорил Бартлетт, пораженный ее красотой и чудесным теплом. – На дорогах сплошные пробки, на паромках жуткие толпы, и к телефону не пробиться.

– Ты здесь, значит, ты не опоздал, нисколько. Я просто боялась, что... – Она тут же торопливо добавила: – Я боялась, что ты сегодня не придешь и тогда все для меня рухнет. Ну вот, я и проговорилась, и все мои оборонительные редуты пали. Но я так счастлива видеть тебя, что мне уже все равно. – Она встала на цыпочки, поцеловала его быстрым довольным поцелуем, взяла за руку и закрыла за ним дверь.

Тонкий аромат ее духов еле чувствовался, но Бартлетт ощущал его всем существом. Платье из белого шифона по колено, облегаящее на запястьях и на шее, при движении словно издавало вздох. Оно открывало, но не совсем, ее золотистую кожу.

– Я так счастлива, что ты здесь, – снова пролепетала она, взяла у него зонт и поставила в стойку.

– Я тоже.

Теперь, вечером, комната смотрелась еще наряднее, горели свечи, высокие стеклянные двери были открыты на балкон. Чуть выше уже нависали облака, вниз по склону холма к морю спускался город, и его огни время от времени заволакивало, как туманом, проплывавшими мимо клочками низкой облачности. До моря внизу было семьсот футов⁴⁹. Коулун виделся нечетко, гавань еле просматривалась, но Бартлетт знал, что там стоят корабли, а у причальной стенки вырисовывалась громада авианосца. Просторная, расходящаяся углом палуба залита светом, ярко освещены и остроносые реактивные истребители, и вздымающийся к небесам командный мостик боевой шаровой окраски, и безжизненно свисающий промокший звездно-полосатый флаг.

– Слушай, Орланда, какой великолепный вечер, – проговорил он, опершись на перила.

– О да, великолепный. Иди сюда, садись.

– Если можно, я лучше полюбуюсь видом.

– Конечно, все, что тебе будет угодно, все. Этот костюм тебе идет, Линк, и галстук мне нравится, – с довольным видом сказала она.

Ей хотелось сделать комплимент, хоть она и не считала, что галстук тот, что нужно. «Ничего страшного, он просто не так чувствителен к цветам, как Квиллан, и ему нужно в этом помочь. Я буду поступать так, как учил Квиллан: не критиковать, а пойти и купить тот, что мне нравится, и подарить. Если ему понравится – прекрасно, если нет – тоже ничего, потому что какое это имеет значение: носить-то ему. Лучше голубой, голубой подойдет к глазам Линка и будет удачнее смотреться с этой рубашкой».

– Ты хорошо одеваешься.

– Спасибо, ты тоже.

Ему вспомнилось, что сказала про галстук Кейси, как он злился на нее всю дорогу, пока ехал на пароме, пока ждал такси. Вспомнилось и то, как ему отдавила ногу какая-то старуха,

---

⁴⁹ Больше 200 м.

рванувшаяся мимо, чтобы занять его машину, и как он не позволил старой ведьме этого сделать, ответив бранью на брань.

Злость оставила его лишь теперь. «Это потому, что Орланда обрадовалась, увидев меня, – сказал он себе. – Столько лет уже Кейси не сияет как рождественская елка или ничего не говорит, когда я... А-а, к черту все это! Сегодня вечером я из-за Кейси больше не переживаю».

– Вид – просто фантастика, а ты красивая, как картинка!

Она рассмеялась:

– Ты тоже и... *О, я же не дала тебе выпить, извини...* – Она вихрем помчалась в кухню, подол платья разлетелся на бегу. – Не знаю почему, но с тобой я чувствую себя школьницей, – крикнула она оттуда.

Через минуту Орланда вернулась с подносом. Керамический горшочек с паштетом, свежеподжаренные тосты и бутылка охлажденного пива.

– Надеюсь, это то, что надо.

Это был «анвайзер».

– Откуда ты знаешь, какое пиво я люблю?

– Ты же сам сказал утром, разве не помнишь? – Переполнявшее ее тепло снова передалось Линку, и было видно, что ему это приятно. – И что ты любишь пить его прямо из бутылки.

Он взял бутылку и ухмыльнулся, глядя на нее:

– В статье тоже про это будет?

– Нет. Нет, я решила, что не буду писать про тебя.

Он заметил, какой она вдруг стала серьезной.

– Почему?

Она наливала себе бокал белого вина.

– Я решила, что никогда не смогу воздать тебе должное, поэтому и писать не буду. К тому же, думаю, тебе не захочется, чтобы это висело над тобой. – Она положила руку на сердце. – Вот те крест и чтоб мне помереть, никакой статьи, все остается в тайне. Ни статьи, ни журналы, клянусь Мадонной, – вполне серьезно добавила она.

– Ну-ну, зачем столько драматизма!

Она стояла, опершись спиной о перила, и до бетонной площадки внизу было восемьдесят футов⁵⁰. Выражение лица у нее было искренним, и он ей поверил. И почувствовал облегчение. Эта статья была единственным подвохом, единственным, что его настораживало, – статья и то, что она журналистка. Он потянулся и поцеловал ее, намеренно чуть коснувшись губами.

– Креплено поцелуем⁵¹. Спасибо.

– Да.

Какое-то время они любовались видом.

– Дождь перестал насовсем?

– Надеюсь, что нет, Линк. Чтобы наполнились резервуары, нам нужно несколько хороших ливней подряд. Так непросто содержать себя в чистоте, а у нас по-прежнему дают воду раз в четыре дня. – Она улыбнулась озорно, как ребенок. – Вчера вечером, когда лило как из ведра, я разделась догола и помылась здесь. Так здорово. Дождь был такой сильный, что удалось даже вымыть голову.

Он представил ее себе голой здесь, ночью, и впечатлился.

– Ты бы поосторожнее. Перила здесь не такие высокие. Не дай бог, поскользнешься.

– Странное дело, я до смерти боюсь моря, а вот высота меня несколько не смущает. Если бы не ты, мне точно бы не выжить.

---

⁵⁰ Около 25 м.

⁵¹ «Креплено поцелуем» (Sealed With A Kiss) – название музыкального хита начала 1960-х годов из репертуара американского певца Брайана Хайланда (р. 1943).

- Да ладно! И без меня бы справилась.
- Может быть, но ты, несомненно, спас мою репутацию. Не приди ты на помощь, я точно бы опозорилась. Так что спасибо за репутацию.
- А она здесь важнее жизни, верно?
- Иногда да, да, важнее. А почему ты так сказал?
- Да я вот размышлял про Данросса и Квиллана Горнта. Эти двое постоянно наезжают друг на друга – в основном из-за репутации.
- Да. Ты прав, конечно, – согласилась она и задумчиво добавила: – С одной стороны, они прекрасные люди, а с другой – сущие дьяволы.
- Как это?
- Они оба – люди безжалостные, очень и очень сильные, очень жесткие, знающие и... хорошо разбирающиеся в жизни. – Она густо намазала паштет на один из тостов и предложила ему. Ногти длинные, ухоженные. – У китайцев есть поговорка: *Чань цао, чу гэнь* – «Пропалывай сорняки, вытаскивай их с корнем». Эти двое глубоко пустили свои корни в Азии, очень глубоко, даже слишком глубоко. Избавиться от этих корней ой как непросто. – Она пила маленькими глоточками вино и трогательно улыбалась. – И вероятно, делать этого не следует, во всяком случае ради Гонконга. Еще немного паштета?
- Да, пожалуйста. Замечательная штука. Ты сама его делаешь?
- Да. По старинному английскому рецепту.
- А почему это будет плохо для Гонконга?
- О, наверное, потому, что они уравнивают друг друга. Если один уничтожит другого – о, я не имею в виду лично Квиллана или Данросса, речь идет о самих *хонгах*, компаниях – «Струанз» и «Ротвелл-Горнт». Если одна поглотит другую, то оставшаяся, скорее всего, наберет слишком большую силу. Ни о какой конкуренции не будет и речи. А потом, не исключено, что тайбаня может одолеть жадность. Возможно, он решит покончить с Гонконгом. – Она нерешительно улыбнулась. – Извини... Что-то я разболталась. Это всего лишь мои измышления. Еще пива?
- Конечно, чуть позже, спасибо, но это интересное соображение.
- «Да, – размышлял Бартлетт, – я об этом никогда и не задумывался, и Кейси тоже. Неужели эти двое нужны друг другу?
- А Кейси и я? Нужны ли друг другу мы?»
- Увидев, что она наблюдает за ним, Линк улыбнулся:
- Орланда, ни для кого не секрет, что я хочу заключить с одним из них сделку. Кого бы выбрала на моем месте ты?
- Ни того ни другого, – тут же отреагировала она и засмеялась.
- Почему?
- Ты не англичанин, не вхож в круг «старых однокашников»⁵², ты не наследственный член какого-нибудь закрытого клуба, и, сколько бы у тебя ни было денег и власти, все равно решать, что и как, будут «старые однокашники». – Она взяла пустую бутылку и сходила за другой.
- Ты считаешь, мне не добиться успеха?
- О, я не это имела в виду, Линк. Ты заговорил про «Струанз» или «Ротвелл-Горнт», про то, что ты собираешься наладить бизнес с одной из этих компаний. Если ты это сделаешь, то в конечном счете выиграют они.
- Они что, такие крутые?

---

⁵² В Великобритании выпускники привилегированных частных школ широко используют свою принадлежность к этому избранному кругу в бизнесе и политике.

– Нет. Но это азиатские компании, они здесь свои. Местная поговорка гласит: *Тянься'уя'ибань хэй* – «Под небесами все вороны черные», то есть все тайбани одним миром мазаны, и они будут заодно, чтобы уничтожить чужака.

– Значит, Иэну и Квиллану партнер не очень-то и нужен?

Она помолчала.

– В этом я уже мало что соображаю. Не разбираюсь в бизнесе. Просто я не знаю случая, чтобы приехавший сюда американец добился большого успеха.

– А как же Блицманн, «Суперфудз» и покупка ими контрольного пакета «Эйч Кей дженерал сторз»?

– Блицманн – это просто смех. Все его терпеть не могут и ждут не дождутся, когда он оскандалится. Даже Паг... Пагмайр. Квиллан уверен, что так и будет. Нет, ничего не вышло даже у Купера и Тиллмана. Это были американские трейдеры тех первых дней, Линк, торговцы опиумом – они даже пользовались покровительством Дирка Струана. Больше того, Струаны и Куперы связаны родством: «Карга» Струан выдала старшую дочь Эмму за старика Джеффа Купера. Его прозвали Старый Нос Крючком, когда он на склоне лет впал в детство. Говорят, этот брак стал платой за помощь в разорении Тайлера Брока. Ты слышал о них, Линк? О Броках, сэре Моргане, его отце Тайлере и «Карге»?

– Кое-какие из этих историй нам рассказывал Питер Марлоу.

– Если хочешь узнать, что такое настоящий Гонконг, тебе надо поговорить с Тетушкой Светлые Глаза – это Сара Чэнь, старая дева, тетушка Филлипа Чэня! Вот это личность, Линк, и на язычок к ней лучше не попадаться. Она утверждает, что ей восемьдесят восемь. Я считаю, что больше. Ее отец – сэр Гордон Чэнь, незаконный сын Дирка Струана от его наложницы Кайсун, а мать – знаменитая красавица Карен Юань.

– А это кто такая?

– Карен Юань – внучка Робба Струана. У Робба, сводного брата Дирка Струана, была наложница по имени Яо Минсу, от которой у него родилась дочь Изабель. Изабель вышла замуж за Джона Юаня, незаконного сына Джеффа Купера. Джон Юань стал известным пиратом и контрабандистом опиума, а Изабель посмертно получила широкую и печальную славу: она играла в мацзян по-крупному и два раза проигрывала все состояние мужа. Так вот, дочь Изабель и Джона Юаня, Карен, вышла замуж за сэра Гордона Чэня. Вообще-то, она была у него вторая жена, то есть, скорее, любовница, но этот брак считался вполне законным. Здесь до сих пор китаец может на законных основаниях иметь сколько угодно жен.

– Это удобно!

– Для мужчины! – улыбнулась Орланда. – Так что эта крохотная ветвь Юаней – потомки Купера. Чжуны и Чэни – от Дирка Струана. Суны, Тупы и Дуны – от художника Аристотеля Квэнса. Здесь, в Гонконге, дети по традиции берут фамилию матери, а мать обычно простая девушка, проданная в наложницы родителями.

– Родителями?

– В большинстве случаев – да, – не моргнув глазом сказала она. – *Тун тянь юй мин* – «Слушайся небес и следуй судьбе». Особенно когда тебе нечего есть. – Она пожала плечами. – В этом нет ничего постыдного, Линк, никакой потери лица. Во всяком случае, в Азии.

– Откуда ты столько знаешь о Струанах, Куперах, всех этих наложницах и прочем?

– Так ведь город небольшой, и мы все любим тайны. На самом деле никаких тайн в Гонконге нет. Среди своих – если это действительно свои – все знают всё обо всех. Ну почти всё. Как я уже говорила, у нас здесь очень глубокие корни. И не забывай, что Чэни, Юани и Суны – евразийцы. Я уже говорила, что евразийцы женятся на евразийцах, поэтому мы должны знать, от кого произошли. Англичане или китайцы не склонны сочетаться с нами брачными узами, они видят в нас лишь любовниц или любовников. – Она потихоньку пила вино, и он был восхищен тонкостью и грацией ее движений. – В китайских семьях есть традиция запи-

сывать свою генеалогию в деревенских книгах. Это единственное законное свидетельство, по которому можно проследить преемственность: никаких метрик у них никогда не водилось. – Она улыбнулась. – Возвращаясь к твоему вопросу. И Иэн Данросс, и Квиллан будут рады воспользоваться твоими деньгами и твоим положением на рынке Штатов. И ты получишь прибыль с любым из них – если тебя устроит роль молчаливого партнера.

Бартлетт задумчиво перевел взгляд на вид за окном.

Она терпеливо ждала, позволяя ему поразмышлять и оставаясь неподвижной. «Как я рада, что Квиллан такой хороший учитель и такой умный человек, – думала она. – И такой мудрый. Он опять оказался прав».

Сегодня утром она позвонила Горнту, вся в слезах, на его личный номер, чтобы рассказать о случившемся.

– О, Квиллан, думаю, я все испортила...

– Что говорила ты и что сказал он?

Она выложила все как было, и он ее успокоил:

– Я считаю, Орланда, переживать не стоит. Он вернется. Если не сегодня вечером, то завтра.

– Ох, ты уверен? – пролепетала она, исполненная благодарности.

– Да. А теперь вытри слезы и послушай меня. – И он растолковал, что нужно делать, как одеться, и посоветовал прежде всего быть женщиной.

«Ах, до чего здорово, что я женщина», – подумала она, с грустью вспоминая прежние времена, когда они были счастливы вместе, она и Квиллан: ей девятнадцать, она его любовница уже два года и больше не смущается и не боится – ни постели, ни его, ни самой себя. Они иногда выходили на его яхте в полуночный круиз – только Квиллан и она, – и он наставлял ее.

– Ты женщина и гонконгский *янь*. Поэтому, если хочешь жить хорошо, иметь красивые вещи, если хочешь, чтобы тобой дорожили, если хочешь любви, постели и безопасности в этом мире, будь женщиной.

– А как это, милый?

– Думай лишь о том, как удовлетворить меня и сделать мне приятно. Разожги во мне страсть, когда я жажду страсти, дай покой, когда я нуждаюсь в покое, подари уединение, когда я стремлюсь уединиться, и постоянно неси счастье, не посягая на мою свободу. Готовь как гурме, разбирайся в хороших винах, всегда держи язык за зубами, защищай мою репутацию и никогда не изводи придирками.

– Но, Квиллан, у тебя получается игра в одни ворота.

– Да. Конечно. Но за это я буду с такой же страстью выполнять свою часть обязательств. Я жду от тебя именно этого, на меньшее я не согласен. Ты хотела быть моей любовницей. Я выставил тебе эти условия до того, как мы начали, и ты согласилась.

– Я знаю, что согласилась, и мне нравится быть твоей любовницей, но... но иногда я беспокоюсь за будущее.

– Ах, моя крошка, тебе не о чем беспокоиться. Ты же знаешь, наши правила игры установлены заранее. Мы каждый год будем возобновлять договоренность при условии, что *ты* этого хочешь, пока тебе не исполнится двадцать четыре. Тогда, если ты захочешь оставить меня, я предоставлю тебе квартиру, достаточно денег для удовлетворения умеренных потребностей и приличное приданое для подходящего мужа. Мы пришли к согласию, и твои родители не возражали...

– Да, они не возражали.

Орланда вспомнила, с какой радостью мать с отцом согласились на эту связь. Они сами предложили ей сойтись с Горнтом, когда она вернулась домой, окончив учебу в Америке. Сообщили, что Квиллан спрашивал у них разрешения обратиться к ней с таким предложением, признавшись, что влюблен в нее.

– Он хороший человек, – сказал тогда отец. – И он обещал позаботиться о тебе, если ты согласишься. Выбирать тебе, Орланда. Мы со своей стороны рекомендовали бы согласиться.

– Но, отец, мне только в следующем месяце будет восемнадцать. И, кроме того, я хочу вернуться в Штаты. Я уверена, что смогу получить «грин кард» и остаться там.

– Да, ты можешь вернуться, доченька, – вступила в разговор ее мать, – но ты будешь бедной. Мы ничего не можем дать тебе, ничем не можем помочь. Какая у тебя будет работа? Кто будет обеспечивать тебя? А здесь через некоторое время у тебя появится какой-то доход, какая-то собственность, средства к существованию.

– Но ему столько лет. Он...

– У мужчины возраст проявляется не как у женщины, – убеждали ее оба. – Он человек влиятельный, уважаемый и хорошо относился к нам многие годы. Он обещал заботиться о тебе, и финансовые условия этой договоренности привлекательны, сколько бы ты ни пробыла с ним.

– Но я не люблю его.

– Ты говоришь глупости по восьми направлениям!⁵³ Зубы стыли бы от холода, не защищай их губы! – рассердилась мать. – Тебе представляется такая редкая возможность – это все равно что найти волосок феникса или сердце дракона! И что нужно делать? Просто быть женщиной, почитать хорошего человека и повиноваться ему несколько лет – причем каждый год соглашение возобновляется, – и даже потом этим годам не будет конца, если ты сама этого захочешь, останешься верной и умной. Кто знает? Жена у него инвалид и скоро умрет. Если ты сумеешь хорошо ублажать его и заботиться о нем, почему бы ему не жениться на тебе?

– Чтобы Квиллан Горнт женился на евразийке? – воскликнула она.

– А почему нет? Ты не просто евразийка, ты – португалка. У него уже есть английские сыновья и дочери, *хейя*? Времена меняются, даже здесь, в Гонконге. Если ты будешь стараться, кто знает? Роди ему через год-два сына, с его разрешения, и кто знает? Боги есть боги, и стоит им захотеть, грянет гром среди ясного неба. Не будь дурой! Любовь! Ты, верно, и не знаешь, что это такое.

Орланда Рамуш смотрела вниз на город и не видела его. «Какая я была тогда глупая и наивная, – думала она. – Наивная и очень глупая. Но теперь я разбираюсь, что к чему. Квиллан преподал мне хороший урок».

Она покосилась на Линка Бартлетта, не поворачивая головы, чтобы не беспокоить его.

«Да. Урок я получила хороший. Такой, что способна стать лучшей женой, какая только может быть у мужчины, какая только может быть у Бартлетта. На этот раз никаких ошибок не будет. Квиллан меня наставит. Он поможет убрать Кейси. Я стану миссис Линк Бартлетт. Призываю в свидетели всех богов и демонов: именно так все и должно произойти...»

Вскоре, обдумав ее слова, он оторвал взгляд от города. Орланда наблюдала за ним, на ее лице играла мимолетная улыбка, но что скрывалось за этой улыбкой, он не смог прочесть.

– Ты о чем?

– Думаю, как мне повезло, что я встретила тебя.

– Ты всегда делаешь комплименты мужчинам?

– Нет, только тем, кто мне нравится. А они такая же редкость, как волосок феникса или сердце дракона. Еще паштета?

– Спасибо. – Он принял у нее тост. – А ты не ешь?

– Берегу место для ужина. Мне нужно соблюдать диету. Я не ты.

– Я-то каждый день занимаюсь физическими упражнениями. Играю в теннис по возможности, в гольф. А ты?

– Немного играю в теннис, много хожу пешком, а в гольф играть еще только учусь. –

«Да, – подумала она. – Я стану лучшей во всем, что делаю, и для тебя, Линк Бартлетт, лучше

---

⁵³ Дословный перевод китайского выражения *ху шо ба дао* – «говорить ерунду».

меня нет во всем необъятном мире». В теннис она играла очень хорошо и в гольф достаточно прилично, потому что Квиллан настоял, чтобы она освоила и то и другое. Сам он играл в теннис и гольф с удовольствием. – Есть хочешь?

– Просто умираю от голода.

– Ты сказал: китайская кухня. Тебе действительно хочется именно китайской?

Он пожал плечами:

– Мне все равно. Как скажешь.

– Ты уверен?

– Абсолютно. А чего бы тебе хотелось?

– Зайди на минутку.

Он последовал за ней. Орланда открыла дверь в столовую. Там был накрыт изысканный стол на двоих. Цветы, бутылка белого итальянского вина «вердиккио» во льду.

– Линк, я так долго ни для кого не готовила, – выпалила она на одном дыхании, и это показалось ему невероятно милым. – Но для тебя мне хотелось что-то приготовить. Если ты не против, у меня готов ужин по-итальянски. Свежая паста *аглио-и-олио* – с чесноком и оливковым маслом, – *пикката*, зеленый салат, *дзабальоне*⁵⁴, эспрессо и бренди. Как тебе? Это займет лишь двадцать минут, а ты, пока ждешь, можешь почитать газету. А потом мы можем все оставить до прихода *ама* и пойти потанцевать или покататься на машине. Ну, что скажешь?

– Итальянская кухня – моя любимая, Орланда! – восторженно заявил Линк. И тут же на минуту задумался: кому он говорил раньше, что итальянская кухня – его любимая? Кейси? Или Орланде сегодня утром?

---

⁵⁴ *Дзабальоне* – десерт из яичных желтков, взбитых с сахаром, сладким вином (обычно это марсала) и иногда сливками. То же, что сабайон.

Глава 51

20:32

Вздрыгнув, Брайан Квок проснулся. В один миг он перенесся из кошмарного сна в действительность, но почему-то никак не мог выбраться из глубокого, будто колодец, мрака: сердце колотилось, в голове все смешалось, и не понять было, спит он или нет. Его охватила паника. Потом, осознав, что он голый и вокруг по-прежнему теплый мрак камеры, Квок вспомнил, кто он и где находится.

«Должно быть, накачали наркотиками». Во рту пересохло, болела голова, и он снова лег на липкий матрас и постарался собраться. Смутно помнилось, что он был в кабинете Армстронга, а до этого обсуждал «шестнадцать дробь два» с Кроссом, а вот потом уже почти ничего – просыпаешься в темноте, ищешь на ощупь стены, чтобы сориентироваться, чувствуешь, что они рядом, и не даешь воли ужасной мысли, что тебя предали, что ты беззащитен здесь, в утробе Главного управления полиции, в коробке без окон и с упрятанной бог знает где дверью. Потом, измучившись, засыпаешь, а пробудившись, слышишь злые голоса – или это приснилось? – и снова забываешься сном...

«Нет, сначала ешь, ведь я сначала поел... да, эти помои, которые у них называются ужином, и выпил холодный чай... Давай думай! Это очень важно – думать и вспоминать... Да, я помню, водянистые тушеные овощи и холодный чай, а потом, позже, завтрак. Яичница. Была ли сначала яичница, а потом овощи и... Да, каждый раз, когда я ел, зажигался свет, только на время, за которое можно поесть... Нет, свет выключался, и каждый раз я заканчивал есть в темноте, а я терпеть не могу есть в темноте, а потом я помочился в ведро в темноте, забрался назад на матрас и снова лег.

Как долго я уже здесь? Надо обязательно считать дни».

Он бессильно стащил ноги со своего ложа и, шатаясь, подошел к стене. Все тело болело под стать голове.

«Надо делать физические упражнения, выгонять из организма наркотики, чтобы голова была светлой и готовой к допросу. Нужно, чтобы сознание было готово к тому моменту, когда они набросятся на меня, действительно начнут. Когда им покажется, что я размяк, – тогда они не будут давать мне спать, пока не расколют.

Нет, они не расколют меня. У меня есть силы, я подготовлен и знаю кое-какие ловушки. Кто меня предал?»

Ответить на этот вопрос оказалось не по силам, поэтому он собрал всю волю и сделал несколько неуверенных приседаний. Донеслись приглушенные звуки приближающихся шагов. Он торопливо рванулся обратно к койке и лег, притворяясь спящим. Сердце рвалось из груди от сдерживаемого страха.

Шаги смолкли. Клацнула отодвигаемая задвижка, и открылось окно в двери. В камеру проникла полоса света, и наполовину видимая рука поставила металлическую миску и металлическую кружку.

– Ешь свой завтрак и поторопись, – сказали по-кантонски. – Скоро тебе опять на допрос.

– Послушайте, я хочу... – крикнул Брайан Квок, но окно уже захлопнулось с тем же клацаньем, и он остался в темноте один на один с эхом собственных слов.

«Спокойно, – приказал он себе. – Успокойся и подумай».

Камеру неожиданно залил свет. Он резал глаза. Привыкнув к нему, Квок разглядел, что свет исходит от установленных высоко на потолке светильников, и вспомнил, что видел их раньше. Стены, темные, почти черные, казалось, давили внутрь, на него. «Не надо переживать

на этот счет, – подумал он. – Темные камеры ты видел и раньше, и хотя тебе никогда не приходилось участвовать в „глубоком“ допросе, принципы его тебе известны, а также и некоторые уловки».

При мысли об ожидающих его муках к горлу подступила тошнота.

Дверь была почти незаметна, окно в ней тоже замаскировали. Он чувствовал чей-то взгляд, хотя смотровых отверстий нигде не обнаружил. На тарелке – яичница из двух яиц и толстый кусок грубого хлеба. Хлеб чуть поджарен. Яичница холодная, вся в жиру, неаппетитная. В кружке – холодный чай. Ни ножа, ни вилки, ни ложки.

Он стал жадно пить чай, стараясь растянуть удовольствие, но чай как-то незаметно кончился, и его было так мало, что жажду утолить не удалось. «*Цзю ни ло мо*, чего бы я не отдал сейчас за зубную щетку, бутылку пива и...

Свет погас так же неожиданно, как и включился. Чтобы привыкнуть к темноте, времени потребовалось больше. «Спокойно, это просто темнота и свет, свет и темнота. Все лишь для того, чтобы смутить и дезориентировать. Спокойно. Принимай каждый день таким, как есть, каждый допрос таким, как есть».

Его снова охватил страх. Он понимал, что на самом деле не готов, не имеет достаточного опыта, хоть и проходил курс выживания при задержании, когда его учили, что нужно делать, если попадешь в плен к противнику, к коммунистам из КНР. Но КНР не противник. Настоящий противник – англичане и канадцы, которые делали вид, что они свои и учителя, настоящий противник – они.

«Не надо думать об этом, не надо стараться убедить себя, старайся убеждать только их.

Нужно стоять на своем. Нужно как можно дольше – сколько получится – делать вид, что это ошибка, а потом... потом я расскажу легенду, которая составлялась много лет, и запутаю их. Вот такова задача».

До невозможности хотелось пить. И есть.

Брайану Квоку хотелось швырнуть в стену пустую кружку и миску, кричать и звать на помощь, но это было бы ошибкой. Он понимал, что нужно контролировать себя во всем и сохранять каждую каплю сил, какие еще оставались, чтобы дать отпор.

«Думай головой. Используй то, чему тебя научили. Применяй теорию на практике. Вспомни курс выживания, который ты прослушал в прошлом году в Англии. Так, и что теперь надо делать?»

Он припомнил, что при каждой возможности обязательно нужно есть, пить и спать, потому что неизвестно, когда тебя могут всего этого лишиться. Использовать зрение, обоняние, осязание и мыслительные способности, чтобы вести отсчет времени в темноте. Помнить, что схватившие тебя когда-нибудь непременно допустят ошибку, которая позволит тебе – если не проворонишь ее – определиться во времени, а значит, сохранять равновесие, и обмануть их, не разгласить того, что разглашать нельзя ни в коем случае – настоящие имена и действующие контакты. Главное – противопоставить им свой ум. Сохраняй активность, заставляй себя делать наблюдения.

«Не было ли ошибки? Не прокололись ли где-нибудь эти дьяволы-варвары? Только раз, – радостно сообразил он. – Яичница! Эти ослы-англичане со своей яичницей на завтрак!»

Теперь он почувствовал себя лучше и совсем проснулся. Поднявшись с койки, ощупью нашел металлическую миску, тихонько поставил рядом с ней кружку. Яичница была холодная, жир застыл, но Квок проглотил ее и доел хлеб, переменив отношение к еде. Есть пальцами в темноте показалось непривычно и неудобно, особенно потому, что вытереть пальцы можно было только о свое голое тело.

Он поежился, ощущая себя покинутым и нечистым. Возникло неприятное ощущение в мочевом пузыре, и он прошел на ощупь к ведру, прикрепленному к стене. От ведра воняло.

Указательным пальцем он ловко измерил уровень жидкости в ведре. Оно было почти полное. Опорожнившись, он снова измерил уровень. В уме подсчитал разницу. «Если они не доливали его, чтобы запутать меня, я мочился три-четыре раза. Дважды в день? Или четыре раза в день?»

Он вытер запачканный палец о грудь, отчего почувствовал себя еще грязнее. Но это важно – использовать все и вся, чтобы сохранить душевное равновесие и ориентацию во времени. Он снова лег. Мутит, когда не знаешь, светло на улице или темно, день или ночь. Подступила тошнота, но он переборол ее и заставил себя вспомнить все про того Брайана Квока, который только для врагов Брайан Каршунь Квок, а на самом деле другой, почти забытый человек из семьи У, с родовым именем⁵⁵ Ба и взрослым именем Чу-той.

Он вспомнил Нинток, отца и мать, и как его послали в школу в Гонконг, когда ему исполнилось шесть лет, и как ему хотелось выучиться и вырасти, чтобы стать патриотом, как родители и как тот дядя, которого у него на глазах забили до смерти на деревенской площади только за то, что он был патриотом. От гонконгских родственников он узнал, что «патриот» и «коммунист» – одно и то же и что ни тот ни другой не враги государству. Что гоминьдановские правители такие же плохие, как и заморские дьяволы, навязавшие Китаю неравноправные договоры⁵⁶, и что настоящим патриотом является лишь тот, кто следует учению Мао Цзэдуна. Он вступил в первое из многочисленных тайных братств и работал, чтобы стать лучшим для дела Китая и Мао, который и есть дело Китая, учился у тайных учителей, узнав, что он – часть новой великой волны революционеров, которые отберут у заморских дьяволов и их прислужников власть над Китаем, а их самих навсегда сметут в море.

И он завоевал право учиться в этой школе! В двенадцать лет!

О, как гордились им его тайные учителя. Потом он отправился в варварские края. Он уже умел свободно говорить на языке варваров, и ему не грозили их дурные мысли и привычки, он поехал в Лондон, столицу величайшей в мире империи, зная, что однажды она будет унижена и опустошена, но тогда, в 1937 году, еще была пора ее последнего расцвета.

Там он провел два года. Ненавидя эту английскую школу и соучеников-англичан. «Чинки⁵⁷, чинки, чин, китаец, на хвосте⁵⁸ сидит, как заяц...» Но скрывая это и скрывая слезы. И его новые учителя из Братства помогали ему, наставляли его, сопоставляя вопросы и ответы с окружающей действительностью, доказывали, какое чудо эта диалектика, как чудесно быть частью самой настоящей, реальной, бесспорной революции. Он никогда этого не оспаривал, никогда не возникало такой необходимости.

Потом война с немцами и эвакуация со всеми остальными девочками и мальчиками в безопасную Канаду. Все это замечательное время, проведенное в Ванкувере, в провинции Британская Колумбия, на берегу Тихого океана. Все эти безбрежные просторы, горы и море, и цветущий чайна-таун, где хорошо готовили по-нинтокси. И новый филиал мирового Братства, и другие учителя. Всегда находился кто-то мудрый, с кем можно было поговорить, всегда кто-то был готов объяснить и посоветовать... Школьные товарищи его по-прежнему не принимали, но он побивал их и у доски, и в спортивном зале, в боксерских перчатках, и в любимых ими видах спорта. Он был старостой класса, хорошо играл в крикет и теннис – этому его тоже

⁵⁵ Родовые имена (кит. бань цы) – ограниченное число имен, которые присваиваются членам рода по определенному циклу. Вместе иероглифы этих имен могут составлять стихотворение о чаяниях семьи или о ее истории. В некоторых китайских семьях родовым именем является первый из двух иероглифов, составляющих личное имя.

⁵⁶ Неравноправные договоры – пришедшее из английского языка и бытующее в современном Китае название ряда договоров, подписанных Китаем, Японией и Кореей в XIX – начале XX в., начиная с Первой опиумной войны и Нанкинского договора 1842 г., когда эти страны были не способны оказать сопротивление военному и экономическому давлению ведущих западных держав.

⁵⁷ Чинки (чинк) – презрительное именование китайцев.

⁵⁸ Имеется в виду традиционное представление о китаеце времен последней династии Цин, когда, по маньчжурскому обычаю, взрослые мужчины были обязаны сбривать волосы на голове и оставлять лишь длинную косичку на затылке.

учили. «Совершенствуйся, Чу-той, сын мой. Совершенствуйся и будь терпеливым во славу Партии и во славу Мао Цзэдуна, который и есть Китай» – это было последнее, что сказал ему отец. Тайные слова, отпечатавшиеся в его сознании с шестилетнего возраста, отец повторил на смертном ложе.

Вступление в ряды канадской конной полиции тоже было частью этого плана. Преуспеть там оказалось легко: в его ведении был чайна-таун, район причалов, и набережных, и тихих задворков; он говорил на английском, на северном диалекте – мандарине, на кантонском (знание родного нинтокского он глубоко скрывал). Не составляло труда стать прекрасным полицейским в этом широко раскинувшемся красивом портовом городе. Вскоре ему уже не было равных: он знал ванкуверских китайцев, как никто, ему доверяли, он все больше совершенствовался и неумолимо боролся с преступлениями, которыми кормились триады чайна-тауна: опиум, морфин, героин, проституция и неизбежные подпольные азартные игры.

Его хвалили за работу – как начальство, так и руководители Братства. Последние тоже выступали против засилия банд, наркоторговли и преступности и помогали ему в аресте преступников и раскрытии преступлений. Их единственный тайный интерес составляла внутренняя структура конной полиции, порядок приема на работу, увольнения и продвижения по службе, методы сбора и обработки данных, ведения следствия и наблюдения, способы контроля. Из Ванкувера его послали на шесть месяцев в Оттаву: его уступил на время благодарный шеф полиции, чтобы помочь в тайном расследовании деятельности сети наркоторговцев-китайцев. Там он завел новые важные контакты среди канадцев и членов Братства, узнавал все больше и больше, уничтожил сеть наркоторговцев и получил повышение. Контролировать преступность и получать повышение не так уж и трудно, если у тебя везде сотни тайных друзей и соглядатаев.

Потом кончилась война, и он подал рапорт о переводе в полицию Гонконга – это была завершающая часть плана.

Но уезжать не хотелось, он полюбил Канаду и полюбил *ее*. Жанетту. Жанетту де Буа. Девятнадцатилетняя канадская француженка из Монреаля, она говорила по-французски и по-английски, ее родителям, франкоканадцам не в одном поколении, он нравился, их не смущало, что он *Chinois*⁵⁹, как они его шутливо называли. Ему тогда был двадцать один год, и про него уже говорили, что он верный кандидат на повышение, что его ждет хорошая карьера, что он скоро женится, где-то через год...

Брайан Квок мучительно заворочался на матрасе. Кожа была липкая, а темнота давила. Он смежил налившиеся свинцом веки и позволил себе вернуться назад к ней в то время, в то плохое время его жизни. Он вспомнил, как убеждал Братство, руководителя, говорил, что в Канаде от него будет больше пользы, чем в Гонконге, где он станет лишь одним из многих. Здесь, в Канаде, он единственный. Пройдет несколько лет, и он окажется на первых ролях в ванкуверской полиции.

Но все его доводы были отмечены. Он с грустью понял, что руководители правы. Он понял, что, оставшись, в конце концов перешел бы на другую сторону, порвал бы с Партией. Благодаря знакомству с докладами канадской полиции о Советах, КГБ, ГУЛАГах у него уже появилось слишком много вопросов, на которые он не находил ответа, слишком много друзей, канадцев и националистов. Гонконг и Китай уже отошли в далекое прошлое. Здесь была Жанетта, он любил ее и ту жизнь, которую они вели, любил свою машину с форсированным двигателем и престиж среди равных себе по положению, для него они уже стали своими, а не варварами.

---

⁵⁹ Китаец (*фр.*).

Руководитель напомнил ему о прошлом, напомнил, что варвары всего лишь варвары, что он нужен в Гонконге, где битва только начинается, где Мао еще не стал председателем Мао, еще не победил, еще сражался с Чан Кайши.

Он с горечью повиновался, как ни тяжело было что-то делать против воли. Он понимал, что он в их власти, и поэтому повиновался. Потом были четыре бурных года до сорок девятого, когда Мао одержал невероятную победу, в которую трудно было поверить. Затем он снова стал глубоко внедряться, в этом помогал его блестящий талант борьбы с ненавистной ему преступностью, которая была позором для Гонконга и пятном на репутации Китая.

Теперь в его жизни опять все стало хорошо. Его повышали по службе, англичане привязались к нему, уважали его как выпускника хорошей английской частной школы, который прекрасно говорит по-английски со свойственным правящим слоям акцентом и демонстрирует высокий класс во всех традиционно английских видах спорта, как все, кто входил в элиту империи до него.

«И вот теперь шестьдесят третий год, мне тридцать девять, и завтра... нет, не завтра, в воскресенье, в воскресенье гонки по холмам, а в субботу скачки, и Ноубл Стар – Ноубл Стар, или Пайлот Фиш Горнта, или лошадь Ричарда Квока, нет, Баттерскотч Лэсс Ричарда *Квана*, или аутсайдер Джона Чэня Голден Леди? Поставлю-ка я на Голден Леди – все до последнего пенни, да, все, что накоплено за всю жизнь, а еще свой „порше“, хотя это, конечно, глупость, но мне придется это сделать. Придется, потому что так велел Кросс, и Роберт с ним согласен, и они оба сказали, что я должен поставить еще свою жизнь, но господи боже, ведь Голден Леди прихрамывает в паддоке, а ставки уже сделаны, и вот они уже пошли и мчатся, давай, Голден Леди, давай ради Мао, пусть нависли грозовые облака и сверкает молния, давай, все мои сбережения и моя жизнь поставлены на твой паршивый, мерзкий, проклятый, о Председатель Господь, не оставь меня...»

Он уже глубоко погрузился в сон, и сны у него были скверные, наркотические, и Хэппи-Вэлли – Счастливая Долина – стала Долиной Смерти. Его глаза не почувствовали, как зажегся свет и распахнулась дверь.

Пора было начинать снова.

Армстронг смотрел на друга, жалея его. Свет был тщательно приглушен. Рядом стоял старший агент Малкольм Сунь, охранник и доктор из штата Эс-ай. Маленький, юркий, лысоватый, живой и вертлявый, как птичка, доктор Дорн измерил Брайану Квоку пульс и давление, послушал, как бьется сердце.

– «Клиент» в прекрасной форме, суперинтендент. В физическом плане, – сказал он с еле заметной усмешкой. – Кровяное давление повышено, сердечко частит, но это и неудивительно. – Он сделал соответствующие пометки в «истории болезни» и передал ее Армстронгу. Тот посмотрел на часы, записал время и тоже поставил подпись.

– Можете продолжать, – произнес он.

Доктор тщательно наполнил шприц. С превеликой осторожностью он сделал Брайану Квоку укол в ягодицу новой иглой. Не осталось почти никакого следа, лишь крохотная капля крови, которую он вытер.

– Ужин, когда скажете, – с улыбкой проговорил он.

Армстронг лишь кивнул. Охранник Эс-ай добавил в ведро немного мочи, и это тоже было отмечено в «истории болезни».

– Вот ведь додумался измерять уровень. Не ожидал от него этого, – прокомментировал Малкольм Сунь.

Инфракрасные лучи позволяли легко следить за малейшими движениями «клиента» через смотровые отверстия в светильниках на потолке.

– *Цзю ни ло мо*, кто бы мог подумать, что он лазутчик? Умница такой всегда был, эти его, умница.

– Будем надеяться, что бедняга не слишком, эти его, большой умница, – мрачноотреагировал Армстронг. – Чем быстрее он заговорит, тем лучше. Старик от него не отступится.

Остальные взглянули на него. Молодой охранник поежился.

Неловкую тишину нарушил доктор Дорн:

– Нам поддерживать двухчасовой цикл, сэр?

Армстронг посмотрел на друга. Первую дозу наркотика тот получил с пивом сегодня в 13:30. После этого к Брайану Квоку применяли «классификацию 2», то есть чередование сна и бодрствования с помощью химических препаратов. С периодичностью два часа. Инъекции для пробуждения чуть раньше 16:30, 18:30, 20:30, и это будет продолжаться до 6:30 утра, когда начнется первый серьезный допрос. Через десять минут после каждой инъекции сон «клиента» искусственно прерывается, и химические препараты вызывают повышенную жажду и голод. Он жадно проглотит еду и одним глотком выпьет холодный чай, и добавленные туда наркотики быстро возымеют эффект. Глубокий сон, очень глубокий и очень недолгий, будет вызван еще одним уколom. Чередование темноты и режущего глаз света, резкие звенящие голоса, сменяющиеся тишиной. Потом пробуждение. Завтрак. А два часа спустя ужин, а еще через два часа – завтрак. Для все больше теряющего ориентацию во времени сознания двенадцать часов будут казаться шестью днями – или больше, если «клиент» выдержит, двенадцатью днями. Не нужно никаких пыток, только темнота и дезориентация, этого достаточно, чтобы выяснить у вражеского агента все, что нужно, или заставить его подписать, что ты хочешь, потому что вскоре он будет считать твою истину своей.

Добиться этого можно от кого угодно.

От кого угодно после недели в режиме «сон – бодрствование – сон», а потом двух-трех дней без сна.

От кого угодно.

«Боже всемогущий, – думал Армстронг, – ты будешь держаться до конца, бедный ублюдок ты паршивый, но ничего хорошего это тебе не даст. Ничего».

Но тут часть сознания взбунтовалась, вопя: «Ведь он тебе не друг, он вражеский агент, он лишь „клиент“, враг, предававший тебя и все и вся уже много лет. Вероятно, он выдал Фэн-фэна и его ребят, с которыми сейчас в какой-нибудь паршивой, вонючей камере происходит то же самое, только без докторов. За ними так не следят, не проявляют такой заботы.

Ну и что? Разве таким обращением можно гордиться? Разве это может позволить любой цивилизованный человек? Нет. Разве обязательно пичкать беспомощное тело химическими препаратами? Нет...

Да, да, это нужно. Да, иногда это необходимо. И убивать иногда необходимо – бешеных собак, людей... О да, некоторые люди... Зло и бешеные собаки... Зло. Да. Тебе приходится применять все эти методы современной психиатрии, разработанные Павловым и другими советскими специалистами, разработанные коммунистами под режимом КГБ.

Ага, но обязательно ли действовать, как они?

Господи, я не знаю! Знаю лишь, что КГБ пытается уничтожить нас всех, низвести до их уровня и...»

Взгляд Армстронга сконцентрировался, и он увидел, что все пристально смотрят на него.

– Что такое?

– Так нам поддерживать двухчасовой цикл, сэр? – обеспокоенно повторил доктор.

– Да. Да, и в восемнадцать тридцать начинаем первый допрос.

– Вы сами будете его проводить?

– Господи боже, это же есть в приказе! – рявкнул Армстронг. – Вы что, черт возьми, читать не умеете?

– О, извините, – тут же ответил доктор. Все знали, что Армстронг был в дружеских отношениях с «клиентом» и что Кросс приказал ему проводить допрос. – Не хотите ли принять успокоительное, сэр? – заботливо спросил доктор Дорн.

Армстронг грязно выругался и вышел, разозлившись на себя за то, что не сдержался из-за этого паяца-доктора. Он отправился на самый верхний этаж в офицерскую столовую.

– Бармен!

– Сию минуту, сэр!

Быстро принесли его обычную кружку пива, но сегодня эта мягкая темная жидкость, горьковатая, с явным привкусом солода, которая ему так нравилась, не утолила жажды и не освежила рот. Он уже тысячу раз пытался представить, что будет делать, если схватят *его* и посадят голого в такую камеру. Ведь он знает почти все эти методы, знает, как это делается, и будет начеку. «И у меня выйдет получше, чем у бедного Брайана, черт возьми, – мрачно думал он. – Бедолага знает так мало. Да, но поможет ли то, что ты много знаешь, когда сам окажешься „клиентом“?»

Кожа стала липкой от пота при мысли о том, что ожидает Брайана Квока.

– Бармен!

– Да, сэр, сия минуту, сэр!

– Добрый вечер, Роберт, можно к тебе присоединиться? – Это был главный инспектор Дональд С. С. Смит.

– О, привет. Да... садись, – пригласил Армстронг без особого энтузиазма.

Смит уселся рядом на высокую табуретку у бара и поправил поудобнее руку на перевязи.

– Как оно?

– Как всегда.

Смит кивнул, и Армстронг подумал, как все же тому подходит его прозвище – Змея. Симпатичный, гладкий, хитрый, как гад ползучий, вызывающий то же ощущение смертельной опасности, от которого стынет кровь в жилах, и та же привычка проводить по губам кончиком языка.

– Господи! До сих пор трудно поверить, что это Брайан. – Смит, один из немногих, был в курсе насчет Брайана. – Поразительно.

– Да.

– Роберт, у меня приказ начальника уголовного розыска, самого высокого твоего босса, принять у тебя дело Вервольфов, пока ты занят. И любые другие дела, которые, по твоему мнению, я мог бы вести.

– Все в папках. Номер два у меня – главный сержант Тан-по... Хороший детектив, действительно очень хороший. – Армстронг глотнул пива и цинично добавил: – И с хорошими связями.

– Прекрасно, это на пользу дела, – улыбнулся одним ртом Смит.

– Только не надо наводить в моем бедном районе свои порядки.

– И не мечтай, старина. Меня только на Восточный Абердин и хватает. Так и что же насчет Вервольфов? Продолжать наблюдение за Филлипом Чэнем?

– Да. И за его женой.

– Занятно. Ведь до того, как выйти за старого скупердя, она была Майвэй Чжун, верно? Занятно еще и то, что один из ее родственников – Колибри Сун.

Армстронг уставился на него:

– Ты хорошо подготовился.

– Служба такая! – сказал Смит и мрачно добавил: – Хочется побыстрее добраться до этих Вервольфов. У нас в Восточном Абердине уже три панических звонка от людей, которым звонили Вервольфы и требовали *сян ю* «осинь бысла», грозя похищением. Я слышал, что такое происходит по всей колонии. Если нам позвонили трое перепуганных граждан, можешь

быть уверен, что еще триста побоялись это сделать. – Смит попивал виски с содовой. – Это нехорошо для бизнеса, совсем нехорошо. Корову за один раз дважды не подоить. Если мы этих Вервольфов быстро не сцапает, они откроют свой «монетный двор». Несколько звонков по телефону – и деньги уже отправлены по почте. Бедные жертвы будут, черт возьми, только рады откупиться, чтобы не привлекать внимания. И любому другому преступнику, учувшему поживу, есть где разгуляться.

– Согласен. – Армстронг допил пиво. – Еще будешь?

– Позволь мне. Бармен!

Армстронг наблюдал, как ему наливают пиво.

– Думаешь, есть связь между Джоном Чэнем и Колибри Суном? – Он помнил этого Суна, богатого судового магната с репутацией любителя орального секса, которого похитили шесть лет назад, и криво усмехнулся. – Господи, я не вспоминал о нем сто лет.

– Я тоже. Эти два дела никак не пересекаются. Мы посадили похитителей Суна в тюрьму на двадцать лет, и они сгниют там. Но кто знает, может, какая-то связь есть. – Смит пожал плечами. – Диана, должно быть, ненавидела Джона Чэня. И я уверен, что он платил ей тем же. Это общеизвестно. Та же история была и со стариной Колибри. – Он засмеялся. – Еще одно прозвище Колибри, у профессионалов, так сказать, – Сун Сунь Нос.

Армстронг хмыкнул и потер глаза, чтобы стряхнуть усталость.

– Может, стоит встретиться с женой Джона – Барбарой? Я собирался сделать это завтра, но... Может, это что-то даст?

– Я уже договорился. А первым делом хочу съездить в Шатинь. Вдруг местные что-нибудь упустили под дождем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.